

**РОО «Тамбовское общество любителей краеведения»
ТОГБУК «Научно-методический центр народного
творчества и досуга»**

**ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ И
ФОЛЬКЛОРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ**

*Каталог фольклорных форм
традиционной региональной культуры*

**Тамбов
2021**

УДК 98
ББК 63.3 (2Рос-4Там)
И85

*Работа выполнена при поддержке Фонда президентских грантов,
проект № 19-2-000669.*

Рецензент:

Мизис Ю. А., доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина».

Авторы-составители:

Евтихиева Л. Ю., кандидат филологических наук, член РОО «Тамбовское общество любителей краеведения»;

Житин Р. М., кандидат исторических наук, член АНО «Тамбовское библиотечное общество», РОО «Тамбовское общество любителей краеведения».

Под общей редакцией М. И. Семёнова, Л. Ю. Евтихиевой.

И85 Исчезающие образы народных традиций и фольклора Тамбовского края : каталог фольклорных форм традиционной региональной культуры / авторы-составители : Л. Ю. Евтихиева, Р. М. Житин ; под общей редакцией М. И. Семёнова, Л. Ю. Евтихиевой ; РОО «Тамбовское общество любителей краеведения», ТОГБУК «Научно-методический центр народного творчества и досуга». – Тамбов : Издательство Першина Р. В., 2021. – 176 с. : ил.

Издание отражает исчезающие формы традиционной культуры Тамбовского края: традиционные игры «Атмановские кулачки», «Гармонный наигрыш "КИРСАНЁНОК"», «Миф о тамбовском волке», «Фёдоровская керамика».

Адресовано историкам, краеведам, сотрудиникам библиотечных и архивных учреждений, учащейся молодежи.

©РОО «ТОЛК», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ И ФОЛЬКЛОР ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	5
БРЕНДОВЫЕ ОБРАЗЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ФОТОКАТАЛОГ И КОММЕНТАРИИ	28
Фёдоровская керамика	28
Тамбовский волк	90
Атмановские кулачки	130
«Кирсанёнок» («Кирсановского», инструментальный гармонный наигрыш)	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каталогизация объектов традиционной народной культуры Тамбовского края - перспективное направление научных исследований в области истории, этнографии, искусствоведения, культурологии, фольклористики, этнолингвистики. Издание, которое Вы сейчас держите в руках, - это пилотная версия осмысления и визуализации наиболее ярких фольклорных образов региональной этнокультуры, при этом термин «фольклор» мы понимаем широко, включая в него все виды творческого самовыражения народа с помощью кодифицированного языка культуры.

В презентацию и интерпретацию исчезнувших и исчезающих образов фольклорной традиции Тамбовского края включены сведения, собранные по ходу реализации гранта «Родной край – сердцу рай!». Программа проекта включала самые разные аспекты материальной и духовной культуры сельского населения Тамбовской области: традиционные виды хозяйствования, орудия труда, жилищное и хозяйственное строительство, инженерные сооружения, история исчезнувших и исчезающих сельских поселений, ремёсла и промыслы, традиционная одежда, питание, виды активности, повседневный и празднично-обрядовый быт, язык, фольклор и пр. Собранные в ходе исследования материалы еще долгое время будут оставаться предметом профессионального интереса ученых-гуманитариев. В первый же каталог, как мы полагаем, открывающий серию последующих каталогов, включены наиболее известные уникальные и яркие образы традиционной культуры Тамбовщины, брендовый характер которых объясняет их исконная связь с региональной картиной мира, особенностями менталитета и глубинами исторической памяти. Вполне закономерным нам представляется то обстоятельство, что эти образы укоренены в самых разных аспектах бытия сельского населения Тамбовской области.

Краткая общая характеристика народного творчества Тамбовщины дополнена описанием конкретных объектов регионального наследия, а также окружающего их пространства традиционной культуры: традиционные игры «Атмановские кулачки», «Гармонный наигрыш КИРСАНЁНОК», «Миф о тамбовском волке», «Фёдоровская керамика».

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ И ФОЛЬКЛОРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Исчезающие образы народных традиций и фольклора Тамбовского края, являясь неотъемлемой частью, а также локальным вариантом общенациональной традиции, представлены вербальными, литературными, музыкальными, танцевальными, игровыми, мифологическими, обрядовыми, этическими, ремесленными, хозяйственными и пр. видами художественной деятельности. Эта деятельность осуществлялась с помощью устного канала коммуникации, что касается не только словесного фольклора, но и любых аутентичных форм хозяйствования и творчества. По сумме демонстрационных признаков тамбовская фольклорная традиция определяется как *южнорусская*, что подтверждается фактами тамбовских говоров, основными этнографическими комплексами, характеристиками музыкальной речи.

Тамбовский фольклор опознается по ярким диалектным особенностям, прежде всего, фонетическим, а также грамматическим, лексическим и синтаксическим: аканье, диссимилятивное яканье, фрикативный «г», протеза «а» в начале слов – «альняной», «аржаной», «арипей»; сочетание «хв» вместо «ф», дифтонг «уо» на месте древнего «ятя», смягчение «к» после мягких согласных, долгий твёрдый на месте мягкого шипящего; глаголы 2 спряжения мн. ч. на – «ть»; употребление окончания «ого/аго» на месте нормативного «ова/ева», употребление формы женского рода на месте среднего; «мине», «табе» – вин. п., ед.ч.; употребление терминов родства – свякры', до'чиря, свякро'вия и пр. По этим и другим признакам фольклорная речь тамбовщины относится к *восточно-рязанской группе южнорусского наречия*.

Экспедиционная практика показывает, что, соблюдая в официально-деловой сфере нормы литературного языка, представители традиции, воспроизводя фольклорный текст, возвращаются в стихию устной диалектной речи. Т.о., фольклорные тексты являются способом сохранения аутентичного варианта национального языка.

Сложившаяся в ходе длительного отбора система тамбовского фольклора есть результат варьирования множества полиэтнических традиций, привнесенных на степную окраину Московского государства «сходцами». Весомым представительством сходческого населения было крестьянство, заселявшее Дикое поле свободно и под

давлением правительства. Как показывают археологические данные, на заселяемой территории продолжало жить исконное население, среди которого мордва (мокша и эрзя), татары, черемисы, мещера и др. Условия жизни на приграничной полосе не позволяли ни одной из групп утвердиться в качестве доминантной, следовательно, традиция формировалась в ходе свободного обмена. Обособленную фольклорную традицию сохраняло автохтонное население, доля которого в общем составе резко сократилась к концу XIX в. Следом древнейшего угро-финского пласта тамбовского фольклора являются рефрены таких игровых хороводов, как «Ой, мне горя»¹, а также многочисленные топонимические легенды и мифологические мотивы сказочной и обрядовой прозы. То же можно сказать и о тюркских рудиментах фольклора. В региональную фольклорную традицию весомый вклад внесло украинское население, также представленное сходцами, притекающими с необустроенного юга на более благополучный север. Эти яркие вкрапления носителей древнекиевских культурных традиций еще вполне отчетливо наблюдались, например, в пригородных селах Тамбова (Донское, Горелое, Малиновка, Татаново и др.) в конце XX века, о чем свидетельствует широкое распространение в этом ареале песен «Посияла огурочки», «Чумак», «Бу каво диток симь» и др.

Эмблематичными формами мордовского прошлого Тамбовщины являются ключевые топонимы «Тамбов», «Цна», а также легенды и народные этимологии, закреплённые за ними. Опираясь на авторитетное мнение М. Фасмера, топоним «Тамбов» возводят к указательному местоимению мордовского (эрзянского) языка - *tombal*; - *tombal*;е «на другой стороне, по ту сторону»². Народная память хранит иное толкование топонима – «Там Бог», то есть над городом Тамбовом, согласно народной этимологии, распростёрт невидимый Покров Божий, делающий это место недосягаемым для врагов. На основе письменных свидетельств нельзя сказать, когда появилась эта версия. Однако, вполне очевидно, что в годы гонений на веру источником такой этимологии могла быть только прицерковная среда, прежде всего, среда единственного действовавшего в 40-е годы в Тамбовском районе храма – Покрова Пресвятой Богородицы. Действительно, полчища фашистской нечести остановились у самой границы Тамбовской области, по молитвам сонма тамбовских святых Тамбов оказался недосягаемым для врага, «яко с нами Бог!».

---

¹ Шацкий, Моршанский р-ны.

² Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер. М., 2007. Т. 4. С. 17.

Народная память склонна усматривать мордовский след и в других топонимических номинациях, в таких, например, как «Цна», «Сампур». Такое восприятие поддерживает легенда о красавице Цне и её возлюбленном – охотнике Сампоре, записанная А.В. Сохранским³. Сюжетная схема легенды такова: «мордовская красавица Цна плачет о погибшем охотнике Сампоре и превращается в реку, которая по её имени называется Цной». Сампор – п. Сампур Тамбовской области. Топонимисты сомневаются в мордовском происхождении гидронима «Цна», находя к нему славянские, древнерусские, балтийские этимоны⁴. Еще больше сомнений вызывает мордовская интерпретация топонима «Сампур», для которого показательна народная этимология, записанная учителем русского языка и литературы Сампурской средней школы Викторией Петровной Нестеровой: «Еще во времена Золотой Орды татарский мурза путешествовал по Цне и сделал остановку в местечке Сампур, он зачерпнул из речки воды и, испив, одобрительно причмокнул – «Цн-а-а!», т.е. вода показалась ему вкусной. «Татарский мотив» этой народной этимологии вызывает аллюзию татарских мужских имён – Сабир, Сабур (выносливый), Самур (в астраханских диалектах – «дикий кабан», в крымско-татарском – «соболь»). Кстати, в Дагестане и Азербайджане есть река с именем «Самур». Эти имена гармоничны контекстам топонимических легенд: новгородские охотники за соболем, путешествующие по реке Цне, юноша-охотник, которого оплакивает Цна. Перспективно было бы осмыслить мордовский и тюркский именник, как словообразовательную основу других тамбовских топонимов, например, река Токай: Токай – исконное тюркское мужское имя. Ко времени монголо-татарского владычества возводят легенды о топонимах Тамбовского района: посёлок Эксталь, реки - Кёрша и Хмель⁵.

Историческая память о лихих временах Дикого поля запечатлена в легендах и сказках о тамбовских курганах, с которыми связывают истории о знаменитых разбойниках, чудесных кладах и пр. Вполне закономерно, что такие курганы называют «пирамидами степей»: возраст этих сооружений времен сарматов и скифов исчисляется 3–3,5 тысячами лет. О таких курганах между Волгой и Доном сообщалось

---

³ Легенды и предания тамбовского края / автор А.В. Сохранский, составители С.А. Чеботарев, А.Н. Алленов. Тамбов, 2004. 108 с.

⁴ Словарь гидронимов ТО / авторы-сост.: Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. Тамбов, 2000. 41 с.

⁵ Юдин Б.И. Антология истории сел легенд и преданий Тамбовщины. Изд. 2-е. Тамбов, 2012. 392 с.

еще в знаменитой «Хронике» древнегреческого историка Константина Богрянородного, который сообщал о древнем обитании готов в Лебедии, ныне – Лебединь.

Один из легендарных тамбовских курганов находится в с. Хитрово. Старожилы рассказывают, будто под ним похоронен древний богатырь, а холм насыпали шлемами по приказу военачальника, чьим сыном и был витязь, предательски убитый в бою. По ночам на вершине кургана загораются блуждающие огоньки. Подниматься на вершину кургана считается дурной приметой.

Однако, самый богатый пласт тамбовских легенд посвящен разбойнику Кудеяру, с которым связывают предания о зарытых им кладках. Кудеяровы курганы, городки, овраги, камни, леса, урочища – составляют легендарную карту сокровищ между Доном и Цной. «Удалой Кудеяр-атаман оставил о себе память в сказках и легендах, записанных в сёлах: Воронцовка, Носины, Давыдово Моршанского уезда, в селе Перкино (овраг «ТЕРБЕНЬ»), Пчеляй Сосновского р-на, Трегуляй Тамбовского р-на, курган «Шатрище» близ Юрловки Никифоровского района, Кудеярово городище под Усманью, Кудеяров клад на дне озера Чистое. В этом ареале бытуют сказы, в которых Кудеяр предстоит не только, как разбойник, но и колдун, который спит на «белой свитке», поочерёдно закрывая то левый, то правый глаз. Надев белую свитку, он становится невидимым; брошенная в воду свитка превращается в чёлн, на котором Кудеяр уходит от любой погони.

Однако наиболее популярны не сказы о разбойнике-Кудеяре, а песня, которая рассказывает о чудесном преображении разбойника в насельника монастыря: «Жили 12 разбойников/ Среди них Кудеяр-атаман/ Много разбойники пролили крови честных христиан...».

Помимо Кудеяра есть и другие тамбовские разбойники: Тяпка, Мартынка и Караулка, о которых упоминает И.И. Дубасов, Чурик и Юрик (топонимические легенды сёл Юрьево и Чурюково), Тяпка, Волот. О них свидетельствуют древние курганы: «Тяпкина гора» под Куйманью (ныне Липецкая область), «Волотова могила» (с. Волотово ныне Липецкой области), городище в селе Терновое Мичуринского района, где скрывались разбойники Тяпка, Мартын и Караулка, последний из них «прославился» погромами монастырей - Мамонтова и Адрианова пустыни, Черниев монастырь. Знатком и исследователем «разбойничьей темы» в традиционной культуре Тамбовщины был А.Н. Норцов, составивший карту разбойничьих кладов и записав

сведения о них⁶, именно он описал группу курганов Козловского уезда, в одном из которых была найдена статуя бронзового Будды⁷. В тех же местах (в с. Юрловка, с. Сабурово) Л.А. Воейков, член Тамбовской учёной архивной комиссии, записал легенды о Кудеяре. Эти легенды долго помнились в народной среде, одна из них, записанная в с. Сабурово, была опубликована в форме сказки в конце XX века:

*«Пропала лошадь у мужика. Искал не нашел. Вздумал подняться на курган, чтобы посмотреть окрест – нет ли где лошади. На курган никто не забирался. Недобрая слава. Он весь зарос колючками. Забрался весь поранился Вдруг видит – свет пробивается.. Видит дверь в курган Вошел светло как днём кругом золото В пещере сидит старичёк седой сердиты й – Ты зачем сюда пришел? (Объясняет) – Садись на цепь вместо меня... - Нет – Ну, тогда бери, сколько хочешь... Обрадовался... - Но иди и не оглядывайся. Если обернёшься, все пропадёт ... Поищел до дома. Сзади шум. Визг **Хвастать по спине**. Дошел до села, ну думает всё, посмотрю, кто хвастал... Оглянулся и все пропало Упустил своё счастье»⁸.*

Формирование регионального варианта фольклорной традиции осуществлялось в особых историко-культурных условиях степного пограничья нового типа российской государственности. В этих условиях такие системообразующие свойства фольклора, как коллективность, синкретизм, функциональность и инклюзивность дали почву для образования регионального варианта народной традиции. Новая общность нашла выражение в традиционных фольклорных формах, стремительно осуществив уникальных отбор средств выразительности, окрасивших всю структуру традиции. Инклюзивность и функциональность определили вектор формирования локальной фольклорной традиции. Множественность способов инклюзии не позволила фольклорным формам консолидироваться в крупные локальные инварианты, равномерно членящие культурный ландшафт, вследствие чего мы видим дробную карту тамбовского фольклора, представленную множеством субареалов. Каждый субареал манифестируется приоритетом выбора доминирующих жанров, средств типизации мотивов, сюжетов, героев; способов метафоризации и метроритмической организации, репертуаром единиц фольклорного

---

⁶ Нарцов А.Н. Историко-археологическая карта тамбовской губернии. Тамбов, 1904. 33 с.

⁷ Нарцов А.Н. О бронзовом бархане, найденном в Козловском уезде. Тамбов, 1904. 10 с.

⁸ Романов О. Сабуровская сказка // Знамя. Общественно-политическая газета Тамбовского р-на. № 95 (7091). 1991. С. 4.

языка и пр. Дробность тамбовского фольклорного ареала не исключает его целостности, обеспеченной единой языковой системой, связанной с древним мифологическим кодом, который трансформировался в условиях парадигматических сдвигов, каким для русской культуры вообще и тамбовского её варианта в частности является принятие Христианства. Под воздействием таких черт мифологического сознания традиционного общества, как синкретизм, символизм, генетизм, этнологизм, возник феномен народного православия, сочетающий ветхое и новое в единой традиционной картине мира.

Соответствуя природе человека, отвечая его представлениям о мире, фольклор на протяжении веков, не нарушая локальной самобытности, являлся «средством сближения различных народов и социальных групп», хранилищем исторической памяти, а также системы ценностей, структурирующей культурные смыслы экономического, культурного, политического развития региона. Особенности социального состава населения, историко-культурные и природные условия определили своеобразие корпуса тамбовских фольклорных текстов, отличных от воронежско-белгородских, рязанско-владимирских, курских образцов фольклорной традиции. Основные свойства локальной фольклорной культуры сложились в ходе хозяйственного освоения края, миграционных процессов, особенностей взаимодействия с соседними регионами и государством, в целом. Начало этого процесса было положено с конца XVI – начала XVII вв. в ходе вольных и правительственных колонизаций степной окраины государства, т.н. «дикого поля». На Тамбовскую засечную линию, перекрывающую путь степнякам по Ногайскому шляху вдоль левого бережья Дона, устремилась наиболее пассионарная часть населения. На протяжении 798 км. Белгородской черты образовался мощный канал устной, т.е. фольклорной, коммуникации. Сходческий характер населения обусловил вторичный тип традиции, формируемой в результате стихийного отбора и кодификации единиц регионального варианта языка русской культуры. Мощным фактором влияния на вторичную региональную фольклорную традицию является доминирование служилого сословия, входящего в активную культурную коммуникацию, существующую между участками единой оборонительной системы Белгородской засечной черты. Центрами такой коммуникации являлись города: **Тула, Шацк, Козлов, Тамбов, Воронеж, Белгород, Пенза, Самара, Симбирск, Мензелинск.** Таким образом, фольклорная традиция Тамбовского края начала формироваться в период вторичного заселения края. На её

формирование влияла городская культура (города-крепости), которую несло служилое сословие как социальный лидер этого периода.

Характеризуемый период представлял преимущественно мужскую фольклорную традицию, представленную характерной казачьей манерой исполнения песен, развитие жанра песен походных, строевых, а также сольной мужской пляской, рудименты которой еще сохранились в местах локализации однодворческого населения, например, с. Атманов Угол Сосновского р-на, с. Бокино Тамбовского р-на и др. В сильно редуцированном состоянии дошли до нас строевые походные песни, представляющие нетипичную часть репертуарных списков сёл Инжавинского и Умётского р-нов. Отголоском этого этапа формирования тамбовской фольклорной традиции является особое почтение текстам, посвященным истории взятия Казани, тяжелой доле служилого человека: «Соловей Кукушку уговаривал», «Поехал казак на чужбину», «Во саду дерево» и др.

К концу 17 в. оборонительное значение тамбовских городов было полностью нивелировано, служилое казачество передвинулось в другие регионы, оставшиеся жить на Тамбовщине – «окрестьянились». Однако возврата к древнему южному, или севернорусскому типу фольклорного творчества не произошло, т. к. оседлое земледельческое население, осваивая новые природные и культурные ландшафты, преобразовало изначальный языковой код, что сказалось и на иерархических связях жанровой структуры фольклора.

Расхождения между локальными фольклорными традициями объясняются противопоставлением социальных групп: служилые люди и крестьянство – государственное, помещичье, монастырское. Кроме того, компактное проживание переведенных на тамбовские земли крестьян из других губерний позволяло поддерживать наследственный тип аутентичного творчества, позиционируя его как форму самоидентификации. В результате ведущим фактором возникновения локальных тамбовских фольклорных традиций становится способ хозяйствования, определяемый природным ландшафтом. **Выделяется северная, лесная зона и противопоставленная ей южная, степная зона.** Итак, доминирование фольклорной модели, привнесенной служилым сословием как лидером колонизации степной окраины Московского государства в 17 в., не привело к образованию единого тамбовского инварианта устного творчества. Хотя население было в массе однородным, оно консолидировалось вокруг самых разных фольклорных традиций, привнесенных с мест переселения: Владимирская (особенно Муромский уезд), Новгородская, Псковская, Оренбургская, Рязанская и др. губернии. При этом существовало

активное сообщение со сходческим же населением Белгородской черты, объединяемого единством исторической миссии. Исконное население, пережившее на территории Дикого поля период разобщения между землями, составляющими такое геополитическое образование, как Русь, с центром на юге – в Киеве, было немногочисленным и полиэтничным, потому и не могло предъявить сходцам убедительной фольклорной модели самоидентификации и художественного самовыражения.

Дробность тамбовской фольклорной карты представлена особым изоляционным поведением, когда говор, одежда, типы хозяйствования, пение, игра на музыкальных инструментах, система взаимоотношений в семье и мире – являлись причиной противопоставления жителей одного села другим. Например, жители с. Новотомниково Моршанского р-на называют себя «культурными», а выходцев из сёл Носины, Алкужи, Борки и пр. считали «какими-ть ни паводными». Жители с. Атманов Угол и с. Троицкая Вихляйка Сосновского р-на устойчиво считают своё культурное отличие от соседей принципиальным. Особенно настойчиво противопоставляют себя окружению потомки однодворческого населения. Это противопоставление обнаруживает себя даже на микроуровне – внутри одного поселения. Некоторые порядки (улицы, участки) села Атманов Угол, например, являлись в прошлом однодворческими усадьбами – Терешата, Соловьята, Лягущата, Семичата. Жители этих порядков считаются особенными, они не вдруг сходятся с жителями других порядков того же села: Село, Крым, Поволжье, Хомутовка, Вшивка, Выселки. Просматривается также своеобразие фольклорного инварианта жителей монастырских, помещичьих сел.

Устное тамбовское народное творчество представлено богатой жанровой структурой, которая включает: обряды, эпические (прозаические и стихотворные) произведения, песенную лирику, малые (лирические и нелирические) формы, драматические действия. Своеобразный пласт тамбовской традиции составляет сказка. К концу XX века сказочная проза в её аутентичном бытовании перестала быть живым жанром, хотя в середине века сохранность сказочного регионального пласта была еще устойчивой, что подтверждается материалами экспедиции МИФЛИ 1939 года, собранными от тамбовского населения всех зон области, хотя и неравномерно. Эти же материалы показывают, что на высоком уровне находилось и мастерство местных сказителей. Еще в 70-е годы в газете «Тамбовская правда» Ф. Потапов и А. Челищев отмечали широкую известность и мастерство сказителей А.П. Карачуна (Кирсановский район) и А.А. Подкидышевой (Гавриловский район). Сложные, однако, преемственные связи обнаруживает творчество

современных сказительниц, создающие сказочные тексты путем микширования древнего и современного культурного кода. Таковы некоторые сказки Аграфены Подкидышевой (бабы Груни), а также сказки Антонины Чукреевой⁹ и сказы Т.И. Поповой¹⁰.

О том, что сказочная проза некогда составляла неотъемлемую часть повседневной жизни и служила способом наследования локального варианта культурного кода, говорят тексты, представленные собраниями А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, А.М. Смирнова. Они включают тамбовские **сказки о животных, волшебные**, бытовые, докучные, а также анекдоты и пр. Среди повторяющихся сказочных текстов обнаруживаются следующие: «Лисичка-сестричка и волк», «Лиса-повитуха», «Овца, лиса и волк», «Кот, петух и лиса», «Медведь и волки», «Волк и коза», «Свинья и волк», «Волк-дурень», «О козе лупленой», «Мизгирь», «Дочь и падчерица», «Солнце, Месяц и Ворон Воронович», «Баба-Яга и жихарь», «Гуси-лебеди», «Правда и Кривда», «Купеческая дочь и служанка», «Три царства – медное, серебряное и золотое», «Фролка-сидень», «Семь Семионов», «Марья Маревна», «Иван-царевич, жар-птица и серый волк», «О молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде», «Сивко-бурко», «Золотая гора», «Сестрица Алenuшка и братец Иванушка», «Царевна-змея», «Горшеня», «Разбойники», «Оклеветанная купеческая дочь», «Набитый дурак», «Лутонюшка» и др.

Среди прозаических фольклорных жанров в живом бытовании отмечаются **легенды (особенно топонимические) и заговоры**. Заговоры, от простых до развернутых, имеющих вид обрядового действия, отмечаются во всех районах области. Особенно яркую специфику получили в лесных областях: **в Моршанском, Сосновском, Мичуринском, Инжавинском районах**. Пласт тамбовской заговорной традиции получил отражение в указателе В. Л. Кляуса. Сохраняются и другие жанры несказочной прозы. Как показывают экспедиционные данные, повсеместно бытуют фольклорные тексты быличек, бывальщин. Особенно продуктивно развивается пласт бывальщин, рассказывающих о подземных ходах, кладах, неуспокоенных духах и пр. Эта традиция особенно популярна в местах, где есть разрушенные усадьбы и монастыри. Повсеместно коллективная память сохранила рассказы о персонажах низшей мифологии восточных славян: ведьмах, колдунах, ходячих мертвецах, летающих огненных змеях, леших, русалках и другой нечисти; в новейшее время к этой группе добавились бывальщины о НЛО.

---

⁹ Чукреева А. Сказки XXI века / А. Чукреева. Тамбов, 2014. 69 с.

¹⁰ Попова Т.И. Сказы о Земле Тамбовской. Тамбов, 2004. 23 с.

Значимой частью наследия народной культуры являются традиционные виды активности населения, куда входят празднично-обрядовые игровые формы организации досуга. Игровые формы дифференцируются по возрастным, социальным и территориальным признакам. Экспедиционные и археографические данные позволяют сделать вывод об играх и, в еще большей степени, обрядах и праздниках, в которых принимают участие одновременно все присутствующие.

Детский игровой фольклор в форме игрового общения взрослого и ребёнка продолжает фиксироваться повсеместно в живом, хотя и угасающем состоянии. К числу таких форм относим колыбельные, пестушки, потягушки, умывашки и пр. Оригинальные формы игры взрослого и ребёнка зафиксированы в Кирсановском районе в селе Калаис¹¹. Нянька поднимает младенца из колыбели за руки и, обхватив запястья и ладошки ребёнка обеими руками, начинает отбивать ритм в лад со следующей побудкой:

*Чики-чики, чиканок,
Клади ути на канок.
Покладати не спяши,
Пошли ути в камыши.*

Затем, схватив малыша за мысочки ног, опрокидывает его опять на подушку и отбивает ритм, поочередно поднимая то правую, то левую ножку:

*Чики-чики, чиканок,
Пошел батя во шинок,
Во шинок, шиночок,
Повадился мужичок.*

Затем ставит малыша на ножки и, подхвати его подмышки, симулирует пляску:

*Ты, батяня, не гуляй,
(Имя дитя - Сане) шубу починяй,
Приноси домой пятак,
Вот и эдак, вот и сяк.*

---

¹¹ Бурцева Т.Н., 1934 г.р., Никашкина Е.Е., 1932 г.р., Василевская Т.Н., 1948 г.р.

В той же местности бытует игра «В лунки»¹². Дети от 7 до 14 лет вырывают лунки (5-10) по числу играющих и отворачиваются; водящий кладёт в лунки разные предметы (палочку, стёклышко, уголёк, клочок материи, бумажку (фантик), монетку и пр.) и зарывает лунки, отчего образуются пирамидки. Затем играющие по очереди читают считалку «по пальцам», т.е. перебирая пальцы от пятого до первого, затем в обратном порядке к первому пальцу и ещё раз в обратном до среднего пальца:

Тиря, иря, угыл, сугыл, пята, сота, ива, сива, дуб, клён, крест.

На слово «крест» разрывают лунку, на которую укажет играющий. По вынутому предмету гадают о ближайшем событии в жизни человека.

В той же местности была игра «Серый волк, подай голос!»¹³, род прятков. Играло две команды: одна прячется, другая ищет. Последний игрок, которого никак не могли найти, становился победителем и главой команды. Его вызывали обе команды условленным сигналом: «Серый волк, подай голос!». Широкое распространение имеют основные формы и варианты следующих игр: «Бабки», «В мяч», «Горелки», «Казанки», «Классики», «Клёк», «Лапта», «Ножички», «Прятки», «Рюхи», «Салки», «Свайка», «Сигучки», «Чижик». Среди богатого набора посиделочных игр, факт существования которых подтверждён повсеместно, ныне вспоминают на основании личного опыта только о «Поцеловках», «Бутылочке» и танцевальном репертуаре: «Краковяк», «Вальс», «Полечка», «Под испань» («Па д'Эспань»), «Под играс» («Па-де-грас»). Гораздо реже¹⁴ вспоминают некогда любимый, как в народе говорят – «козырный», танец «Нареченка» («На реченьку»), который исполняется под пение:

*«Выйду ль я на реченьку,
Выйду ль на широкую.
Не видать маво (моего) милого,
Друга дорогого.*

*Не сойтись ль, поклониться,
Пойти на веселье,
На веселье, на гулянье,
Потом расставанье...».*

---

¹² Бурцева Т.Н., 1934 г.р., Никашкина Е.Е., 1932 г.р., Василевская Т.Н., 1948 г.р.

¹³ Бурцева Т.Н., 1934 г.р., Никашкина Е.Е., 1932 г.р., Василевская Т.Н., 1948 г.р.

¹⁴ Черняное, Горелое, Стрельцы, Беломестная Двойня.

Не менее любимым, но, тем не менее, забытым танцем, завершавшем посиделки является «Ноченька»¹⁵, или «Ночка», который также сопровождался особыми припевами.

*Ночка тёмна, я боюся,
Проводи меня, Маруся.
Провожала, ручку жала.
Проводила, жалко стало.
Ночка тёмна, глаза выкли,
По ночам ходить привыкли.
Ночка тёмна, грязь по колено,
Проводи меня Елена.*

Среди посиделочных игр жители сел Горелое, Донское Тамбовского района называют «Корчму»: ведущий («корчмарь») присваивает всем присутствующим имя предметов, находящихся в «карчме» (стол, лавка, печь, горшок, солонка, лампа и пр.), далее он рассказывает историю своей жизни и незаметно вплетает в рассказ имена предметов, которые присвоены людям. Услышавший своё имя должен был встать и повернуться вокруг своей оси. Если имя было пропущено, то носителю его накладывался «фант», т.е. игровое задание. Есть варианты этой игры. Пропустивший своё имя клал на кон штраф» (горсть семечек, конфету, копеечку и пр.). Если к концу игры оставалось 2-3 не штрафованных, то они играли с ведущим. Тот из них, кто сочинил историю, в которой упомянуты были слова: «корчма», «корчмарь», - на которые ведущий не отреагировал, забирал приз. Если ведущий не поддавался на уловки, то приз доставался ему. Самобытная игра «Вышенка», в которую играли и на посиделках и во время курагодных гуляний, записана в с. Вышенка Пичаевского района. В центр хоровода выходила девушка с высоко поднятым платком в руке, вокруг неё ходил парень, который пытался отнять платок. Если до конца песни он успевал это сделать, то целовал девушку и становился в круг с нею рядом. Если нет, то ему пели «корильную» припевку:

*Ты такой большой, высокий,
Только веники ломать.
Проводил меня до дома,
Не сумел поцеловать.*

---

¹⁵ С. Коровино Инжавинского района; с. Мордово Мордовского р-на, с. Платоновка Рассказовского района.

Сам же текст игровой песни таков:

*Вышенка моя заалела,
Заалела, вся поспела.
Вышел казачок,
Вышел погулять.
Вышел погулять
Вышенку сорвать.*

Иногда ловкому парню, который быстро выхватил платок из рук девушки, пели:

*Казачок скакнул,
Вышенку пригнул.
Была вышня зелена,
Стала вышенка красна.*

Самым насыщенным играми периодом зимнего календарного периода были святки, длившийся от Рождества Христова до Крещения Господня. Помимо хождений с христославами, калядками, авсенями, посевами, помимо характерных посиделочных игр бытовали разнообразные гадания, игры с загадками и «сказывание» «страшных историй» о «нечести», судьбе, встречах с необычными существами, проклятых детях и прочее. Распространенной формой этого цикла были состязания в «сказывании сказок». Каждый из этих обычаев – номинация для процедуры каталогизации.

Совершенно изгладился из народной памяти корпус хороводных игр и танцев, от которых в живом бытовании остался только обычай «курагодных», «улишных» гуляний. Сама традиция водить хороводы известна, лишь как отголосок рассказов прабабушек и прадедушек (начало XX века). Долгое время в селах Вирятино, Кулеватово Сосновского р-на вспоминали приуроченное к весеннему обрядовому циклу курагодное гуляние «А мы просо сеяли». В селах Атманов Угол и Троицкая Вихляйка вспоминали об обычае собираться курагодом на престольный праздник «Успенъев День». Курагод включал хождение с «Успенским снопом» в церковь и обход домов. Однако фольклор жатвы совершенно не сохранился, хотя древняя мифология еще читается в обычае здешних мест выпускать на стерню козла в целях повышения плодородия пашни, а также в самобытном общем названии уличного гуляния на Успение Пресвятой Богородицы – «Боярское колесо».

Наиболее архаичные элементы языка хранит обрядовый фольклор, календарный и семейный, а также традиции уличных, курагодных гуляний. Для понимания природы обрядового фольклора важно понимать, что он имел вполне прагматическую задачу, помимо эстетических и креативных: он обеспечивал благополучие человека и успех общины. Тамбовские календарные обряды сохранили древние представления о цикличности годового круга, о зависимости успеха в хозяйственной деятельности от природных явлений, на которые можно воздействовать с помощью магии. Фольклор и был тем средством, с помощью которого человек воздействовал на космические и социальные стихии. Как явление позднее, тамбовский фольклор возник в условиях, когда целостный код языческой культуры был уже разрушен и использовался в качестве строительного материала для выражения понятий культуры христианской. Уникальное сочетание этнокультурных концептов с предвечной истиной Закона Божия и дало феномен, известный как народное православие.

Наиболее древние формы фольклорного творчества сохраняют календарные обрядовые циклы, приуроченные к главным событиям церковного календаря, но, тем не менее, насыщенные элементами карпогонической (обеспечивающей плодородие) и апотропейной (обереговой) магии. Устойчиво в составе тамбовского фольклора существуют фольклорные тексты, приуроченные к празднованию Рождества Христова (в православной традиции – 7 января по юлианскому календарю, в католической – 25 декабря по григорианскому). Самые маленькие скандировали: *«Маленький мальчик/ сел на диванчик. Диванчик – хруп! Доставай рупь!»*; *«Каляда, каляда, атваряй вѣрата, открывай сундучок – даставай пѣтачок/. Открывай укладку – дѣставай дѣсятку!»*. С раннего утра в день Рождества ходили по домам славить Христа, как правило, это были дети. Уникальный вариант засвидетельствован в пригородных селах Тамбовского района: *«ро'сказ»* (так называли мальчика-подростка) ходил по домам и пел тропари и молитвы – *«Христос рождается славите», «Рождество Твое, Христе Боже наш», «Слава в вышних Богу»,* а также читал евангельский рассказ. *«Ро'сказу»* платили деньгами, тогда как колядовщикам – пирожками, блинами, салом и пр. Наиболее употребительные варианты святочных **обходных песен**:

*Каляда, каляда! Накануни Рѣждѣства!/
Дай Бог таму, хто ф тем даму/
Яму рожь густа, /ужиниста/
Дай кишку-ножку / в малѣюакошку!/
...*

*Авсянь-кѣляда, /нѣдарогимъ лѣда/
Аткрывай вѣрата/
Мы шли, шли, шли/
На ваш двор взашли/
Лукичѣв - энт двор, Сирядов, Марь*

Пятровн (перечислят соседние дворы)/ Как на этом нѣдваре/ Стаить дроф кастѣр/ И пивной катѣл/ Будим пивушку варить/ Будим Ванюшку жанить...»

Святочный календарный цикл богат фольклорными традициями. Помимо колядок, авсеней, христовлав, припевок на «посевание», во время святочных посиделок устраивались игры, танцы, пелись песни. Специальную приуроченность к святочному циклу имеют «подблюдные песни», под которые совершались гадания. Этот жанр плохо сохранился, хотя память о самом факте существования таковых сохранялась до последних десятилетий. Наиболее известным подблюдным текстом является **«Хлебу да соли долгий век. Слава!»**. Некоторые тамбовские святочные песни отмечены в сборнике Н. Н. Гиляровой, где опубликованы экспедиционные записи в селах до 20-х годов XX века относившихся не к Рязанской, а к Тамбовской области (см.: Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области. Рязань, 1994).

Достаточно хорошо сохранился обычай ходить по дворам на Новый год, как правило, ранним утром, и «посевать» (разбрасывать) зерно: *«Сею. Вею, пѣсеваю, с Новым годом поздравляю...»*. Местной особенностью является совершение этого обхода пастухом. О древности обычая обходных песен на святки свидетельствует их самое широкое распространение у русских и восточных славян, в целом. *Сею-вею, пѣсяваю! С Новым годом пѣздравляю!/ Урадися пѣшаничка, и гарох и чичавичка!/ На поли капнами, нѣстале пирагами!/ Сею-вею, пѣсяваю! С Новым годом пѣздравляю!/ На новѣя лиета. На краснѣя сонца!/ Куда конь хвостом, / Туда жито кустом./ Куда каза рагами,/ Туда сена стагами.*

Совершенно стёрлась группа масленских песен, исполнявшихся женщинами во время недельного празднования Масленицы. Из всего масленинского фольклорного цикла, некогда богатого, сохранилась и относительно широко распространена песня «Ушли, ушли блины», зафиксированная на севере, северо-востоке области. В Борисоглебском и Мучкапском районах, как масленские песни, известны – «Уж ты зимушка-зима» (курагодная, под неё кулачились), «Что же вы, молодцы, не женитесь» (курагодная). Во время масленского обычая величать молодоженов исполнялись свадебные величальные. На Масленицу, если она не ранняя, дети «закликали весну». Повсеместно весенние заклички исполнялись на **«Сорки»**, в общерусской традиции более известные, как «Жаворонки». «Сороки». Народное название праздника переосмысливает церковное почитание 40-ка мучеников севастиийских, приуроченное к 22 марта. Наиболее сохранным

обрядовый ранневесенний цикл остается в **Инжавинском районе**, где широко распространена закличка **«Жаваронушки, красна-солнушки, прилягитя к нам...»**. Заклички весны («веснянки») не утрачены, благодаря тому, что стали неотъемлемой частью детского фольклора. Пение «веснянок» (9- ст. ст.) 22 марта вырастает в целостное обрядовое действо: *«Жаваронушки, /Краснасолнушки!/ Прилягитя к нам!/ Приняситя нам!/ Вясну-красну!/ Лету тёплым!...»*. В местной традиции этот праздник называется обычно – «Сорки», так как в церковном календаре в этот день поминают 40 мучеников Севастийских.

Весенний цикл включает празднование Вербного воскресения, частью которого является **игра в догонялки с прутиком вербы**: догнавший сечет убежавшего прутиком, приговаривая: *«Верба хлёт, бей да слёз. Вставай рани, бяги дали!»*. Нередко с той же «пригудкой» хлещут вербой любого домочадца, без предварительных догонялок. Весенний обрядовый цикл регламентируется всецело церковным календарем: постовые канты (духовные стихи на Великий пост), обходные песни и уличные («курагодные») игры на Пасху (весеннее равноденствие), фольклор троицких гуляний (русальская неделя). Пение духовных стихов сопровождало «поминащие дни», когда духовные канты исполнялись на могилках, во время посещения кладбищ на Красную Горку, Радуницу (Фомина неделя). В целом, жанр духовных стихов переживает второе рождение. Особенностью бытования является хождение письменно зафиксированных в тетрадь текстов духовных стихов. Наиболее известным является «поминащий» духовный стих – **«Спи, моя ро́дня мама»**.

Большая часть курагодных гуляний приурочена к Троице. Уникальным песенным жанром троицкого цикла являются **«рельные» песни**, которые пели, качаясь на высоких «релях» (качелях) повсеместно устраиваемых на Троицу.

В северных, наиболее облесенных местах области еще практикуется особое празднование «Егория вешнего» (6 мая). Помимо выгона скота в этот день принято **«задабривать волков»**, т.е. читать заговор и носить краюшку хлеба в лес, чтобы волки не резали скотину. На северо-востоке области, в Гавриловском, Инжавинском, Кирсановском, Уметском районах, еще в середине XX века широко был распространен обычай **«проводить русалок»**. Хотя информаторы затрудняются назвать точно день совершения обряда, но указывают, что происходит это после Троицы, вначале Петровского поста, а сам обряд называют – «Русалкин день». Карнавальное шествие, обязательно включающее двух человек, накрытых покрывалом и

изображающих коня, с песнями и прибаутками движется от села к ржаному полю. Среди обязательно исполняемых песен называют «**А я по лугу гуляла**». Обряд символизировал изгнание нечисти из мира живых, русалки же символизировали души умерших. В Инжавинском р-не русалку, убранную в зелень девушку, бросали в реку; иногда в реку бросали двоих – парня и девушку. В некоторых местах обряд считался только женским. К его совершению мужчины не допускались. Обязательной частью обряда было общее угощение.

Хотя на территории области зафиксировано немало обрядов, связанных с уборкой урожая, специальных «*жнивных*» песен не было выявлено. Исключение составляют традиции **Успеньева дня с. Атманов Угол Сосновского р-на, где на праздник Успения Пресвятой Богородицы испокон устраиваются кулачные бои. Обязательной частью праздника является обычай прибасать частушки и играть мужскую песню «Приходит праздник день Успеньев, идём с товарищем гулять».** Обычай Успенского дня в с. Атманов Угол ныне отмечен как номинант в Федеральном каталоге объектов нематериального культурного наследия.

Насыщен фольклорными текстами обычай осеннего цикла – «Капустник». Капустные вечеринки устраиваются в начале октября, основной праздник – в день прп. Сергия Радонежского. В селах Мичуринского р-на на капустных вечерках приплясывали под песню «*Я рублю, рублю капустку, рублю беленькую*». Осенний календарный цикл, в целом, богат вечерочными, посиделочными традициями, так как именно с Покрова дня молодежь собиралась в домах, устраивая состязания сказителей, гармонистов, балалечников, играли, пели и плясали.

Т.о., календарный цикл Тамбовской области наиболее богато представлен святочным, постовым, троицким фольклором. Лучшей сохранностью отличаются жанры «авсени», «колядки», «курагодные» плясовые песни. Полностью разрушены циклы масленичных и жатвенных песен.

В цикле семейной обрядовой поэзии наибольшей сохранностью отличается **свадебный фольклор**, который включает: приговоры свах, дружек, подружек, пословицы, поговорки, загадки, плачи, песни, частушки, хореографические традиции. Среди ярких локальных особенностей свадебной драмы – обряды: «Каравайник», «Посад», «Величание гостей», «Весёлое утро». Свадебный, а также родильно-крестильный и погребально-поминальные обряды Тамбовской области свидетельствуют о принадлежности к южнорусской этнографической, диалектной и фольклорной традиции.

Некогда богатейший пласт фольклорной лирики Тамбовского края ныне совершенно разрушен. Масштабы разрушений особенно очевидны, если обратиться к свидетельствам ранней фиксации тамбовского фольклора. Первые тексты южнорусской песенной традиции были представлены еще в сборниках Кириши Данилова, М. Д. Чулкова, Н. Львова и И. Прача, П. В. Шейна. Среди названных собирателей и издателей первых сборников русской лирики особенно интересно собрание Н. Львова и И. Прача, впервые изданное в четырех частях в 1776–95 гг. и переизданное в новой редакции в 1796. Принимая во внимание тесную творческую дружбу между Н. А. Львовым и поэтом Г. Р. Державиным, бывшим тамбовским губернатором в 1786–1788, можно предположить, что в одном из первых отечественных нотных изданий были и тамбовские песни.

В целом тамбовскую песенную традицию нельзя считать периферийной уже в силу подчеркнутого к ней интереса ярчайших представителей национальной культуры: П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева. Сильное впечатление крестьянское пение производило на С. В. Рахманинова, благодаря всемирной любви к которому Тамбов известен, как самый музыкальный город России. В 1923, благодаря русским сезонам в Париже, европейское общество познакомилось с кантатой «Свадебка» Игоря Стравинского, слова которой были переведены с русского на французский Шарлем Фердинандом Рамю по текстам сборника П. Киреевского, в составе которого также были тамбовские песни.

Специальные собрания тамбовской песенной лирики были подготовлены к печати В. М. Орловым, Н. М. Лопатиным, В. П. Прокуниным, П. И. Якушкиным, которые были прекрасными музыкантами и дали направление региональному музыкальному развитию¹⁶. Н. М. Лопатин в предисловии к сборнику тамбовских песен писал: «Народные песни представляют собою нераздельно-целостное, внутренне связанное единение музыкального напева и текста: ни напев песни, отдельно взятый от текста, ни текст ее сам по себе в народе не существуют. ... Народный певец «сказывает песню», т.е. столько же её поет, сколько и говорит». Признавая единство напева и текста, Лопатин называл словесный текст – «складом», а музыкальный текст – «ладом» песни. Условием живого бытования песенной лирики Лопатин считал единый трудовой быт (земледельческий, рекруты, солдаты, ямщицкий, бурлацкий); единое понимание и оценка социальной ситуации и своего положения в ней (разбойничьи, тюремные песни); осознание

---

¹⁶ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные песни, записанные в Тамбовской области В. М. Орловым. Вып. 1–3. М.-Л., 1949–1950.

особенности гендерной роли в традиционном крестьянском мире (мужские и женские песни). В составе названных сборников есть малочисленные, но ярко окрашенные региональными культурными смыслами группы песен: рекрутские и «разбойничьи». Из названных групп к новейшему этапу сохранились: разбойничьи – «Эх, усы мои, усы», «На пути стоит село», рекрутские припевки. В разной степени сохранности в 20 в. из ранее зафиксированного материала сохранились: «Сестрицы-подруженьки», «При долине куст калины», «Жалко мне свою сударушку», «Сяду я на лавочку», «Ночка тёмная», «Ты не пой ка, сизенький голубочек», «Встала я на зорьке», «Расти, расти, моя калинушка», «Эх, ты Ваня. Разудала голова», «Деревня, ты моя деревня», «Навяжу да я кудели», «Летели две птички», «Нигде милого не вижу». «Шел я в лес дремучий», «В калиновой роще», «Во зелёном садочке».

Самым живым, актуальным и развивающимся жанром тамбовского фольклора является частушка, существующая в богатстве форм и вариантов. Хотя многие тексты частушек строго не закреплены за определенным наигрышем, балалаечным, или гармонным, существует и цикл частушечных спевов, которые исполняют под «Матаню», «Барыню», «Барыню-рассыпуху», «Месяц», «Досаду», «Страдания», «Канарейку», «Семёновну», «Цыганочку», «Кирсановского», «Шамиля» и др.

Частушка, несмотря на пренебрежительное к ней отношение у некоторой части общества, остается живым жанром, осуществляющим преемственность региональной традиции. Нередко поющие, хорошо владея литературным языком, исполняют частушку в полном соответствии с фольклорной нормой, местным говором: Аканье, диссимилятивное яканье; сочетание «хв» вместо «ф»; фрикативный «г»: «Зыграй, Яшкя! Вышла кума Сашкя./ А ты, кума Хвенькя, пляши харашенькя». Глаголы 2-го спряжения мн.ч. на – «ть»; употребление окончания «ого/аго» на месте нормативного «ова/ева», дифтонг «уо» на месте древнего «ера»: «За каго жа нони пьютъ, за каго играють?/ - Маю лучшью падружску ноня пропиваютъ!». «Ох, вот жанишок! На работу гуоднай!/ Толькя, девычки, бяда – брат двьюруоднай!». «А ты к осени придешь, Мине в деуках ни найдешь». Смягчение «к» после мягких согласных: «Эх, свет ты мая, девичья волькя,/ Нь дну (на одну) косу хьдила', Грибляшкоф тройкя». Долгий твёрдый на месте мягкого шипящего:

«Ты мне, ..., не брасай тьракана во' ци./ Я табе ишишо ни зять, ты мине ни тёща». Протетический гласный, употребление формы женского рода на месте среднего; «мине», «табе» - вин. Пад.,ед.ч.;

употребление терминов родства: свякры', до'чиря, свякро'вия и пр.: *«Выду замыш зь Ивана. Он в сямье адин сынок./ Будить свёкар симпатичнай и свякровья – аганёк». «Выходи, падруга Надя, давай дробы выбивать!// Гърманист нам съгласилси пълтара часа играть».*

Частушка хранит древние сакральные смыслы, несмотря на то, что возник жанр в земледельческом сельскохозяйственном регионе в период становления и укрепления городской культуры. Инструментальная культура предполагает активность мужского социума, хотя балалайкой, реже – гармошкой, владели и женщины. Усложненная структура гармонного наигрыша требует и развитого исполнительского навыка, а также умения работать в ансамбле гармониста и поющего.

Символическая, знаковая семантика инструментальных наигрышей наиболее полно раскрывается в уличных гуляниях, приуроченных к праздникам, важным событиям в жизни человека. Изысканные особенности музыкальной речи, свойственные тамбовской инструментальной традиции, синкретичность презентации (игра, пение, припляс), включенность в локальный и универсальный процесс кросс-культурной интерференции, хорошая сохранность традиции, зафиксированной в многочисленных импровизационных вариантах – все это делает музыкальную фольклорную традицию узнаваемой.

Инструментальная культура Тамбовщины непосредственно связана с народной хореографией, а также с более древней практикой песенного искусства, из которого она заимствовала сложную структурную форму – запевно-припевную конструкцию. Названные инструментальные наигрыши являют собой замечательные образцы народно-исполнительского искусства, представляют безусловный музыкальный и научный интерес, являясь неотъемлемой частью музыкальной традиции региона. О развитости музыкально-хореографической культуры Тамбовщины говорит многообразие исполнительских средств. Частушку может припевать одна исполнительница, сопровождающая гармониста, однако чаще поют парой, как бы состязаясь в умении, либо группа на группу, либо группа на гармониста. Исполнительские средства зависят от типа наигрыша. Например, под «Подружку» принято петь парой (2 женщины), «Страдания» могут исполняться парой, мужчина и женщина, нередко роль партнёра берёт на себя гармонист. Показателем мастерства исполнителя частушек является свободное владение частушечной формой, например, пели «поперёк», т.е. более распевно по сравнению с пульсацией наигрыша. Внешне простая интонационная линия частушки безудержно наполняется вокальными украшениями: мелизмами, глиссандирующими подъемами и спадами. В рамках структурного

стереотипа умелые частушечники, «манипулируя» возможностями вокальной партией, театрально передают смысловой образ куплета, сохраняя при этом единство общей формы композиции. Как правило, в подобных случаях поются куплеты трёх- или двустрочные, возможно, из-за темповой перестройки, а может быть, в качестве особой чувственной «изюминки». Сравнительный анализ сопровождения наигрышей также подтверждает их функциональную близость. Например, преобладает гармоническая схема S-II-D-T (типичная для гармонического сопровождения «Матани»). Вместо субдоминантовой функции применяют VI ступень, таким образом, схема меняется: VI-II-D-T. Гармоническая составляющая «припевного» эпизода обычно представлена функциями: S-T-D-T. Названные наигрыши в пространстве тамбовской традиции существуют в бесчисленных вариантах: один и тот же исполнитель постоянно импровизирует и умножает средства выразительности, однако сохраняя структуру, без чего трудно достичь узнаваемости текста, необходимого для участия в инструментально-вокально-хореографическом действии определенной группы людей.

Т. о., традиционные наигрыши гармонистов Тамбовского региона имеют аккомпанирующую функциональную природу. Их априорная предназначенность – сопровождение куплетов частушечного типа, имеющих разнообразные варианты хореографического воплощения. В ряде разноимённых композиций наблюдается факт очевидного музыкального родства. Интонационное сходство объясняется самим процессом становления народных композиций, опирающимся на вековые традиции, связанные с эстетическими представлениями многих поколений. Различные трудовые занятия людей, воспитание с малых лет, общественный образ жизни, природа, среди которой люди и их предки выросли, – всё это участвует в процессе формирования местных характерологических свойств, определяет образ художественного мышления, формирует устойчивый музыкальный стиль. И как люди, живущие в одной местности, имеют общее историко-культурное начало, ментальное сходство, предсказуемость и стереотипность поведения, так же близки конструктивно и родственны мелодически композиции, создаваемые представителями данного географического ареала. О Тамбовских синкретических композициях можно заключить следующее: несмотря на определённые различия в их образно-тематическом содержании, все они отличаются позитивом, искренностью, душевной широтой – качествами, исторически присущими русской нации.

Богатство тамбовской фольклорной традиции на межрегиональном и российском уровне успешно представляют талантливые самодеятельные гармонисты: А.Ф. Прохоров (г. Кирсанов), Н.К. Ересина (с. Саюкино Рассказовского р-на), Е.А. Худякова (с. Чернава Инжавинского р-на), В.А. Лисицын (с. Текино Сампурского р-на), А.В. Мещеряков (Тамбов), А. Мирошкин (Тамбов), А.Н. Дубровин (с. Куксово Тамб. р-на), А.В. Мосякин (с. Петровское).

Музыкальный фольклор Тамбовщины манифестируется признаками южнорусской традиции, что показывает сравнение с традициями других областей Центрального Черноземья: Воронежская, Курская, Липецкая, Белгородская и др. При этом отметим, что фольклор Тамбовской области представляет северную окраину ареала южнорусской традиции, обнаруживая также сходство с фольклором центральной зоны: Московская, Владимирская, Рязанская и др. Наблюдается также сходство основных этнографических комплексов и фольклорной традиции Тамбовской и Пензенской (Приволжский ФО) областей.

Закономерность определения тамбовского фольклора как южнорусского аргументируется общностью ритмоформул тесным расположением голосов в многоголосной структуре вокального текста, прямой способ голосообразования, полиритмия, полиладовость, политональность обрядовых и бытовых песен.

Тамбовский фольклор представлен не только творчеством сельского населения, но также особыми фольклорными традициями городских жителей и представителей субкультурных групп. Современная жанровая структура тамбовского фольклора включает аутентичное творчество студенческой, армейской и пр. среды, но центром традиции остается народное искусство сельского населения. В связи с разрушением сельского социума разрушается и тамбовская фольклорная традиция. Материалы тамбовских корреспондентов, присланные в Русское Географическое Общество (РГО) во второй половине XIX в., показывают, что коллективная память хранила фольклорные традиции в их жанровом разнообразии и богатстве средств выразительности. Однако при этом живое бытование обрядовой системы было разрушено, древние сюжеты десакрализировались, прагматика магии уступила место игровому началу. Сравнение репертуарных списков фольклора начала XX века и второй его половины показывает резкое сокращение количества удерживаемых в коллективной памяти текстов. Уровень исполнительского мастерства также снизился.

Являясь неотъемлемой традиционной формой национальной и этнической самоидентификации, система фольклора входит в конфликт с мощными процессами модернизации, глобализации, стандартизации и пр., почему и нуждается в защите. Как культура живая фольклор сопротивляется натиску официальной письменной традиции. Одной из форм защиты является фольклоризация литературного текста, передача его традиционными средствами выразительности. Способом охраны фольклорного наследия Тамбовщины является осознание существования такой проблемы. Весомый вклад в сохранность и популяризацию фольклорного наследия Тамбовской области вносит программа изучения, описания и регистрации объектов нематериальной духовной культуры, осуществляемая «Научно-методическим центром народного творчества и досуга», а также такими коллективами, как образцовый детский фольклорный ансамбль «Пчёлка» п. Платоновка Рассказовского р-на, руководители – Н.В. Яблокова и С.Н. Яблоков. Для обеспечения программных методов сохранения тамбовского фольклора еще предстоит многое сделать ученым исследователям: фольклористам, этнолингвистам, историкам, культурологам, музыкантам и хореографам.

БРЕНДОВЫЕ ОБРАЗЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАМБОВСКОГО КРАЯ: ФОТОКАТАЛОГ И КОММЕНТАРИИ

Фёдоровская керамика

Фёдоровская керамика - это уникальный тамбовский промысел, аналогов которому нет. Уникальны не только технологии, которые использовались фёдоровскими мастерами, но и то, что до наших дней еще живы люди, которые могут рассказать, а некоторые и показать приемы работы за кругом, лепки, декора. Во многих регионах нашей страны подобные промыслы угасли уже в начале XX века, и продолжением традиций занялись профессиональные художники, не меняя технологии и внешний вид игрушек. Нам же повезло, что промысел был очень массовым и сохранился практически до нашего времени.

Феномен народной культуры, брендовый образ тамбовского фольклора, каковым является гончарный промысел с. Фёдоровка, есть результат отражения в конкретном виде деятельности, в конкретном предмете сложнейших этнокультурных, историко-культурных процессов, сформировавших облик Тамбовщины, ассоциативно связываемой с характерными природными и культурными ландшафтами.

Уникальность промысла задана свойствами местной глины, своеобразной технологией, принципами лепки, устройством и функционалом архаичного гончарного круга, сюжетикой и образным составом керамических форм, декора, «налепов».

На территории современной Тамбовской области фёдоровский гончарный промысел удалось сохранить, благодаря группе энтузиастов, исследователей-хранителей, сумевших перенять преемственную традицию непосредственно из рук последних мастеров династий села Фёдоровка: Карчагиных, Кажариновых, Ивановых, Попковых, Павловых, Харитоновых и др. Промысел представлен богатой номенклатурой посудных изделий, а также уникальной игрушкой.

Предыстория промысла и истоки традиции. Успешное выживание человека в естественной природной среде и конкурентном социуме всегда определялось его умением взаимодействовать с живым и предметным миром, умением преобразовать наличное в желаемое. Лучшего материала для проверки и совершенствования этого умения, чем глина, не сыскать... Вполне понятно, почему именно черепки

керамики дают ответ на сложнейшие вопросы, которые задаёт вечности пылливый ум человека.

Само слово «глина» известно всем славянам, оно восходит к общей индоевропейской форме, дающей рефлексы во все европейские языки. В старинных сказках, записанных тамбовскими корреспондентами Русского Географического Общества (РГО) в районах Пощенья, где обитала мордва, слово «глина» употреблялось, как синоним термина «миазм» (с греческого языка – «продукт гниения, загрязнение, скверна») и эвфемизм фекалий («кала»). «Ничтожность», доступность глины как исходного рабочего материала ведёт к архетипическому пониманию ипостаси гончара, который берёт лежащую в земле, под ногами, породу (глина – продукт распада горных пород) и преображает её в недолговечную, но жизненно необходимую форму. В этом творческом акте заключается великий образ жизненной цели, призвания человека, рыдающего у двери Рая и алчущего встречи с Богом. «И созда Богъ человекъ, персть [вземъ] от земли, и вдуу въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу живу» (Быт.2:7)¹⁷.

Значение «грязное/нечистое» в слове «глина» роднит его с другим общеславянским словом «скверна» - от skor (грязь). В этой связи заметим, что остающийся топонимической загадкой гидроним Сквирня (река в Лебедянском уезде Тамбовской губернии) может быть осмыслен в философских понятиях горшечного производства. Течёт Сквирня меж илистых, глинистых берегов, когда-то здесь были возведены лебедянские форпосты Белгородской черты, охраняемые донским казачеством. Название своё речка получило по характеру ландшафта. Характерно, что малые речки и ручьи, текущие через посёлки и часто загрязняемые отходами жизнедеятельности, называются – Грязнуша, Гаврюшка (гаврить – пачкать) и пр.

Бренность земной человеческой жизни обозначается также «глиняным» символом – «сосуд скудельный». «Скудель» - глина, глиняный сосуд, черепок. Следовательно, «сосуд скудельный» обозначает хрупкую телесную оболочку, обречённую смерти¹⁸. «Скудельницами» в древнерусских летописях называли общие могилы (захоронения), а «скудельнями» сторожки при кладбищах.

---

¹⁷ Отрывок о сотворении человека из Библии, Ветхий Завет. Книга Бытия. По синодальному переводу Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

¹⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т.3. С. 395.

«Скудельник» - это гончар, горшечник (горшеня)¹⁹. К слову «скудель» и однокоренным к нему И.И. Срезневский и В.И. Даль дают обильные примеры, выбранные из Библии. Один из которых с детства помнят все крещеные, боясь часа смертного, и эта память – оборона греху. «Тогда видѣвъ Иуда предавый его, яко осудиша его, раскаявся возврати тридесять сребреники архіереемъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ предавъ кровь неповинную. Они же рѣша: что есть нам? Ты узриши. И повергъ сребреники въ церкви, отъиде: и шедъ удавился. Архіереи же приѣмше сребреники, рѣша: недостойно есть вложить ихъ въ корвану, понеже цѣна крове есть. Совѣтъ же сотворше, купиша ими село скудельничо, въ погребаніе страннымъ: тѣмже наречеса село то село крове, до сего дне: тогда сбытсѣ реченное иереміемъ пророкомъ, глаголющимъ: и пріяша тридесять сребреникъ, цѣну цѣннаго, егоже цѣниша от сыновъ израилевъ, и даша я на село скудельничо, якоже сказа мнѣ Господь» (Матф. 27:8-21)²⁰.

Наиболее общим термином, обозначающим продукт гончарного промысла, является «горшок», происходящий, как и слово «горн», от глагола «гореть» (в горшках в древности хранили угли для разжигания огня). Для народного понимания «счастья-доли» и «горя-злосчастья» полезно помнить, что все следующие слова, исторически, однокоренные: *гореть, горшок, горшечник, горн, горе, жар, ожог, жгучий, горький, горчица, огорчить...*

Как показывают археологические исследования В.Н. Ястребова, П.П. Иванова, сделанные еще в имперский период истории, а также исследования современных археологов: Н.Б. Моисеева, А.Н. Панина, Р.Ф. Ворониной, Т.Е. Поповой, А.Т. Синюк, и др., тамбовские гончарные традиции уходят в глубь веков, хотя Тамбовщина является территорией позднего заселения. Наиболее древние образцы керамики, сохранённые в культурных слоях Окско-Донской равнины, относятся к

---

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. 4 т. Т.4 (Р - V). СПб, 1882. 712 с.

²⁰ В синодальном переводе Евангелия от Матфея: «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осуждён, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив сребреники в храм, он вышел, пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника для погребения странников; посему и называется земля та «землёю крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Матф. 27:8-21).

абашевской культуре (середина II тыс. до н.э.), представленной коллекцией Тамбовского областного краеведческого музея (более сорока сосудов).

Тонкую нить преемственности гончарное ремесло нового времени обнаруживает с эпохой раннего средневековья, представленной в нашем регионе городецкой культурой («рогожная керамика»), ассоциируемой с древними угро-финскими племенами – предками мордвы. Для этой керамики характерна архаичная простота формы и отделки, использование ткани для формирования рисунка, а также техники лощения в более поздний период истории цнинской мордвы²¹. Наблюдение городецкой керамики по коллекциям Моршанского историко-художественного музея и Тамбовского областного краеведческого музея, а также частным собраниям, показывает, что городецкой культуре были известны горшковидные и баночные формы с отсутствием орнамента (рогожный и сетчатый орнамент), либо с её минимальным использованием. Для традиции также характерно использование керамических игрушек – погремушек.

До XVII века керамика Окско-Донской равнины не наблюдает динамичных перемен. Хотя цнинская мордва подпадает под влияние и зависимость Золотой Орды (XIII-XV вв.), гончарное ремесло практически остаётся прежним. То же можно сказать и о русском населении, отмеченном на данной территории в XII в. (по р. Воронеж, Ломовис), в XIII веке (селище у п. Никольское Знаменского р-на): серо-глиняная и красноглиняная русская керамика с обжигом в горне, рельефные горшковидные формы с сильно отогнутыми венчиками, волнистый орнамент, характерная популярность формы «кубышка» - всё это, а еще расширение номенклатуры керамической посуды (крынки, жаровни, миски и пр.), активно входит в быт «сходцев», активно заселявших территорию Дикого поля в XVII веке, в эпоху окончательной победы Руси над кочевниками-степняками.

XVII век по праву называют началом новой истории. История культуры, в частности традиционного гончарного ремесла, на Тамбовщине это подтверждает. На смену мордовскому лепному горшку приходит сосуд, выполненный на гончарном круге и обожженный в горне. Традиционная мордовская эстетика и передовые русские технологии дают начало тамбовской русско-мордовской региональной гончарной традиции. Возникает новый образ бытовой керамики и традиционной керамической игрушки. Новый виток динамичных перемен в работу тамбовских гончаров принёс XIX век,

---

²¹ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д 1-14. М., 1965. 39 с.

когда, конкурируя с фабричным производством, мастера вынуждены были искать привлекательные эксклюзивные характеристики, останавливающий покупательский спрос на предмете ручного производства. Появляется использование глазури, расширяется номенклатура изделий: вазы, кашпо, копилки и пр.

XVII век даёт начало собственно «тамбовской» традиции, когда в зоне русско-угорско-тюркского контакта появляются поселения «сходцев», положивших конец периоду Дикого поля, на котором «прямоезжая дорога заколодела, заколодела дорожка, замуравела...»²². Именно в это время культурным коммуникационным каналом служила дислокация воинских сил, маршруты воинских компаний. Главным персонажем процесса распространения и развития культуры на территории Дикого поля стал стрелец.

Особый облик стрельца определили такие черты, как пассионарность, инициативность, напряжение энергии творчества. На стрелецкую службу не брали людей из числа тяглого населения, ни пашенных, ни крепостных, но «молодых и резвых», в основном, из «гулящих» и «бродников», каких немало было в Диком поле, и только на добровольной основе. За службу стрельцам платил государь, для чего была введена особая подать «пищальные деньги». Однако, на содержание стрелецкого войска денег постоянно не хватало, поэтому стрельцам разрешалось в свободное от службы время заниматься ремёслами и торговлей. Стрельцы – новое поколение, как бы теперь сказали, малых предпринимателей. Этим преимуществом стрельцы отличались от солдат, единственной обязанностью которых являлась служба, что и стало основанием выбора в их пользу в эпоху Петра I, когда была создана регулярная армия нового образца. Не безынтересно добавить, что и после ликвидации стрелецкого войска при Петре I, при гарнизонах оставались «старых служб служилые люди», просуществовавшие до конца XVIII века.

Акцентная роль в этом процессе не могла не принадлежать командному составу стрелецкого войска, первого в России регулярного строя, то есть «детям боярским» - провинциальному дворянству, обязанному являться на службу «конно, людно и оружно». Недостаточная эффективность дворянского ополчения, которое не могло мобильно отвечать на угрозу, исходящую от степняков, нападающих без всякого объявления войны, заставила Ивана IV в 1550 году создать Стрелецкий приказ, отвечающий за стрелецкую службу на постоянной основе, эффективность этой военной реформы

---

²² Илья Муромец и Соловей разбойник // Былины: сборник. Л., 1986. С. 57-65.

подтвердила судьбоносная победа над Казанским ханством, в 1552 году присоединённом к России, что открыло новый период культурного канала между районами русского Центра и Поволжья²³.

Таким персонажем, оставившим след на южном степном пограничье, является князь Михаил Иванович Воротынский (1510-1573), из рода черниговских Рюриковичей, воевода, автор первого Устава сторожевой и пограничной службы, организатор пограничной службы на южных рубежах, страдавших от крымско-ногайских набегов (1559), непосредственный участник обороны Рязани от крымцев (1568-1569). Всенародную славу князю-воину принесло его деятельное участие в победе над Казанским ханством (1552) – установка передвижных тур для штурма крепости, оборона окопа для артиллерии -, а также в битве при Молодях (1572), предотвратившей в схватке с вдвое превосходящей силой войска Девлет-Гирея опасность установления нового ордынского ига. Похоронен в родовой усыпальнице в Кирилло-Белозерском монастыре (Вологодчина)²⁴, откуда берёт начало философия нестяжательства прп. Нила Сорского (1433 – 1508), широко популярная в народной среде Тамбовщины в период становления местной епархиальной власти²⁵.

Для нас особенно интересно, что командующие и казаки-стрельцы, подчинявшиеся Воротынскому, были непосредственно связаны (место рождения, место проживания) с географией административных назначений и владений князя. Невольно бросается в глаза, что в некоторых из них возникали гончарные промыслы, достигавшие высокой степени развитости, как то: калужская керамика (воевода г. Калуги – 1544 г.; владелец калужского поместья – Воротынский), гончарный промысел с. Коровина на Муромщине (воевода г. Муром - 1548), старооскольская керамика (владелец поместья Старый Оскол), белёвская керамика (воевода тульского г. Белёв. 1543 г.).

Этнокультурная специфика промысловой деревни Фёдоровка определяется её расположением в правобережье р. Цны, на правом её притоке – реке Кёрше. Согласно выводам Р.Ф. Ворониной, это была территория мордвы-мокши²⁶, которая господствовала здесь до

---

²³ Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы. «Непременные войска» Русского государства 17 века // Цейхгауз. 1991. С. 815.

²⁴ Юрищев М.А. 500 лет князю М.И. Воротынскому. 440 лет Молодинской битвы: сохранение исторической памяти в наши дни // Шестые всероссийские краеведческие чтения. М., 2013. С. 475-480.

²⁵ Кученкова В.А. Житие архиереев тамбовских. Тамбов, 1998. 77 с.

²⁶ Воронина Р.Ф. Цнинская мордва VIII-XI вв. и её контакты со славянами / Р.Ф. Воронина // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе

XIII века. Н.Н. Байдакова со ссылкой на П.Н. Черменского называет население владений князя Булая Кудашева (нач. XVII в.) «кёршинской мордвой». Итак, Фёдоровка расположена в местах, где много веков проживала мордва, заселявшая богатую лесами северную половину Тамбовского края, которая простиралась к востоку и югу от Мокши.

С расширением восточных границ Московского государства мордва все больше попадала под влияние рязанских, а затем и московских князей²⁷. Продвижение Московского государства вглубь южных степей определило судьбу угро-финского населения Поценья и Помокшенья. Под прикрытием Шацкого военного гарнизона смелые и решительные люди, в основном бежавшие от рязанских, владимирских, муромских и других бояр-феодалов, группами и в одиночку, преодолевая невероятные трудности, а порою и рискуя жизнью, стали продвигаться вверх по реке Цне и основывать свои поселения, которые сохранились в северных уездах Тамбовской губернии. Новое население несло и новые культурные навыки.

Однако, мещерские и мордовские племена не покинули наш край под напором русских колонистов, как утверждал П.Н. Черменский, хотя они и переселялись в леса Пензенской и Симбирской губерний²⁸. Такому выводу сопротивляются данные писцовых книг начала XVII века, которые характеризовали население территории, отошедшей к 1636 году к Тамбовскому уезду, как смешанное, мордово-русское. В процессе колонизации южных окраин рязанских земель принимали участие местные татары²⁹. Писцы делили все население этой территории на три группы: мордву, новокрещён (мордовцев, недавно принявших христианство) и бортников. В состав последних входили старокрещенная мордва и русские крестьяне. В 1623 г. еще более шестидесяти процентов всего населения волости относились к мордве. Русские и мордва рука об руку вели совместное хозяйство, известны многочисленные случаи совместного владения далекими бортными ухозяями.

общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: сб. тез. /АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1988. С. 16.

²⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: том 2. Среднерусская черноземная область / под ред. В.П. Семенова. СПб, 1902. С. 118

²⁸ Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. 86 с.

²⁹ Сборник материалов для истории и археологии по Тамбовской губернии по документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел: сборник. Тамбов, 1886. С. 15-19.

Хотя Д.И. Багaley сделал вывод о том, что на новую административную систему территории оказали преимущественно русские служилые люди, а масштабного участия малороссов не наблюдалась³⁰, малороссийские черкасы (так в России называли украинцев – по одноименному центру украинских казаков Черкассы) в XVI веке самовольно селились небольшими таборами в степях, преимущественно возле рек и промышляли воровством³¹. Пассионарную активность этого нового населения государство успешно легитимизировало, делая более выгодной службу, а не разбой. И.И. Дубасов писал: «...у нас ещё в XVI веке были многочисленные приказные люди, полковые казаки, просто казаки, *черкасы*, дворяне, мурзы, мещеряне, пушкари, воротники – и все они довольно щедро наделяемы были поместною землей, хлебными дачами...». Эта же политика продолжалась и в 1636 году, когда на южные границы вызывали Донских и Яицких казаков, их также привлекали для военной службы и селили в городах на черте. В Тамбове и Козлове им выдавали на «дворовое строение» и на «селитьбу», платили «государева жалованья по 5 руб.» на человека³².

Объединяла коренное население и русских совместная борьба с татарской угрозой³³. О том, что народонаселение достаточно обрусело, а также о том, что население имело сходческий характер, свидетельствует и И.И. Дубасов, опираясь на царские грамоты конца XVII века³⁴: « <...> разные сходцы, бобыли, утеклецы и иные обездоленные люди, которым почему-то плохо жилось у себя на родине». Значительную их часть составляли беглые крестьяне, зачастую они прибывали семьями и основывали здесь села. Историк выявил регионы, из которых прибывали переселенцы: центральные русские области, донские малороссийские земли, «из-за Литовского рубежа». Наиболее усиленное движение беглых крестьян на Тамбовщину Дубасов отнес к концу XVII в., когда их число стало составлять многие тысячи³⁵.

«Мордовскую» этнокультурную доминанту северо-востока Тамбовщины постепенно вытесняло русское влияние, идущее с

---

³⁰ Багaley, Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины московского государства: монография. М., 1887. С. 238.

³¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края: монография. М., 1897. Вып.6 С. 29.

³² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 364.

³³ Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII — XVIII веках [Текст]: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1990. С. 14.

³⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 289-301.

³⁵ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 303.

северо-запада, что отмечают Ю.А. Мизис и П.К. Напольникова: «...устойчивым населением территории Тамбовской области последнего тысячелетия была мордва, подвергшаяся активной ассимиляции с XVII веке. Русское население формировалось на Тамбовщине преимущественно из северо-западных (относительно Тамбова) уездов Русского государства. Естественно они несли сюда оттенки своей региональной культуры, отразившейся в говорах, обрядах, растворяя и вбирая в себя своеобразие культуры финно-угорских народов».

После захвата Руси Золотой Ордой, население этой территории платило ясака, для чего в Поценье были образованы центры улусов - Наровчатов и Темников. При доминировании в период Средневековья мордвы на этой территории имелись и древние славянские поселения. В XIV – XV веках, когда в Золотой Орде начались процессы разрушительной междоусобицы, стартовала стихийная колонизация Дикой степи: русские земли объединялись вокруг Москвы, влияние которой оказалось заметным на южном пограничье, население которого платило дань рязанским князьям, а князья татарские переходили на службу более успешного и сильного в военном и экономическом плане государства. Князья из рода Касимовских царей на юго-восточной окраине, в Мещере, стали собирать с населения пошлину в пользу царей московских³⁶.

Значимым этапом истории Фёдоровки является её расположение в пределах первой территориально-административной организации московского княжества в Диком Поле, а именно – Верхоценской волости³⁷, которая образовалась после взятия Казани (1552) и Астрахани (1556) в укрепленных границах Щацкой оборонительной линии, на исконных мордовских территориях, подпавших под управление татарских мурз, предположительно, к концу XVI в. История деревни Фёдоровки, расположенной на территории Верхоценской волости, отражает события периода утверждения власти Москвы на южных степных окраинах государства. Волость включала улусы темниковских князей Кудашевых в Мещерском уезде на Цне (Кудаш, Бараш, Булаш и пр.), владения великого князя Василия Ивановича (Купля и Веденяпина Поляна) и простиралась к югу вплоть до селений Вижавино и Тонбов, расположенных в ойкумене мордвы на

---

³⁶ Татарские князья и их княжества // сб. ст. под ред. М. Ишеева. Нижний Новгород, 2008. С. 10-15.

³⁷ После смерти Марфы Иоанновны (1631) волость перешла во владения царя и стала называться Дворцовой.

правом берегу при слиянии рек, Цны и Лесного Тамбова³⁸. Со старого населения собирались «куничий» и «водяной» оброки. Знаком связи истории деревни, а также истории местного гончарного промысла, с историей России является образ матери Михаила Фёдоровича, первого царя из династии Романовых, великой старицы, инокини Марфы Иоанновны, которой в 1622 году отошла волость после кончины бездетного татарского князя Булая Кудашева. Любившая и знавшая ручное ремесло «великая государыня», как называл в грамотах свою мать царь Михаил Фёдорович, способствовала развитию монастырских промыслов, что, вероятно, было свойственно правящей среде, сформированной не без влияния властной и деятельной инокини. Во всяком случае, потомкам боярина Льва Кирилловича Нарышкина, которому в 1691 году Марфа Романова пожаловала бортные ужожаи в Верхоценской волости, предстояло стать не только первыми меценатами и благотворителями в Тамбовской губернии, но и покровителями возрождения традиционных народных ремёсел (имение Нарышкиных в с. Быкова Гора Шацкого уезда)³⁹.

Деятельная, властная инокиня, мать венценосца, Марфа Иоанновна, поддерживала политику экспансии на юг. В её правление на территории Верхоценской дворцовой волости появляются и новые сёла, и новые землевладельцы, получающие надёлы в хозяйственно стабильной части государства. Заметим, что царские и великокняжеские грамоты на владение землями в Верхоценской волости обнаруживались у местного однодворческого населения еще от эпохи правления Ивана Васильевича и Фёдора Ивановича⁴⁰. Правление инокини Марфы способствовало развитию промыслов, так помимо оброка, который несло тягловое крестьянство, в пользу Дворца собирался ясак, то есть продукты промыслов, которыми активно занимались в мордовских и татарских сёлах, относящихся к владениям великой старицы. В первой трети XVII века вторым после Конобеева

---

³⁸ Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. Тамбов, 1990. С. 67.

³⁹ Именно в связи с пожалованием Нарышкину в 1691 году бортных ужожев в Верхоценской волости были составлены копии старых писцовых книг Фёдором Чеботарёвым, ставшие ценным источником по истории края. См. : Копии с Шацкой писцовой книги Фёдора Чеботова // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. 37. С. 73-147. Именно в связи с пожалованием Нарышкину в 1691 году бортных ужожев в Верхоценской волости были составлены копии старых писцовых книг Фёдором Чеботарёвым, ставшие ценным источником по истории края. См. : Копии с Шацкой писцовой книги Фёдора Чеботова // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. 37. С. 73-147.

⁴⁰ Копии с Шацкой писцовой книги Фёдора Чеботова // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1893. Вып. 37. С. 73-147.

административным центром Верхоценской волости стало село Морша, в последствии включившее на правах уездного центра и д. Фёдоровку.

Образ великой старицы Марфы Иоанновны заставляет вспомнить о выдающейся роли монастырей в освоении Дикого Поля. Монастыри задолго до государства встали во главе процесса стихийной народной колонизации. Одним из самых старых монастырей на территории Верхоценской дворцовой волости стал мужской Черниев Никольский (1573), а в первой трети XVII в. в Поценье возникло еще два монастыря: Троицкий в правобережье Цны (1615)⁴¹ и Мамонтова пустынь (1629). Велико влияние монастырей и в области распространения навыков ремесла.

Судьба Ксении Иоанновны Шестовой (представительницы калужского боярства, инокини и великой старицы Марфы, «великой государыни»; ум. в 1631), жены Фёдора Никитича Романова-Юрьева (1553/1554 – 1633; патриарх Русской Православной Церкви с 1619 – 1633) не могла ни вызывать народного интереса и сочувствия среди населения, на собственном опыте знавшего, как печальна участь живущих в смуте обессиленного алчной элитой государства. Разлука с мужем и детьми, ссылка в заонежский монастырь, насильственный постриг, жизнь под постоянной угрозой смерти – всё это испытала новая владычица Верхоценской волости, мать первого в династии Романовых царя Михаила Фёдоровича. С нею связано всенародное почитание чудотворной иконы Фёдоровской Божией Матери, которой, согласно преданию, мать благословила юного сына на царствование (1613) и которая стала православной святыней Дома Романовых. Старица была не только владельницей Верхоценской волости, но и покровительницей монастырских промыслов, о чём свидетельствует её собственный талант к шитью золотом, явленный в подаренной ею калужскому Ипатьевскому монастырю золотошвейной пелене «Богоматерь Фёдоровская»⁴². С Марфой Иоанновной Романовой связана история Мамонтовой пустыни (основана в 1629), для которой старица выделила 30 четвертей земли в Диком поле⁴³, и которой покровительствовал внук старицы – царь Алексей Михайлович Романов. Следом этого покровительства является экспонат Моршанского историко-художественного музея –

---

⁴¹ Не путать с Троицким монастырём, основанном в 1627 году на р. Лесной Воронеж.

⁴² Марфа Ивановна // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 29 т. Т. 26. СПб, 1915. 960 стб.

⁴³ Ныне располагается на территории соседствующего с Бондарским Сосновским районом, во времена Великой старицы относился к Верхоценской волости и входил в Моршанский уезд, как д. Фёдоровка.

«Святитель и Чудотворец Николай на пелене. XVI в.», попавший в фонды из Мамонтовской обители.

Яркой чертой местной традиции является расположение Фёдоровки на северо-востоке края, то есть в зоне мощного влияния монастырей, которые еще до периода строительства городов-крепостей и оборонительных сооружений являлись активными участниками колонизации Тамбовского края. Добровольная христианизация населения Дикой степи медленно, но векторно меняла традиционный быт, делала сознание иноверцев православным. Осуществляя своё миссионерское призвание, монастыри решали общественно-государственные задачи⁴⁴. Их влияние было особенно сильным на северо-востоке Тамбовщины, где активно действовали Пурдышевский, Никольский и Мамонтов монастыри. Отметим, что с 1681 года, по указу царя Федора Алексеевича, крестившаяся мордва и татары уже имели льготы во всех податях в течении шести лет⁴⁵.

В непосредственной близости с Фёдоровкой располагались владения митрополита Рязанского и Муромского Авраамия (1687 - 1708), которому, по челобитной государю Петру Алексеевичу, были отказаны земли «за большим заповедным Ценским лесом по обе стороны речки Малый Ломовис... А на отказе были сторонние люди Тонбовскому уезду деревни - Кривой Поляны» (соседней с Фёдоровкой). Вполне «говорящие» фамилии имели эти «сторонние люди»: Дементий Бундышев, Иван Карачунин, Иван Шишкин, Максим и Василий Балабановы, Петр Мещеренин..., Алфёр Медведев, Прокофий Горбунов, Кузьма Толстоухов и «Тонбовской площади подьячие Вавилко Петров, Микишка Устинов, стрелец Васька Рыкалин, полковой казак Гришка Полянский»⁴⁶. Из отводных и окладных книг, а также из ревизской сказки 1719 года известно, что в селе Кривая Поляна совместно жили однодворцы и крестьяне митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского⁴⁷. Однодворцы XVIII века – землевладельцы и в этом качестве входят в отношения с дворянством, духовенством. Например, известно, что 6 марта 1703 года земли соседнего с Фёдоровкой села Кривая Поляна (Кривополяне), которые входили в дачу села Митрополя, были

---

⁴⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края: монография. М., 1897. Вып. 6. С. 25-28.

⁴⁵ Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 93-98.

⁴⁶ Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края. По документам Московского архива Министерства Юстиции. Вып.1. Город Тамбов и его уезд. Тамбов, 1884. С. 71-72.

⁴⁷ Муравьев Н.В. Избранные краеведческие труды / Н.В. Муравьев, Л.В. Провалова. Тамбов, 2006. С. 62.

«променены тамбовцем Василием Григортевым, Большим Балабановым Рязанскому Митрополиту Стефану (Яворскому). Именно на этих землях и было основано однодворческое село Кривая Поляна⁴⁸. Необходимо отметить, что Балабановы потомки древнего рязанского рода «детей боярских», один из Балабановых - Иван Леонтьев сын Балабанов в 1656г. владел крупными вотчинами в Тамбовском уезде по р. Хопёр и р. Ворона⁴⁹. Другой, Василий Григорьев сын большой Былабанов владел поместными землями «под большим Ценским лесом, которая дана ему из диких поль 40 чети, да от того же лесу у польского борку межъ рек Кёрши и Ломовису 40 же чети в поле ..., «да у того ж лесу» кривой поляной на старом сельце⁵⁰.

Территория, на которой располагается Фёдоровка, в XVII веке была не только не удобна, но и опасна для жизни: наш край одолевали шайки многих польских, литовских, немецких воровских «людишек», черкасы, которые становились таборами, приступали к селениям, грабя местных обывателей и доходили вплоть до Шацка; крайние города - Рязань, Ряжск, Шацк и др. терпели огромный ущерб от крымских, ногайских и азовских татар, многие села, деревни, подгорные слободы после их визита оставались в полном запустении. По подсчетам А.А. Новосельского в первой половине XVII века Россия потеряла пленными от 150 до 200 тысяч человек⁵¹. В связи с этим царь Михаил Федорович предпринял решительные меры «...слыша что в Ряжских и в Рязанских и в Шацких и во всех Мещерских местах от Бусурман на православных крестьян розорены и всякое полонское расхищение в прошлом 144 (1636) году указали мы, для береженья от воинских людей поставить... от Шацкия украины, на поле, на реке Цне, на Усть речки Липовицы или Липовки город Тамбов, а в нем устроить служилых всяких людей»⁵².

Молодое московское государство вынуждено было защищаться: городские воеводы собрали ополчение со всех уездных вотчин и сел; все тракты были усилены сторожевыми людьми. Эта вынужденная

---

⁴⁸ Отводная книга Тамбовской приказной избы на Кривую Поляну // Акты московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Т. 2. Разрядный приказ. СПб, 1894. 773 с.

⁴⁹ Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края. По документам Московского архива Министерства Юстиции. Тамбов, 1884. С. 14.

⁵⁰ Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края. По документам Московского архива Министерства Юстиции. Тамбов, 1884. С. 81.

⁵¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века: монография. М.-Л, 1948. С. 436.

⁵² Сборник материалов для описания Тамбовской губернии: сборник. СПб., 1872. С. 6-7.

правительственная мера была не напрасна и принесла положительные результаты. «В следующем 1635 году к реке Вороне... пришли татаровя, человек 300 и больши, и долго стояли и бою не приняли и ушли в степь. А догоняли их тамбовские атаманы и племянники атаманские и казаки и иные воинские люди...» Все это были оседлые и пашенные люди следующих новых сел... Горитова, Казники, Слободского, Кривой Поляны (ближайшее к Фёдорвке село), Усова, Ломового, Истобного и Климова⁵³.

В начале XVII века мотивом государственной колонизации юго-восточных окраин московского государства, стало строительство мощных линий оборонительных укреплений, которые охватили многие территории: Белгородской засечной черты (Белгород – Короча – Новый Оскол – Острогожск – Коротояк – Воронеж – Усмань – Козлов, в общем 25 укрепленных городов) и Симбирской (Тамбов –Верхний и Нижний Ломов – Инсарь – Саранск и далее на Карсунь)⁵⁴. Строительство было обосновано политическими причинами - «...чтобы закрыть южные пути проникновения татар на Русь...»⁵⁵.

К 1662 г. Тамбовская черта представляла собой самостоятельный военно-административный комплекс, который заканчивался в районе - Кузьмина Гать. На север, вдоль русла реки Цна, простирался большой Цнинский лес, служивший надежной естественной преградой от татарской конницы. На протяжении 100 км только два её участка требовали дополнительных сооружений. Один из них находился в устье р. Лесной Тамбов, где местные служилые люди срубили засеку и поставили две караульные башни. Другой подобный участок находился неподалеку от с. Морша. Здесь с востока через р. Кашму проходили Шаморские ворота, естественный коридор через лес. Им часто пользовались татары, выходя из саратовских степей в северную часть Тамбовского уезда⁵⁶.

В 1671 году по именному царскому указу в Тамбов из Москвы переселяли служилых людей, «жилецких всяких чинов людей», также пашенных крестьян с семьями, которые «в измене участвовали». 14 апреля 1676г. вышел указ, который позволял продавать помещикам и вотчинникам в украинских городах из «диких поль» земли в

---

⁵³ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 363.

⁵⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 2. Среднерусская черноземная область / под ред. В.П. Семенова. СПб, 1902. С. 135.

⁵⁵ Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII - XVIII веках: учебное пособие. Тамбов, 1990. С. 83.

⁵⁶ Двухжилова И.В. История Тамбовского края с древнейших времен до середины XIX века: учебное пособие. Тамбов, 2009. С. 49-61.

вотчину⁵⁷. «В 1677г, по Боярскому приговору приказано было отдавать «Украинских городов “детям боярским” в поместье те же земли и дикие поля, на которые они поселились». Это было началом помещичьего землевладения на Тамбовщине»⁵⁸. Нововозведенные города-крепости твердо обосновались на татарских сакмах, стали «авангардом русской колонизации и гражданственности», они «...наметили тот край, который в последствии должен был сделаться русским»⁵⁹. Тамбов, Козлов с пригородами Челнавским и Бельским, а также города Добрый, Борисоглебск, Шацк, Темников, Кадом, Елатьма, Лебедянь, Усмань, Демшинск - до XVIII столетия эти административные единицы находились в введении Приказа Казанского Дворца, территории неоднократно перекраивались и отходили то к одному, то к другому наместничеству, лишь в 1799 году произошло окончательное формирование Тамбовского наместничества⁶⁰. Что касается Тамбовской губернии, приход влиятельных помещиков на её территории, не изменил картины народонаселения, по ревизским сказкам 1795г. в Тамбовском уезде количество однодворцев по-прежнему превышало численный состав относительно других социальных слоев населения; однодворческих дворов здесь насчитывалось – 4366⁶¹.

Уже в начале XVIII века неподалёку от Кривой Поляны образовался куст сёл, которые были заняты служилыми людьми - однодворцами. Село Бычки: Хрущев Кондратий, Тетяхин Филипп, Попков Афанасий, Еклыгин Андрей, Клейменов Кондратий, Дегтярев Гаврила, Степанов Иван, Пахомов Назар, Кузнецов Лаврентий, Шараров Григорий, ... в селе Бычки - драгун Климонт Лаврентьев сын Калинин⁶². Фамилия Попковых до сих пор сохраняется в числе потомственных фёдоровских гончаров. При Петре I произошло уравнение однодворцев и крестьян, а в первой четверти XIX столетия

---

⁵⁷ Полное собрание законов. Т. 2, № 638 // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Избранное. Т. 5. Тамбов. 2011. С. 168.

⁵⁸ Полное собрание законов. Т. 2, № 628 // Муравьев, Н.В. Избранные краеведческие труды. Тамбов, 2006. С. 155-156.

⁵⁹ Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины московского государства: исследование. М., 1887. С. 108.

⁶⁰ Тамбовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года: сборник / издан центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб, 1866. С. 29.

⁶¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 2. Среднерусская черноземная область / под ред. В.П. Семенова. СПб, 1902. С. 129-130.

⁶² Муравьев Н.В. Избранные краеведческие труды / Н.В. Муравьев, Л.В. Провалова. Тамбов, 2006. С. 186.

понятие «однодворец» перестало встречаться в документах, его заменил термин «государственные крестьяне» или «четвертные крестьяне». Показательно, что по Моршанской волости в селе Кривополянье значится имя – Андрея Антоновича *Гончерева*, что может указывать на возраст характеризуемого промысла. Показательно, что в том же уезде государственные крестьяне нередко имеют фамилию Новокрещёнов также отсылающую к эпохе активного участия однодворцев в ранней колонизации северо-востока Тамбовщины⁶³.

Устойчивый характер гончарного промысла в Фёдоровке говорит о его развитости уже на ранней стадии. Иначе промысловое село растворилось бы в земледельческой среде, так как земледелие давало большие прибыли: зерно возвращалось в двадцать, а то и в тридцать раз от прежнего, его ставили впрок в «кладушки», которые стояли нетронутыми по несколько лет и даже зарастали травой и кустарником. Цены на рожь, овес, гречиху были низкими, что способствовало разведению – лошадей, коров, овец, свиней, их держали целыми стадами. Прибыльным делом считалось бортничество. Воеводы два раза в год отправляли тамбовский мёд царю: «А мёд тот самый лучший и пойдет тебе в великую усладу»⁶⁴.

Фёдоровка (Зайцево тож; ныне - Кривополянский сельсовет Бондарского района Тамбовской области): дворянский след в истории промысла. Наиболее раннее упоминание деревни Федоровка-Зайцево обнаружено нами в архивных документах XVIII века за 1783 годом. «Экономические примечания», составленные при генеральном межевании, содержат сведения о количестве дворов, численности и занятости населения, природных условиях и пр., в том числе по документу о деревне Федоровка-Зайцево известно, что там имелось 33 двора, в которых проживало 138 мужчин и 137 женщин. Среди них: Ольга Сергеевна Зайцева, Николай Петрович Зайцев, Е.П Косолапова и др. По данным ревизских сказок в 1833 году деревня Фёдоровка Зайцево тож числилась за титулярным советником *Фёдором Михайловичем, сыном Цимермана*, за которым было записано по названной ревизии 331 душа мужского пола и 279 - женского пола (домов - 53). В числе домохозяев были: Дружкин Трифон, Обухов Емильян, Обухов Иван, Рячин Матвей, Посников Мартин, Волокитин Емануил, Западовников Евсей, Саяпин Филипп, Жевлаков Дорофей...».

Деревня Фёдоровка изначально относилась к Моршанскому уезду Бондарской волости, во второй половине XIX – Тамбовскому

⁶³ ГАТО. Ф.181. Оп.87. Д. 209. Л. 1-3.

⁶⁴ Народные чтения Тамбовской старины. СПб, 1902. С. 25-26.

уезду Пахотноугловской волости. Примечательно, что волостное подчинение не совпадало с епархиальным (благочинническим). В начале XX века Фёдоровка входила в благочиние 2-го Тамбовского (Расказовского) округа. Жители Фёдоровки ходили в храм с. Большое-Никольское (Ряжское) (п.29). «Церковь деревянная, престол один, во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи... 265 дворов. Население великорусское. В приходе одна деревня - Фёдоровка Зайцево тож (78 дворов, 264 душ м.п., 273 ж.п.) Два хутора: Подъямпольский и Полянский. Одна экономия г. Голубева. Все в 3 верстах от храма. В ½ вер. протекает речка Кёрша, лес в 3 и 5 вер. Школа церковно-приходская, одноклассная, смешанная. Метрическая книга ведётся с 1820. Больница и волостное правление в Пахотном Углу. До ближайшего прихода в с. Кривополяне 2 версты.... В селе Кривополянье находился однопрестонный Никольский храм (6 декабря и 9 мая). Две земские школы и одна церковно-прихожская»⁶⁵. Таким образом, хотя Фёдоровка и относилась к Пахотноугловской волости (Солдатчино), в приходской Богоявленский храм⁶⁶ волостного села она не ходила – далеко, 10 километров. Исстари село было промысловым: всё взрослое население занималось производством посуды и продажей изделий в соседние волости⁶⁷.

История деревни гончаров связана с селом Заметчино Кёршинского сельсовета Бондарского района, расположенного в сорока километрах на северо-восток по реке Шамерляй в древней промысловой зоне цнинской мордвы. Неслучайно само название села произошло от устаревшего русского слова «земец» - пчеловод, добытчик, промысловик (по В.И. Далю). Ныне Заметчино обезлюдело, но 200 лет назад это было замечательное поместье Циммерманов, расположенное в северной части посёлка. Рядом с усадьбой были устроены плотина и пруд. В 1800 Ф.М. Циммерман приобрёл у помещицы С.И. Сабуровой деревянную церковь села Челновое и перевез её в Заметчино. Уже в 1812 году, после смерти генерал-майора Ф.К. Циммермана, в имении была построена каменная церковь, которая имела три престола: и Фёдоровский. В описании Тамбовской епархии А.Е. Андриевским указано: «Заметчина. Церковь каменная, холодная, построенная г. Циммерманами в 1760 году. Престолов три:

---

⁶⁵ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 45, 55.

⁶⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 58.

⁶⁷ Сборник статистический сведений по Тамбовской губернии. Том 12. Тамбовский уезд. Тамбов, 1886. С. 27.

главный Покровский (1 октября), правый Никольский (6 декабря) и левый *Фёдоровский* (16 мая). В приходе 1 деревня – Голая Вершина, Комбаровщина тож»⁶⁸.

Были ли учтены предпочтения Циммерманов при строительстве храма и в выборе праздников для освящения престолов? Вполне вероятно. Майская дата празднования указывает на почитание преподобного Фёдора Освященного, игумена (29 мая), ученика Пахомия Великого. В народе этот праздник пользовался всеобщей любовью и назывался «Фёдор Житник», к этому дню считалось необходимым полностью закончить сев; гроза и цветение рябины в этот день обещали хороший урожай⁶⁹.

Нельзя не заметить, имя «Фёдоровка» получали и другие тамбовские поместья Циммерманов. Например, в 4-м Тамбовском (Сампурском) благочинническом округе располагалось на реках Савала и Каменка село Каменка (Хвощино), где стояла деревянная однопрестольная церковь во имя иконы Казанской Божией Матери (22 октября). К этому приходу относилось четыре деревни: *Фёдоровка* (96 дворов) и Елизаветинка (51 двор). Обе деревни имели общее местное название по фамилии владельцев – «*Циммерманово*»⁷⁰.

Некоторые наблюдатели склонны считать, что Фёдоровка в Бондарском районе, (следовательно, и в Сампурском) называется по имени владельца – генерал-майора Фёдора Крестьяновича Циммермана, который «после увольнения от службы в декабре 1796 года..., получив паспорт, поселяется в Тамбовской губернии»⁷¹ и вступает во владение жалованными и благоприобретёнными землями. Считать так, на наш взгляд, значит не понимать системы ценностей и кодекса чести верноподданного дворянства. Подобно тому, как Петербург отнюдь не носит имя императора Петра, но имя его святого покровителя апостола Петра, так добывший себе чести ценою ратной службы Отечеству Фёдор Крестьянович, закреплял своё жительство покровительством свыше. Надо заметить, что имя Фёдор давало воину-дворянину повод для самых благочестивых рассуждений. Например, великомученик Фёдор Стратилат (память 8 февраля, 8 июня по ст.ст.) - покровитель русского воинства, с его

---

⁶⁸ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андреевского. Тамбов, 1911. С. 49.

⁶⁹ Рязанский месяцеслов: круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян : из серии «Православие и традиционная народная культура Рязанской области» / Тульцева Л.А. Рязань, 2001. 279 с.

⁷⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андреевского. Тамбов, 1911. С. 77.

⁷¹ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 728. Л.64.

именем и традицией почитания связана история иконы, покровительствующей Дому Романовых – «Фёдоровской».

Однако, апотропейное имя «Фёдоровка» было популярно в тамбовском топонимическом пространстве, и благодаря народной ассоциации прп. Фёдора Освященного с календарным земледельческим циклом, и благодаря богатству восприятия в служилой дворянской среде, как знак верноподданнических настроений. Вошедший в число тамбовского дворянства в правление Екатерины II (1762-1786) генерал-майор Фёдор Крестьянович Циммерман, хотя вышел в отставку и поселился в Тамбовской губернии в 1796 году, имение мог получить раньше, почему «Экономические примечания» и упоминают Фёдоровку (Зайцево) за 1783 годом.

Фамилию «Циммерман», известную в России с начала XVIII века, носили представители мелкопоместного немецкого дворянства из Курляндии (ныне – Латвия и Эстония), вошедшей в состав империи. Однако есть основания полагать, что «циммерманами», то есть с немецкого – «плотниками», звали немецких крестьян, переселявшихся в то же время в Россию. Фамилия была известна и в еврейской среде⁷². В культуру имперской России фамилия вписана именами крупных фабрикантов немецкого происхождения: главой крупнейшего музыкального издательства и производителя музыкальных инструментов, а также продавца и производителя шляп. Читающая Россия знала эту фамилию, благодаря «циммермановской шляпе» Родиона Раскольникова, естественное изменение которой символизировало личностные перемены героя самого известного романа Ф.М. Достоевского⁷³. В романе эта шляпа названа немецкой по фамилии предпринимателя Циммермана, организатора торговли этим головным убором.

Дворянский род Циммерманов известен с эпохи Екатерины II, при которой был записан в I часть родословной книги Тамбовской губернии. С основателями рода связана история лейб-гвардии Павловского полка.⁷⁴ Об ушедшем в отставку генерал-майоре Фёдоре Крестьяновиче Циммермане в жалованной грамоте от 13 сентября 1778 года говорилось: «... за Высочайшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны подписанием по коей находящегося в службе секунд-майора

---

⁷² Еврейская энциклопедия: в 16 т. СПб, 1913. Т. 15. С. 812.

⁷³ Сырица Г.С. Поэтика портрета в романах Ф.М. Достоевского. М., 2007. С. 98-100.

⁷⁴ История лейб-гвардии Павловского полка / сост. Гоувальдт О.Х., лейб-гвардии Павловского полка штабс-капитан. СПб., 1882. С. 148.

(произведён в 1771) Фёдора Циммермана за ревность к службе Всемиловство соизволили со всеми от него рожденными и впредь рождаемыми законными детьми и наследниками и потомством мужского и женского пола по нисходящей линии в вечные времена в честь и достоинство Российского Императорского дворянства возвести, утвердить и пожаловать употребляемый им герб»⁷⁵. Из той же грамоты известно, что Фёдор вступил в полковую службу в 1759 году, а его братья Циммерманы, Вильгельм и Густав, соответственно в 1756 и 1772.

После увольнения в запас в декабре 1796 года Фёдор Крестьянович, получив паспорт, поселяется в Тамбовской губернии, где ему было пожаловано село Земетчино (более 600 душ). К тому времени он был женат, а его сын Михаил Фёдорович служил в гусарском полку Боура в чине подполковника⁷⁶. В ноябре 1812 года вдова генерал-майорша Елизавета Михайловна Циммерман подала Прошение на Высочайшее имя о внесении в родословную книгу её внуков. В прошении говорилось, что после смерти Михаила Фёдоровича (? – 1811), сына генерал-майора Фёдора Крестьяновича, от его законного брака с дворянкой польского происхождения Жозефиной остались дети: 1. Фёдор Михайлович (1806 – 1888, композитор и гитарист), 2. Михаил Михайлович (1808 - ?), 3. Александр Михайлович (1810 г.р.)⁷⁷. 4. Владимир Михайлович. 5. Елизавета Михайловна; в последствии в замужестве за Иваном Александровичем Камбаровым (1787-1875)⁷⁸, который при жизни жены управлял Фёдоровкой по доверенности, а после - единолично. О тамбовских владениях Камбаровых известно по окладным книгам Тамбовской епархии от 1705 года. Иван Александрович Камбаров был крупным помещиком: он владел землями в Тамбовской губернии (Тамбовский, Липецкий уезды) и в Орловской (Елецкий уезд).

Депутат Тамбовского дворянского собрания, член правления Тамбовского кадетского корпуса, он оставил глубокий след в истории. Гусар Ахтырского полка, герой Отечественной войны

---

⁷⁵ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 4384. Л. 1.

⁷⁶ ГАТО. Ф. 161. Оп.1. Д. 728. Л. 64.

⁷⁷ Известно также, что брак Александра Михайловича Циммерман с Анной Андреевной Шиловской, воспитанницей парижского пансиона, оказался несчастливым. Брак был расторгнут на основании ю врачей о душевной болезни Анны Андреевны, а их дочери, Екатерина и Мария, по суду находились под опекой отца и воспитывались в Парижском пансионе. См. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1 Д. 7227.

⁷⁸ ГАТО. Ф. 161. Оп.1. Д. 728. Л. 64.

1812 года⁷⁹, кавалер воинских орденов, участник Прусской кампании, походов в Силезию, Саксонию, Баварию и пр. В 1819 году был уволен из армии с чином ротмистра по ранению, награждён саблей «За храбрость». Продолжал служить Отечеству в качестве куратора по военно-учебным заведениям Тамбова, за что в 1839 году заслужил личную благодарность императора Николая I, за воспитание молодого поколения воинства в том же году был награждён орденом Станислава 2-й степени. Имя Камбарова носила с 30-х годов XIX века улица губернского города Тамбова – Комбаровская (до 30-х – Хлебная, после 1935 года Куйбышева).

Камбарову принадлежали: д. Ольховка-Комбаровка (Знаменский р-н), Смольная Вершина Комбаровщина тож (Бондарский р-н); Фёдоровкой, как и другими поместьями скончавшейся в 1870-м году жены, Камбаров управлял до кончины, до 1875 года. Крестьянам-земледельцам жилось в имениях Циммерманов-Камбаровых не сладко. «У господ Циммерманов крестьяне работают даже на Пасху», - писал И.И Дубасов в «Очерках из истории Тамбовского края». Есть и другие свидетельства о тяжелом положении крестьян в Земетчине: самочинство старосты Рвачова, оказывавшего подавляющее влияние на решение мирских сходов, обложение налогом всякой деятельности – сборы с продажи всякого товара, кружечные пошлыны. Иногда от непосильных штрафов по составленным крестьянами прошениям избавлял преосвященный епископ Феофил (Раев), ходатайствуя за должников, последние обязывались в знак покаяния положить 50 поклонов в церкви.

Городской образ жизни был разорительным для мелкопоместного дворянина, а мужская часть потомков генерал-майора Фёдора Крестьяновича Циммермана предпочитала светскую службу. Именно поэтому, согласно межевым книгам начала XIX века, в селе Земетчино числилось уже 8 владельцев: наряду с ротмистершей Е.М. Камбаровой (урожденная Циммерман) и её братьями, титулярным советником Ф.М. и коллежским регистратором А.М. Циммерманами, землями и душами владеют: титулярный советник Челищев, купцы Суворов и Байков⁸⁰. Тем не менее земетчинская усадьба Циммерманов просуществовала до конца имперского периода истории. На начало XX века Камбаровым

---

⁷⁹ Имя корнета Ахтырского полка Камбарова вписано в 15-ую стену Галереи воинской славы в Зимнем дворце.

⁸⁰ ГАТО. Ф. 29. Оп. 3. Д. 4511-4522.

совместно с Крючковыми принадлежали два салотопленных завода в г. Тамбове, а ассессору Фёдор Михайлович Циммерман – конезавод.

Среди потомков генерал-майора Циммермана немало служащих: коллежский ассессор в Переславле-Залесском, секретарь уездного суда в Кирсанове, протоколист Тамбовской казенной палаты и пр. Наиболее известен сын владельцев Заметчино, Михаила Фёдоровича и Жозефины Матвеевны Циммерман, - Фёдор (1806-1888) – композитор, импровизатор, гитарист-виртуоз.

Фёдоровка: традиционный быт промыслового села (по данным экспедиции). Культурно-бытовая среда деревни Фёдоровки довольно богата местными традициями, утраченными в других населенных пунктах. Причина тому, во-первых, изолированность, бездорожье, во-вторых, стабильность этнокультурной модели, которая поддерживается основным видом занятия – гончарным промыслом. Гончарный промысел – один из самых древних традиционных видов занятий. Поскольку он требует развитого навыка, довольно рано происходит спецификация, т.к. промысел становится основным видом занятия для отдельной семьи, либо отдельной деревни, села. В первой половине XX века в Фёдоровке «гончарили» все, т.е. это был основной вид занятия. Земледелие служило лишь дополнением к нему. Поэтому на примере истории местного промысла мы можем наблюдать образец влияния вида деятельности на формирование локального варианта традиционной культуры.

Влияние хозяйственного типа села на духовную культуру. Хорошо развитый доминирующий промысел определяет ключевые позиции локального варианта культуры. Человеку свойственно осваивать не только окружающий его мир, в плане изучения природной среды, приспособления её к своим нуждам, вживания его в конкретные климатические, ресурсные условия, человек также осваивает ключевые позиции духовной культуры. Т.е., он ищет смысл в реальности, порой грубой. Во всяком случае, существование архаичного промысла характеризует ценностные установки бытия. Так, например, человек безусловно положительный, в Фёдоровке, обязан быть искусным мастером, что особенно ярко прослеживается в свадебных обычаях, прежде всего, в ритуалах сватовства. С одной стороны, в жены брали девицу, владеющую ремеслом, с другой – в село шли неохотно замуж из других сёл и деревень, т.к. отсутствие навыка затрудняло процесс социализации. Ремесло требует дружной семейной пары. Можно предположить, что духовное родство формировалось не столько благодаря узам брака, сколько с общим

для двух людей духовным миром, а также общностью экономического интереса, связанного с промыслом.

Аскетичность, простота и покладистость особенно заметны в Фёдоровке. На локальном культурном фоне очень хорошо читается пословица «Гневливый горшков не довезёт». Информаторы рассказывают, что вывоз керамики на продажу являлся делом весьма непростым, поскольку горшки погружали на телеги, которые двигались очень и очень медленно. Неосторожность, поспешность приводили к тому, что горшки по пути разбивались. Показательна и сама пословица – «Не боги горшки обжигают», где иносказательно воспевается идея трудолюбия, когда обычный трудолюбивый человек может достигнуть вершин ремесла, уподобляясь в своей работе Создателю. Фёдоровские горшечники знают и любят загадывать такую загадку:

*Родился в каменной горе,
Крестился в огненной реке,
Вывели меня на торжище.
Пришла девица,
Ударил золотым кольцом,
Мои кости рассыпучие,
В гроб не кладучие,
Блинами не помянучие.*

Ответ прост – это ГОРШОК. Сама форма, текст загадки являются квинтэссенцией представлений горшечников о духовности. Как известно, человек был создан из «брения» (чего-то, подобного глине), но глина – это лишь тело, оживляет же его душа, дух.

В деревне Фёдоровка сохранились образцы домашнего ткачества: гладкое (полотенца, скатерти), браное (узор «в чашу», «в елочку» на скатертях и прошвах). Интересна и разнообразна вышивка на бытовых предметах. Например, на праздничных («весовых», «настенных», «иконных») полотенцах используются геометрические и растительные мотивы. Орнитологические мотивы находим мы на полотенцах, связанных с семейными обрядами: свадебными, родильно-крестильными. Довольно популярна в селе вышивка на свадебной скатерти, где по углам изображен заяц в растительной розетке. «Хлебное» полотенце много скромнее «весового», но именно на нем подают праздничный каравай; лицо вытирают «утиркой», «ручником».

Обычай украшать стены дома полотенцами, а иконный угол вышитой занавеской сохраняется в Бондарском районе повсеместно.

Творческий характер основного промысла, гончарного, стимулирует развитие вкуса у населения. Нигде в другом месте мы не встречали примера разрисовки белой поверхности печи, в Фёдоровке такие примеры имеются.

Поскольку здесь нет недостатка в лесе, дома представляют собой добротные срубы, «сработанные в обло с остатком». Совсем недавно крыши в Федоровке крыли соломой, и теперь еще есть примеры, когда семья живет в доме под соломенной крышей.

Владеют местные жители плотницким ремеслом довольно хорошо, о чём свидетельствуют красиво «убранные» наличники, резные украшения на воротах, обшивке сруба.

Село, как никакое другое, хорошо сохранило обрядовые традиции и фольклор. Например, от жительницы села Зайцево Докудовой Н.А. мы записали подробно обряд «перепекания детей», когда недомогающего ребенка кладут на хлебную лопату и «засовывают», «садят» в устье печи. К этому времени печь бывает протоплена. Можно предположить, что печь дублирует женское лоно, из которого вышел «недопечённый» ребенок, т.е. ритуал компенсирует некоторую ущербность жизненного цикла. Нам показался интересным и тот факт, что жители деревни живот беременной женщины называют «горшком». «ходить с горшком» – значит быть беременной.

В работе Н.В. Муравьева, посвященный истории сел Тамбовской области, топоним «Фёдоровка» указан как официальный, что подтверждает современная карта Бондарского района. Несмотря на длительную историю существования (свыше 200 лет) Фёдоровки, основным местным названием является топоним Зайцево. Невольно задаем себе вопрос: в чём причина такой длительной конкуренции. Оба топонима могут иметь значение притяжательных форм: от антропонима (фамилия – Зайцев, имя языческое, или кличка – Заяц), от характеристики фауны – наличие в изобилии зайцев. Второй топоним безусловно восходит к антропониму. Топонимическая легенда относительно «Зайцево» гласит: *«Нигде так не было зайцев. У нас зимой все приходили зайцев бить. Кривополянские мужики, Никольские – все к нам»*. Подобным образом объясняют топоним Комаровка, местное – Кумарёвка (находится близ Фёдоровки): *«Кумари у нас злыи, лес та рядым. Вот и звать – Кумарёвка»*. Сблaзн принять местную версию велик. Так как персонаж «заяц», весьма органичен местному

варианту культуры. Мы уже говорили, что горшок – воспринимается как вместилище жизни, души. Керамический сосуд – универсальная метафора бренности жизни, которая может оборваться в любую минуту, как в любую минуту может разбиться сосуд. «Черепок» – общее название керамической посуды, «черепье» – посуда. Но черепок – это еще и символ несчастья, например, смерти. Именно «смерть» предвещает встреча с белым зайцем в пути⁸¹. Заяц ещё олицетворяет мужественность, солнечный свет, солнце, огонь. Именно стихия ОГНЯ роднит зайца и «черепок», «горшок». Не боязнь смерти, а любовь к созиданию, жизни, сопротивление среде видятся «горшечнику» в образе зайца. Вспомним мотив вышивки на свадебной скатерти - «Заяц в медальоне, образованном ветками», детский хоровод «Заюшка, делай так», который помнят на территории Моршанского, Пичаевского, Бондарского р-нов, догоняющий лису заяц (копилка в музее с. Бондари). То обстоятельство, что на свадебной скатерти изображен заяц под кустиком, может означать жизнедательную энергию зайца, его связь с культом растительности.

В какой степени названные мифологические мотивы осознаны в картине мира местных жителей? На этот вопрос и отвечает творчество фёдоровских мастеров. Однородность основного вида деятельности (гончарный промысел) с образом зайца, на наш взгляд, ощутима.

Не меньше вопросов и относительно топонима ФЁДОРОВКА. Выстроен он по той же словообразовательной модели, но опознать и конкретизировать носителя имени Фёдор не просто. На некоторые размышления нас наталкивает местный факт: престольный праздник в Фёдоровке некогда отмечали 29 августа (усекновение Главы Иоанна Предтечи, по н.ст. 11 сентября). Однако к этой старой традиции почитания престольного праздника присоединяются события новейшей истории Фёдоровки.

Во время экспедиций 1995-1997 годов от Татьяны Гавриловны Верещагиной был записан следующий рассказ:

«Не при нас было, еще наши бабки и бапки... Стал край деревни являться призрак в белом. И так стала всем жутка. Призрак кричал (т.е. «плакал» – Л.Е.). Спросили у стариньких. Ани вилели часовиньку наставить. Поставили часовиньку – и призрак пиристал. А тут была молния ударила и вирхушка (у сосны, на

---

⁸¹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 177-199.

которой весела «часовенька») загорелась. Эта была к нищастью. Фскори царя убили. Часовня и щас висит на дериви. Как выходишь из Зайчѣпки. Иконы женьщины пиривешивали. И часовня эта рызбиралась, иѣ пычиняли».

Действительно, на выходе из села в Кривополянье висит киот (часовня) на сосновом дереве без верха. Комель сосны зарос молодняком, так что к ней не подобраться.

Связь в народной исторической памяти гибели царя и царской семьи с судьбой часовни и с призраком нас заинтересовала. Известно, что в семье Романовых особо почитаемой была икона Фёдоровской Божией Матери. Известно, что во время смут, последовавших после польской интервенции, Марфа Иоанновна Романова жила вместе с сыном Михаилом Фёдоровичем в Костроме (Поволжье), сюда прибыло посольство во главе с архиепископом Рязанским Феодоритом и боярином Шереметьевым просить Михаила на царство. «Русская держава без покрова, венец ея осиротел; отечество рыдает, что нет у него отца...» - говорилось в грамоте, но и эти слова оставили Марфу непреклонной, и только именем иконы Фёдоровской Божией Матери удалось упробить Марфу Иоанновну не противиться воцарению сына. Этот день, 14 марта 1613 года и стал днем почитания Фёдоровской иконы⁸².

Как верноподданным правящей династии Романовых, Циммерманам, служившим Царю и Отечеству, была известна история чудотворной Фёдоровской иконы. Чудотворный образ хранился в Городецком Фёдоровском монастыре, основанном по преданию еще в XIII веке и после разрушения Батыем (1238) Городца перенесенным в Кострому, где он угасал и возрождался вновь. В монастыре хранилась святыня рода Романовых – образ Матери Божией, сопутствовавшей восшествию на Престол первого в династии царя (1613)⁸³. Для представителей феодалов немецкого происхождения могло быть значимо и то обстоятельство, что с конца XVIII века жѣны (немецкие принцессы) русских императоров, начиная с Павла I, принимали отчество – Фёдоровна.

Фёдоровская икона Божией Матери непосредственно связана с историей венценосного рода Романовых, семейной святыней которого она являлась. Икона была известна как свадебный образ полоцкой княжны Александры Брючславны, которым она была

---

⁸² Благодеяния Богоматери роду христианскому чрез ее святые иконы. СПб., 1905. С. 217.

⁸³ Бахарева Н.Н. Городецкий Фёдоровской иконы Божией матери монастырь // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 134-138.

благословлена на брак с князем Александром Невским. После перенесения образа из собора Городецкого монастыря в Кострому, в церковь влмч. Фёдора Стратилата, она стала называться «Фёдоровской». На обороте иконы был запечатлен лик влмч. Параскевы, покровительницы Полоцкого княжества, а также широко почитавшейся как женской заступнице⁸⁴.

Семейно-родовые причины сугубого почитания образа Фёдоровской Божией Матери усиливают и факты локальной истории. Поместье Земетчино и д. Фёдоровка расположены на территории древней Верхоценской дворцовой волости, принадлежавшей великой инокине Марфе Ивановне до 1631 года (год кончины) и вошедшей в состав Шацкого, а затем Тамбовского уезда только в начале XVIII века⁸⁵. Именно великая инокиня Марфа, приняв посольство из Москвы в Костромском Ипатьевском монастыре, где они укрывались с сыном, благословила чудотворным образом Михаила Романова принять волю Земского собора (1613) и вступить на царствование⁸⁶. Замечательно, что посольство возглавлял архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит (1551-1617), влияние рязанских монастырей на процесс освоения территории Дикого поля было сильно, а сами монастыри владели тамбовскими землями⁸⁷.

В марте 14 (по ст.ст.) празднуют обретение иконы костромским князем Василием Ярославичем, который во время охоты обнаружил чудотворный образ на сосне. В княжеской среде икону почитали заступницей от татарской агрессии. День принятия посольства инокиней Марфой и её сыном Михаилом (16 августа по ст.ст) стал днём сначала местного, а затем всероссийского почитания

---

⁸⁴ Сказание о явлении и чудесах Фёдоровской иконы Богоматери в Костроме // Вестник археологии и истории / публ. и предисл. И.В. Баженова. СПб., 1909. Вып. XIX. С. 187- 260.

⁸⁵ Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. Тамбов, 1990. 105 с.

⁸⁶ Виноградова Е.А., Губарева О.В., Фёдоров А.В. Фёдоровская икона Божией Матери. СПб., 2014. 76 с.

⁸⁷ Известно, например, что святителю Питириму, епископу Тамбовскому (1685 – 1698), пришлось ходатайствовать о пожаловании новоучреждённой по указу императора Фёдора Алексеевича (1682) епархии монастырских земель, ранее принадлежавших Рязанским архиепископам, влияние которых наблюдалось и с 1700 по 1720, когда епархия вновь была закрыта и ею поочередно управляли Рязанские и Воронежские епископы, а затем – Московская Синодальная контора до того, как в 1758 году императрица Елизавета Петровна подписала указ о восстановлении и расширении территории Тамбовской епархии. См.: Введенский С.Н. Святитель Питирим, второй епископ Тамбовский: очерк его жизни и деятельности. – Тамбов, 2014. С. 24-30.

чудотворной иконы Фёдоровской Божией Матери⁸⁸. Почитание иконы усилилось и в результате того, что в 1619 году вернулся из польского плена отец московского царя, митрополит Филарет (в миру – Фёдор Никитич Романов).

Августовская привязка обычая фёдоровских женщин покаянно молиться у часовни, висящей на сосне, может иметь связь с исторической памятью о визите в 1904 году в город Моршанск императора Николая II, который побывал в старом Софийском соборе в пределе чудотворного списка иконы Фёдоровской Божией Матери, которую с древности почитали в Верхоценской волости, принадлежавшей инокине Марфе. Известно также, что список иконы с предстоящими Богородице прп. Серафимом и свт. Алексеем, митрополитом Московским, император Николай приказал сделать накануне прославления Саровского старца⁸⁹. Этот список имел широкую популярность в народной среде, как и список с той же иконы, сделанный к 300-летию Дома Романовых и обнаруженный в Ипатьевском Доме в Екатеринбурге, где расстреляли царскую семью.

Характеристика фёдоровской гончарной и лепной керамики. Анализ материала по истории фёдоровского промысла позволяет сказать, что его технологии, приёмы, формы, сюжеты образуют вещественное свидетельство богатства народной традиции.

Общие исторические черты и тенденции развития в каждом конкретном варианте гончарного промысла дали яркие самобытные черты, характеризующие гончарные центры Тамбовского края, сформировавшиеся в XVII – XVIII веках. Этот тезис подтверждается яркими отличиями фёдоровской керамики от многочисленных в XIX веке локальных тамбовских гончарных традиций. Конечно, отличия диктуются наличием и свойствами исходных материалов, прежде всего, керамической глины, а также природным и культурным ландшафтом. Например, гончарный промысел сёл Малое Лаврово (Козловский уезд, теперь – Мичуринский район) и Фёдоровка (Бондарская волость Моршанского уезда, теперь – Бондарский район) развивался в сходных условиях лесной зоны. Однако, различие в автохтонной среде (славянская – в Лаврово, мордовская – в Фёдоровке), в характере первопоселенцев, в образном составе картины мира дали два разных варианта традиции.

Если внимательно посмотреть на статистические данные конца XIX – начала XX века, то мы увидим, что массовым явлением

---

⁸⁸ Списки иконы имели самое широкое хождение в среде верующих.

⁸⁹ Озорнов И.А. Моршанск Православный / И.А. Озорнов, Н.Л. Федосеева, О.Ю. Левин. Тамбов. 2010. С. 214.

гончарный промысел был в Козловском, Липецком, Тамбовском, Моршанском, Шацком уездах, то есть в средоточии однодворческого, служилого сословия, призванного в XVII веке строить города-крепости и служить на форпостах Тамбовской линии Белгородской засечной черты (см. Таблица 1). Отметим, что и кирпичное производство интенсивнее развивалось там же.

Таблица 1. Сведения о наличии и количестве гончаров по уездам (по данным подворной переписи 1884 года⁹⁰ и сборнику Тамбовского губернского земства⁹¹)

№	Уезд	Волость	Село	Количество гончаров (горшечников)
1	Тамбовский (ранее Моршанский)	Бондарская	Фёдоровка	60
		Пахотноугловская	Фёдоровка	77
	Тамбовский	Лысогорская	Лысогорская	6
		Беломестная-Двойня	Беломестная-Двойня	2
		Ивановская		2
Всего:				91
2	Козловский	Жидиловская	Малое Лаврово	80
Всего:				98
				54
3	Шацкий	Дудницкая	Демидово	55
Всего:				40
4	Моршанский	Дудницкая	Сосновка	30
Всего:				24
5	Липецкий			54
6	Лебединский			22
7	Елатомский			18
8	Борисоглебский			17
9	Кирсановский			4
10	Усманский			-
11	Темниковский			-
12	Спасский			-
Итого:		Кирпичников - 2720	Гончаров - 368	

Сказанное усиливает и тот факт, что самый массовый в Тамбовской губернии гончарный промысел существовал в деревне

⁹⁰ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Тамбов, 1900. С. 23.

⁹¹ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 12. Тамбов, 1886. С. 25-26.

Малое Лаврово Жидиловской волости Козловского уезда, расположенной рядом с селом Старое Торбеево, которое, согласно писцовой книге 1651-1652 годов было основано как «слобода драгунская... на реке Лесном Воронеже... В том селе драгуны: во дворе Сенька Тихматов ... ; во дворе Сенька Мещеряков...; во дворе Селиверстка Дунаев, да с ним живет отец его Антипка, да три пасынка... И всего в селе Торбееве 51 двор драгунской и 188 человек...». Гончарное производство в Малом Лаврове существовало благодаря залежам керамической глины, поднимаемой с глубины 8 метров. О предпринимательских традициях этого селения говорит факт основания в 30-40-х годах кирпичного завода Суховеркова, который экспортировался во Францию и Германию. Гончарный промысел Лаврово, возможно, оказал влияние на возникновение промысла в селе Доброе Лебедянского уезда, с которым соседствовал. Не смотря на массовый характер и развитость, а также популярности Троицкой ярмарки, на которой продавали «лавровскую керамику», промысел совершенно угас к 60-м годам XX века и известен только по картинам и зарисовкам мичуринского художника Н.К. Андросова, а также по репликам подлинных игрушек, сделанных по свидетельствам уроженцев села Малое Лаврово – С.Г. Архипова и Л.Д. Тарасова.

То небольшое, что мы знаем о «лавровской игрушке», свидетельствует о её оригинальности и несхожести с «фёдоровской». Не смотря на общность популярных традиционных сюжетов игрушки: всадник на коне, птица, корова, собака, баба и пр. – между «фёдоровской» и «лавровской» игрушкой нет стилистического и технического (способы лепки, орнаментации и пр.) сходства.

Не смотря на общность популярных традиционных сюжетов игрушки: всадник на коне, птица, корова, собака, баба и пр. – между «фёдоровской» и «лавровской» игрушкой нет стилистического и технического (способы лепки, орнаментации и пр.) сходства. В Лаврово игрушку делали из красной глины и до обжига расписывали белой глиной (англобом), процарапывали орнаменты, а после первого обжига покрывали глазурью. Изготовлением игрушки занимались женщины и дети. Сходная по номенклатуре (крынки, кувшины, банки, миски) «лавровская» гончарная посуда отличалась от «фёдоровской»: её покрывали жёлтой и/или зелёной глазурью, иногда ложили. Последние «лавровские горшечники», Гармаш и Фатеев, работали в 70-х годах, а в 90-х промысел полностью угас. В Фёдоровке дело обстояло иначе.

Благодаря описи единичных экспонатов «инжавинской игрушки» в каталоге РЭМ (экспедиция 1936 года в с. Инжавино), а также воспоминаниям художника М. Добужинского (1875 – 1957), несколько сезонов (1893 – 1914) проводшего в имении матери в д. Семёновка Кирсановского уезда, - известен местный гончарный промысел. М.В. Добужинский вспоминал: «За деревней тянулись помещичьи фруктовые сады, окруженные плетнями, и дальше шла широкая красивая дорога в большое и богатое село Инжавино..., лежавшее в верстах семи от Семёновки. Там бывали «ярмонки» и по каким-то дням большие базары, куда я охотно сопровождал мою мать, ездившую по хозяйству.

На эти базары мужики привозили самодельную керамику - глиняные горшки, кувшины, махотки, плошки, миски самых примитивных форм с зеленой и коричневой поливой, редко украшенные каким-нибудь бедным орнаментом в виде прямых или волнистых полосок.

Среди этих посуды, в порядке и беспорядке расставленных, наваленных на соломе возле телег, я выискивал забавные глиняные свистульки, желтые и зеленые, восхищавшие меня своим неуклюжим юмором. Одни были в виде лошадок без задних ног с выгнутой колесом шей, иногда с подбоченившимся всадником на спине, другие — в виде барыни в шляпке, с турнюром и почти всегда с гусем под мышкой. И я чувствовал, что в этих наивных и веселых безделушках есть настоящее народное искусство, они мне даже казались какими-то драгоценностями! Инстинктивно я был прав, конечно, да и прелесть лубка мне была уже знакома с детства. Но я не подозревал тогда о поразительном и необъяснимом сходстве этих русских коньков и дам с формами таких же игрушек Микенской Эллады!»⁹².

Несмотря на приведенные авторитетные свидетельства, Е.С. Каллас в специальном исследовании, посвященном истории тамбовских гончарных промыслов, высказывает сомнение по поводу достоверности самого факта существования глиняной «инжавинской игрушки». Она приводит цитаты из работ М.В. Плотниковой, Н.О. Крестовской, а И.А. Колобковой, в которых дано описание инжавинской лепной игрушки и свидетельство о существовании самобытной «инжавинской» керамики и «инжавинской игрушки», произведённых из местной белой глины⁹³. Повод сомневаться в

---

⁹² Добужинский М.В. Воспоминания. М, 1987. С. 67.

⁹³ Плотникова М.В. Крестовская Игрушка // Русское народное искусство в собрании государственного Русского музея. Л., 1984. С. 159.

сказанном даёт отсутствие сведений о наличии самой белой глины в Инжавинском, либо Кирсановском районах, а также сведений о том, что в Инжавино, или в его окрестностях кто-либо занимался гончарным ремеслом. Е.С. Каллас поддерживает версию липецкого искусствоведа Н.А. Пряжковой о том, что экспедицией сотрудников Русского музея 1936 года в Инжавино была найдена и приобретена для коллекции ГРМ игрушка, не произведённая в Инжавино, а привезённая на ярмарку из с. Романово Липецкой области. Основание так утверждать даёт некоторое стилистическое сходство «псевдоинжавинской» игрушки и подлинной «романовской». Исследователь напоминает и том, что М.В. Добужинский видел глиняную игрушку именно на «ярманке» в Инжавино. Сомнения усиливает и то обстоятельство, что, согласно статистическим данным, в Кирсановском уезде в конце XIX века обнаруживалось всего 4 гончара. Но есть аргументы, делающие сомнительными вероятность привоза романовской керамики в конце XIX века в Инжавино: сёла разделяет 3307 км. При наличии спроса гончарные изделия можно было привезти из Моршанского, Тамбовского уездов, где имелись развитые керамические промыслы. Собственный многолетний опыт экспедиционной работы, хотя он и не касался прямо истории промыслов, позволяет утверждать, что керамику в Инжавинском районе производили, например, в Паревке. Сказанное заставляет считать вопрос открытым и перспективным для дальнейшего изучения, а то, что нам известно об «инжавинской» игрушке, не нарушает выдвинутого тезиса о самобытности «фёдоровского» гончарного промысла, который бесспорно имеет иное происхождение.

Технология ручного гончарного производства в Фёдоровке. Приводимые ниже сведения о технологии ручного керамического производства в Фёдоровке записаны во время экспедиции отделения музейного дела ТГУ им. Державина в 1998-1999 года, а также Е.С. Каллас от потомственных гончаров Петра Лаврентьевича и Алексея Петровича Харитоновых, и от Ольги Павловны Попковой.

Изолированность села и верность ремесленной традиции, передаваемой из поколения в поколение, позволили сохраниться архаичным формам ручного гончарного производства. До наших дней в семьях фёдоровских мастеров стоят ручные гончарные круги, конструкция которых за 400 лет никак не изменилась.

Устройство ручного гончарного круга. Двигательное устройство установлено на подставке («основе»), в которой имеется отверстие. В отверстие вставляется штырь («веретено»), на конец штыря насаживается деревянный круг («кружала»), диаметр круга – 60 см.

Старые мастера называли гончарный круг «кружалом». Круг приводится в движение рукой, основной мышечной силой. Появившееся в 70-х годах электричество не привело к замене ручного круга на электрический, более того, когда поклонники ручного производства, восхищенные работой фёдоровских мастеров, показали, как можно сделать ножной электропривод, местные от новшества отказались, предпочтя веками отработанный навык.

Не изменилась и технология заготовки, обработки сырья и приёмы ручного производства керамики. Все этапы от заготовки до обжига и полива сопряжены с многочисленными приметами, тайнами, о которых мастера безусловно помнят, но рассказывают неохотно.

Основным сырьём для производства фёдоровской керамики служат залежи красногучей глины, расположенные на глубине от 2-х до 4-х метров. Заготовкой глины занимались зимой: в этот период глина приобретает нужную степень рыхлости и легче отделяется от пласта. Но глину можно добывать круглый год, так как у каждой семьи имелась своя неглубокая «шахта» – 2 – 2,5 м. Используют глину еще невысушенную, пересохая к делу не годится. Обычно глиной запасались после окончания полевых работ. Условия добычи были примитивны и трудны. Сначала копали яму до нужной породы, из нее доставали глину на толщину пласта, выйдя на пустую породу, начинали копать в глубь пласта. Гончар постепенно, сидя на коленях, вкапывается в пласт, обирая глину вокруг себя, складывал ее в корзину или ведро. Наполнив ёмкость, дергал за веревку и помощник, стоявший наверху, вытягивал посуду, опорожнял её и сбрасывал вниз. Накопав достаточное количество, перевозили глину домой. Имелись специальные плетеные короба, которые ставили на 2-х-колесную тележку с дышлами и перекладиной впереди. Тележку катило два человека. Возле дома глину сваливали в кучу, накрыв ее рогожами, чтобы она не пересохла. Глину вносили в избу с холода – в доме было холодно – пахло сыростью и землей. *«Горшечники в чистоте не живут»* – говорят в Фёдоровке.

Глину заносили в дом, чтобы в отапливаемом помещении она быстрее оттаяла. Затем глину перебирали, выбирая из неё камешки и органические вкрапления. Работа эта не требовала особого навыка, поэтому её доверяли детям.

Полный технологический цикл включал: заготовку, размораживание, перебор и обминание глины, приготовление керамической массы, формовка изделий на кругу, декорирование, сушка, доводка изделия до процесса обжига.

Очищенную глину, мяли, смешивали с водой и превращали в керамическое тесто. Некоторые мастера для обминания глины использовали деревянную доску. Глиняное тесто скатывалось в комья, которые хранились рядом с гончарным кругом, а летом в специальных ямах, вырытых на усадьбе дома.. Федоровская глина после вымешивания пластична и не требует дополнительной подготовки - очистки, отмучивания и т. д. В ней содержится значительная доля песка, что позволяло мастерам создавать крупные и высокие изделия (до 80 см). Однако рыхлость глины придает черепку толщину, а посуде тяжеловесность. Особенно это заметно в крупных, от 40 см в высоту, горшках, корчагах и кувшинах.

Гончарили в зимние дни. Круг устанавливали возле окошка. По стенам настилали в несколько рядов полки для просушки изделий. Вносили глину, бросали на пол и разминали ногами. Достаточную степень вязкости и пластичности массы мог определить только мастер. Если на этом этапе ошибиться, сформованное изделие может потрескаться. *«Глину не мять - горшков не видать»*, - говорят в Фёдоровке.

Готовую массу раскатывали в шары, из заготовки гончар отламывал нужный кусок и разминал в руках. Затем с размаху бросал в середину круга. Прилипший кусок служил донцем. Из комочка вытягивали задуманную форму. Диск вращали левой рукой, право й придавали нужную форму, для чего большим пальцем гончар давил на середину комочка, остальными хватывал за края и вытягивал нужную форму вверх и в стороны. Достигнув желаемой формы, мастер брал влажную тряпку и медленно вращая круг, заглаживал неровности на поверхности изделия. При желании здесь же он мог орнаментировать изделие, для чего использовал острую палочку, либо косточку. Готовое изделие укладывали на полки, причем момент снятия изделия с круга был весьма ответственным, поскольку готовый горшок срезался нитью. Мастер делал это так ловко, что в Фёдоровке вспоминают как старые мастера шутили над проезжающими чудаками: на глазах у зрителей, гончар быстро снимал горшок с круга, так что свидетель не успевал заметить, как он это сделал. Мастер обещал большие деньги зрителю, если тот сможет снять горшок с круга целым, но как тот ни старался, горшок оказывался без дна.

Для формирования гончарного изделия использую тряпку (часто – старый платок), называемую «помазок». Для отделения кусочков глины (например, на венчике сосуда) и процарапки орнамента использовали грубо заострённую в форме ножа щепочку. Для срезания

(снятия) готового изделия с круга использовалась леска. Рядом с кругом стояла ёмкость (банка) с водой, в которой смачивали руки.

Стадия формования изделия начинается с отделения небольшого количества глиняной массы от общего кома и скатывание его в жгут. Затем один конец плотно прикрепляется к центру кружала. Правой рукой, сжатой в кулак, вращают круг, равномерно укладывая жгут по спирали. Так формируется дно, на которое наращиваются стенки сосуда, путём укладки жгутов и вытягивания стенок. Эта стадия определяет форму сосуда и толщину его стенок сосуда. Вытягивание формы сопровождается постоянным поглаживанием влажным «помазком» поверхности сосуда, которому придаётся задуманная форма. Движения руками плавные и ласковые. Формование заканчивается венчиком, который имеет отогнутые края. Нередко на венчике делаются вертикальные насечки, восходящие к традициям городецкой керамики.

Простейшим и широко распространённым способом декорирования сосудов на стадии формования является проведение по кругу линий, чаще всего – волнистых («вилюшки»). Фирменным знаком фёдоровских мастеров является декорирование «налепами», то есть нанесения на готовую сырую форму сосуда орнаментальных сюжетов, для чего вылепляется керамическая ленточка («жгутик»), нанесением которой образуют задуманный рисунок, используют также крошечные шарики (скатанные меж пальцев глиняные комочки). Налепы выполнены уверенными приемами, с четким пониманием правил композиции и возможностей материала. Существует богатый традиционный репертуар «налепных» сюжетов, самые распространённые из них – кусты, ветки, цветы, расположение которых задаёт чёткий выразительный ритм декоративной композиции. Именно это чередование позволяет сделать образы зверей, птиц, охотника, размещенные в окружении кустов, веток и цветов, экспрессивными. Кажется, будто журавль летит по тулову сосуда, а заяц стремительно удирает от охотника, крадущегося за дичью и пр.

Любимым фирменным декоративным образом фёдоровской керамики является заяц, он приобретает значение своего рода клейма, так как вызывает аллюзию на неофициальное народное название села – «Зайцево». Однако единой трактовки фирменного образа зайца нет: в одном случае – это заяц, убегающий от погони, в другом – крадущийся за охотником, стоя на задних лапах.

Фирменным декоративным сюжетом фёдоровского налепа является сцена охоты, передаваемая «с поразительной точностью в

деталях (козырек фуражки, сапоги с отворотами, куртка с погонами, охотничья сумка, ремень и даже мушка на ружье, иногда висящий за спиной трофей - подстреленный заяц или птица) изображена фигурка охотника, преследующего добычу. Это могут быть летящие по небу гуси, удирающий лис, волк, заяц или даже огромная рыбина. Часто охотника сопровождает собака, опущенные уши и стройные ноги которой указывают на ее охотничью породу».

В новейший период фёдоровские мастера изображали и новые сюжеты: юбилейные даты, серп и молот, игра в футбол.

Снятие готовой формы с кружала – это ответственный момент, так как неумелые действия могут привести к тому, что дно останется на кружале и всю заготовку придётся смять. Для того, чтобы этого не произошло, осуществляется «уторка»: нижняя (донная) часть сосуда подтыкается по периметру формы под дно деревянной щепочкой. После «подзаправки» дна, «уторки», форма стремительно срезается леской, подведённой под дно и резким движением подаваемой гончаром на себя.

После снятия с круга изделия помещаются в тенистое место для просушки. На следующий день некоторые мастера (например, Ольга Павловна Попкова) «дорабатывают» уже слегка затвердевшие, но не просохшие до конца изделия, закрепляя их на гончарном круге при помощи куска мягкой глины в положении дном вверх.

За рабочий день опытный гончар, в среднем, делал 100 единиц посуды (если это «банка», или «махотка»), средний – 50. Объемные изделия от 5 до 15 литров в дневной норме учитывались не штуками, а литрами. Средней нормой считалось – 60 литров.

Изделия сушились на специально устроенных деревянных полках, досушивали их на печке. Самым сложным и ответственным этапом производства является обжиг.

Обжиг изделия, устройство горна. В Фёдоровке обжигали в горне, который в поврежденном виде ещё сохранился. Горн представляет собой яму глубиной 2 метра в форме кольца, расширяющегося книзу. Стены ямы выкладывают кирпичом, в нижней части устраивают топку. Над топкой - перекладыны из кирпича, колосники. Высушенные глиняные изделия выкладывают над топкой слой за слоем в шахматном порядке. Сверху ямы укладывают жерди, а на них битые черепки от предыдущих обжигов. В печь закладывают дрова, огонь разгорается посередине, потом его направляют вглубь и бока. Опытные гончары по звуку, цвету обжигаемой керамики умеют регулировать пламя, добиваясь равномерного обжига. Обжиг длится 12 суток. Затем горну дают остыть и разбирают укрытие. Если

технология соблюдена точно, то гончар получает красивую, терракотового цвета посуду. «Печь горшок покажет» - говорят в Фёдоровке. Однако даже опытный гончар может допустить ошибку и плохо обожженные горшки разваливаются в черепки.

В Фёдоровке до 80-х годов XX века действовало 5-6 горнов, которыми семьи гончаров пользовались по очереди. Для топки горна любые дрова не подходят. Использовали сосновые дрова, заранее заготовленные и просушенные в том же горне, для чего их закладывали в еще не остывший после обжига изделий горн. Перед закладкой изделий горн должен быть тёплым, но не горячим, так как между температурой изделий и горна в начале процесса не должно быть ощутимой разницы. Поэтому в сезон горн работал непрерывно, его остывания не допускали.

В Фёдоровке обжиг проводили в один приём, то есть глазуровку сосудов делали перед обжигом, нанося глазурь на до конца просушенные изделия. Глазуровка посуды не носит обязательного характера. Процесс глазуровки включал в себя: 1) смазывание изделий, 2) посыпание специальным порошком. Смазывали сосуды «дѣгтем», так называли «нигрол» - отработанное машинное масло. Затем посыпали порошком, которой образовывала окись свинца, смешанного с отрубями. Свинец плавил в чугушке на костре, слегка помешивая массу для её окисления на воздухе. Затем смешивали окись свинца с отрубями, вытряхнув излишки. Для получения зеленоватого цвета «поливыв» использовали медную и/или железную окалину, для чего проволоку пережигали и толкли в порошок.

Общая продолжительность обжига составляла десять часов. После первых четырёх часов обжига дрова продвигали от входа к центру топки – под изделия. Процесс контролировали самые опытные гончары, которые могли по характеру свечения на глаз определить достаточность достигнутой температуры. Сигналом к прекращению наращивания температуры и самого процесса топки служил вид верхнего слоя изделий, который должен был прокалиться и изменить цвет. Этот момент назывался – «когда краска подымется». После этого топку прекращали, а горн закладывали палками, соломой, слоем земли. Через 12 суток эту «шубу» сняли и вынимали горшки.

После того как обожжённые сосуды вынимали из горна «на берез» (на край котловины), в еще тёплый горн закладывали сосновые дрова для нового обжига, чтобы дать им просохнуть.

Бытовая гончарная керамика. В Фёдоровке делали два вида посуды - глазурованную и чёрнолощоную. Для получения второй влажную форму сосуда ложили галькой на кружале, а при обжиге

использовали солому, которую ранее использовали в качестве подстилки для скота. Такая солома при сжигании давала много дыма, образуя глубокий чёрный цвет сосуда.

Номенклатура «фёдоровской» керамики разнообразна. Гончарные формы отличаются совершенством и простотой, что отвечает и практической целесообразности функционала предмета, и эстетическому вкусу, как носителя традиции, так и её созерцателя. Ассортимент продукции был широким. *Махотки* (сосуды на 1-2 литра), *корчаги*, *банки*, *вазы*, *цветочные кашпо*, *формы для пасхи и заливного*, *печные трубы*, *рукомои*, *кувшины для пахтанья масла*, *кацеи* и многое другое. К началу XX века мастера для повышения продаж стали украшать изделия растительными и анималистическими наклепными орнаментами. Сами они называют этот приём - «роспись глиной». Это делало посуду красивой, интересной.

Универсальным и самым популярным термином, обозначающим гончарную форму, является «горшок». Так называют продукт местного гончарного производства, когда хотят обозначить род деятельности и керамический сосуд вообще, как таковой. «**Горшками**» называют и «чугунки», в которых готовят пищу в печах для людей и скота, а также керамическую форму, подобную «чугунку», заменяющую кастрюлю. Употребляется и термин «**чугунок**» по отношению к керамическому горшку. Объём печного горшка – от двух до пяти литров.

Изготавливали в больших количествах «сливошники», горшочки «под ягоды», «тазы», детские ночные горшки «урьльники», «бутылки».

Специальные названия, как правило, обозначают особенности размера и функционала сосуда.

«**Вареница**» («банка»); «вареницы» имеют ту же высоту, что и «кувшин», но вазообразная форма не предполагает горла вообще, широкий венчик (диаметр – 250-300 мм.) иногда по периметру украшен ритмичными вмятинами, образующими миниатюрный волан. В «варенице» готовят не только варенье из ягод, но и заготавливают грибы, хранят мочёные яблоки и пр. Объём – 5-9 л.

«**Банка**» - сосуд, расширяющийся от доньшка к горлу. Может иметь самую разную высоту и объём. От 0,5 л. (под цветок), до 9 л. (для хранения солёных огурцов и помидоров).

«**Ваза**» - банкообразная, вытянутая форма с достаточно широким горлом для цветов. Объём от 1 до 1.5 л.

«**Ветроуд**» - загадочный закрытый, сферообразный сосуд, от дна до верха по периметру пробитый многочисленными круглыми отверстиями (диаметрами от 7 до 15 мм.), имеет по бокам две ручки,

богато декорирован налепами; привезён из Фёдоровки в 70-х годах XX века в музей с. Бондари; ныне в живой бытовой среде не встречается, в том числе и в Фёдоровке. Краеведы с. Бондари предполагают, что «ветродуй» подвешивали на верёвке, подхватывающей сосуд за обе ручки, и размещали на ветке плодового дерева в саду, чтобы свист ветра, образующийся в результате прохода струи воздуха через многочисленные отверстия, отпугивал воробьёв.

«Ендова» - то же, что «корчага», некоторая часть населения Фёдоровки предпочитает термин «ендова» термину «корчага».

«Жаровня» - печная посуда для жарки картошки, мяса и пр. В форме широкой миски, объём от 100 до 150 мл.

«Кадильница» («кацея») невысокая (100-150 мм.) ёмкость для хранения и каждения ладана, стоит в «красном углу» у икон. Термин «кацея» в Фёдоровке термин не был распространён. Кадильницу лепили руками, в закрытом сферическом объёме прорезали четырёхконечный крест, отверстие для ладана, а к одной из сторон прикрепляли ручку, чтобы можно было окуривать ладаном помещение.

«Кашпо» - цветочный горшок банкообразной формы (усечённый конус) объёмом от 500 до 1000 мл., очевидно, новейшего происхождения. В Фёдоровке «кашпо» предпочтительно называли «банкой». Известно, что такие банки в Фёдоровке производили артельно в 70-80-х гг. XX века и вывозили на продажу в Тамбов, в Воронежскую и Липецкую область. Цена горшка колебалась от 80 копеек до 1 рубля. Дороже стоили цветочные горшки на ножке и декорированные налепами, украшенные поливой. **«Квашня»** - по форме «банка», или «вареница», но имеет два дна, внутреннее с круглыми отверстиями (8-10 мм.). В квашне хранили «накваску» и ставили «опару», месили тесто.

«Копилка» (150-200 мм.) яйцеобразная сферическая форма с прорезом для проталкивания монет, небольшого объёма, высота – 150-200 мм. Производились гончарным способом. Поскольку копилки пользовались спросом, на их изготовление фёдоровские мастера не жалели фантазии. Хотя форма фёдоровской копилки была общепринятой, богатая орнаментация (налепы на тулове и скульптурное изображение сверху) свидетельствовала об авторстве: Н.В. Павлов изображал гусей и уток; И.Я. Попков - жаворонков, петухов, кошек. Наиболее выразительны были копилки Г.С. Иванова. На одной из них сверху был изображен орёл, терзающий зайца. Драматизм сюжета усиливал натурализм скульптурной формы – орёл клевал внутренности растерзанного зайца, а под этой сценой на тулове копилки красовалась надпись – 50 лет СССР. С учётом того, что

местные жители официальному названию села «Фёдоровка» предпочитали народное «Зайцево», или «Зайчѣвка», изображение приобретало политический контекст.

«Корчага» - широкая и высокая (380-600 мм.) посуда, с широким горлом, слегка зауженным от тулова (диаметр – 300-350 мм.). В них хранили сыпучие продукты, а также брагу, пиво. Объём – 12 – 15 л.

«Кувшин» выше «крынки» (высота - 400 -500 мм.), он имеет суженное относительно тулова горлышко, заканчивающееся венчиком (диаметр – 80-120 мм.). Может иметь одну, или две ручки, укрепленные на тулове, а также небольшой носик (ямковидный отвод по верху рыльца сосуда) для удобства слива жидкости. Объём – 1 – 7 л. «Кувшинами», как и «горшками», называли самые разные формы. Маленькие кувшины с ручкой (объём от 1 л.) использовали для сбора ягод. Широкое распространение получили фёдоровские амфоровидные двуручные кувшины, объёмом до 7 л., в которых «пахтали» масло, подвесив сосуд на верёвке к крючку, вбитому в матицу, или в дверной проём. Некоторые жители села называли такой кувшин **«скрыном»**. «Жирная фракция молока собиралась в горлышке кувшина. Горлышко такого кувшина могло быть двух видов — цилиндрической формы с вертикально расположенными стенками и с выпуклыми стенками, округлой формы». Подобного рода сосуд берегли: даже если в нём появлялась трещина его не выбрасывали, а приспособивали под домашние цветы. Иногда кувшин изначально изготавливали как декоративную вазу или предмет столовой сервировки и в этом случае покрывали «налепами». Подобный кувшин хранится в коллекции ТОКМ. Поверхность кувшина богато декорирована сюжетными изображениями: охотник и собака крадутся за зайцем, вокруг них орнаментальные «кустики», по небу летят гуси; фёдоровский гончар гуляет в саду. Показательная форма сосуда используется фёдоровскими гончарами для сохранения памяти о знаменательных событиях. Например, на одном из них сделана надпись «50 лет СССР», а над нею «налепом» изображены летящие гуси.

«Махотками», или «крынками» называют среднего размера (высота - 250-350 мм.) сосуды с горлышком, имеющие рельефный венчик (диаметр – 100-130 мм.); обычным их использованием является хранение молока, кваса и пр. Объём – 1 - 1.5 л. В Фёдоровке предпочитают термин «махотка». Наряду с общеизвестной формой «крынки», в Фёдоровке делали широкодонные «махотки».

«Миска» - род глиняной столовой чашки, объёмом от 700 до 100 мл. Преобладают миски диаметром 20 - 30 см, конусообразной формы. Основная масса «мисок» обезличена, то есть все гончары делают их

приблизительно одинаковыми. Однако, миски Н.И. Павлова, именуемые «блинницы», имели «носик» для слива лишнего масла; «носик» делался в виде слегка обозначенного заступа по краю бортика.

«**Пашешница**» - форма для «пасхи», специального обрядового блюда из творога, приготавливаемого к Пасхе Христовой. Сосуд представляет собой широкую миску конической формы с бортами высотой приблизительно 8 см и с одной ручкой.

«**Плошка**» - столовая миска малого размера (700 мл.).

«**Тарелка**» («тарель») – плоская столовая посуда, диаметр – от 100 до 250 мм.

«**Урыльник**» - сосуд объёмом в 6 – 8 л., в виде ведра; использовался как ночной горшок и подставка к «рукомое».

«**Чашка**» - столовая посуда на 150-300 мл.

Фёдоровская гончарная артель успешно работала на внешний рынок и выполняла заказы государственных предприятий. Так, например, ими были сделаны керамические **поилки для кроликов**, заказанные Зеленхозом.

Надо сказать, что наряду с типовым керамическим производством, известным всем, в Фёдоровке изготавливали уникальные (окаzionaliальные) предметы из глины: «**скворечник**» в виде горшка, глиняные **грузила** к рыболовной сети, глиняный **дымоход** и пр. Местные горшечники использовали и индивидуальную лексику для обозначения сосудов специального назначения. Например, Ольга Павловна Попкова, самые малые формы горшочков и кувшинчиков называет «**мастюшками**». Точно такие же сосуды в других семьях потомственных фёдоровских гончаров называют «**пикушками**», «**безымёнками**». Игрушечные «мастюшки» имели в горлышке диаметр не более 40 мм.

В старину в Фёдоровке помимо посуды делали «**колокольчики**», которые подвешивали на шею коров, которые могли отбиться от стада и в условиях леса их нелегко было найти. Близость леса сказалась на особом отношении к пастуху, который следил за скотом, чтобы тот не потерялся и не был «потрачен бирюком», т.е. съеден волком. Настоящий пастушеский кнут, состоящий из «цевья» (ручки), имеющего на конце кожаные тесемки – «махры», кольцо крепится ремнем к цевью, в кольцо вставляется «кнотовище» (ремень), кнотовище заканчивается «хлыстцом» (несколько узких ремешков сплетенных косичкой), найден нами в непосредственном употреблении.

Гончарное производство сделало Фёдоровку особенным селом, в котором многое устроено иначе, чем в ближайших сёлах. В

расположенном рядом с Фёдоровкой селе Кривополянье для взбивания масла используют деревянные маслобойки. В Фёдоровке для тех же целей используют специальные кувшины, чтобы «пахтать» масло, а в соседних селах и Бондарях – «бить», или «толкать». Т.о., устройство хозяйственного приспособления отражается в языковом выражении, в данном случае глаголе «пахтать».

«Пикушок» в том же Бондарском районе (например, в Комаровке в 3-х км. от Фёдоровке) называется «пикулёк». Необходимость такого горшка объясняется традицией, когда кашу на «цельном» молоке готовили только маленьким детям, тогда как всем основным – на снятом, разбавленном. В каждом доме в Фёдоровке имеются «квашни» («банки») – объемистые керамические сосуды для теста. В соседних сёлах тесто помещают в деревянные дёжки. Любопытно отметить, что Фёдоровка находится в окружении лесов, недостатка в дереве нет, но сосуды для теста делают из хрупкой керамики. Местные жители предпочитают их деревянным, т.к. они лучше сохраняют продукты, лучше, чище моются и потому не дают неприятного постороннего запаха. Керамическую банку можно «прокалить» в печи и тем самым продезинфицировать, чего не сделаешь с деревянной дёжкой. Отметим, что бондарная посуда полностью вытеснена посудой промышленного производства, а керамика ещё активно бытует. В иных селах нам не приходилось встречать керамические жаровни. В этих жаровнях обжаривали картошку. Использовались так же небольшие кофейники («Кзаки»), в которых хранили сливки.

Совсем недавно, а именно по свидетельству Петра Яковлевича Попкова, лет 25 назад, горшечники изготавливали предметы художественной керамики: копилки, украшенные петушками, зайчиками и т.д., детские свистки-птички и другие предметы. Жители вспоминают о ныне ушедших мастерах, чьи работы считались образцовыми, а именно семьи Карчагиных, Кажариновых, Ивановых, Морозовых, Попковых, Павловых, Гудковых, Докудовых. Экспонаты Бондарского музея села подтверждают сказанное.

Прекрасным мастером, умеющим делать бытовую керамику выставочного образца был *Григорий Сергеевич Иванов (1916-1976)*. Он владел всеми известными традициями гончарными формами, умел делать и терракотовую и чёрнолощёную. В последнем случае он обрабатывал еще сырую поверхность сосуда галькой («лошил»), а затем, после обжига сосуда при сильном задымлении, образовывалась поверхность черепка глубокого чёрного цвета с серебряными разводами. Наиболее известными фёдоровскими гончарами в середине прошлого века были также: *Пётр Лаврентьевич Харитонов, Пётр Яковлевич Попков,*

Николай Яковлевич Чиглов, Николай Васильевич Павлов, Ольга Павловна Попкова. С 2013 по 2017 годы постоянным учителем нового поколения керамистов, работающих в традиционной технике фёдоровских мастеров, стала Ольга Павловна Попкова (1936 г.р.) – потомственный фёдоровский гончар, талантливый народный мастер-педагог, обладательница хорошей памяти и рассказчица. От неё были записаны богатые и достоверные свидетельства по истории промысла и мастерах, его представляющих. За круг Ольга Павловна села в восемь лет, и это стало поводом радости её матери, которая, перекрестившись, сказала: «теперь будешь сама деньги зарабатывать». Гончарный круг отнимал у Ольги всё время и в школу она ходить перестала, случилось это в 1944 году, во время войны. Как свидетельствует Ольга Павловна, «гончарить» в Фёдоровке начинали с раннего возраста, но, хотя азы гончарного дела знали все, в мастера выходили единицы. В каждой семье хранились свои секреты мастерства.

Фёдоровская игрушка (мелкая лепная пластика). Ярко и убедительно уникальность «фёдоровской» традиции представлена игрушкой, имеющей тенденцию переходить в мелкую форму интерьерной лепной пластики. Сюжетика, образный состав, характерная выразительность стиля «фёдоровской игрушки» свидетельствуют о своеобразии художественного восприятия действительности, передаваемого пластическими формами, закодированными в локальной традиционной картине мира. Реалистичность, натуралистичность, фантастичность сказки и легенды запечатлены в фёдоровской игрушке, лучшие образцы которой потрясают глубиной и целостностью образа народной философии, её непредвзятостью, святой наивностью, а также импровизационностью, подсознательной проницательностью, точностью передачи характера изображаемого предмета.

Изготовление глиняной игрушки практически всегда было побочным продуктом гончарного промысла. Часто игрушка делалась для детей гончара, соседских детей. В таких случаях «лицо» игрушки, ее стиль, характерный для данного промысла, формировался стихийно: каждый мастер лепил что придумает и как придумает. Но иногда производство игрушки становилось смежным гончарному или даже отдельным промыслом. При таком условии уже формировался общий стиль; появлялись устойчивые сюжеты, возникала узнаваемая традиция.

Глиняной игрушкой в Фёдоровке занимались только мужчины. Женщины считали это баловством и тратой рабочего времени. Этот

момент сильно повлиял на внешний вид и стилистику игрушки. В игрушке отсутствует роспись, но есть декорирование глазурью, которая использовалась в производстве посуды. Многоперсонажные сюжеты лепились из одной основы, что очень упрощало процесс.

Основные сюжеты таковы: *лось, корова, конь, медведь, петух, собака. Встречаются львы, охотники, всадники, доярка с коровой, белки, орлы. Лось, конь, корова, собака, петух, лев* лепятся из заготовки в форме моркови, заостренный конец которой становится хвостом, направленным вниз. Примерно на середине всей заготовки идет сгиб под прямым углом (шея). Затем на шее вновь идет сгиб под прямым углом, формируется морда. Для создания образа нужного животного применяются наклепные элементы и защипы на заготовке. У *лося* на голове будет 5 отростков, у *коровы* 4 (2 уха, 2 рога), у *коня* 2 отростка и защип на задней стороне шеи (грива), у *собаки* 2 отростка. Образ *льва* формируется наклепом множества жгутиков вокруг шеи.

Делали *свистульки*: редко по эксклюзивному авторскому сюжету (в этом случае, как правило, свистулька была значительного размера), встречался и «товарняк», то есть недорогие фигурки для массового спроса.

Крупные свистульки изображали *кур, петухов, орлов, лебедей, уток, лосей, собак*, а товарняк был очень условным, часто трудно понять кого именно мастер хоть и условно пытался изобразить. Из декора на игрушках и свистульках встречается «процарапка» – по спине игрушки проходит линия, от которой в обе стороны расходятся небольшие отрезки. Условно этот орнамент получил название «древо жизни». Встречается он не только на игрушке, но и на посуде, часто в виде налепа.

Перечислить все образы фёдоровской игрушки не просто: каждая новая встреча даже с уже хорошо знакомым мастером открывает всё новые и новые игрушечные формы, известные местной традиции, подтверждая пословицу – «У нашего молодца нет игрушкам конца».

У «фёдоровской» игрушки есть ряд отличительных характеристик, делающих её уникальным явлением народной культуры и брендовым фольклорным образом Тамбовщины.

Игрушка сохраняет естественный тон керамического изделия. Мастера предпочитают естественные самодостаточные терракотовые оттенки черепка, не затемнённые яркостью внешней раскраски, отсутствие которой позволяет лепному образу являть смыслы, присущие ему самому. Нередко поверхность игрушки, или её часть, глазуруется, но прозрачная свинцовая глазурь только подчёркивает естественный цвет черепка. Декоративные приёмы полны

аскетической выразительности: процарапанные острым предметом фактурные штрихи, как правило, изображают «древо жизни», «ёлочку». Мощный импульс развития местной техники декорирования поверхности керамического предмета даёт «налеп» - приём нанесения «ленточного» рисунка, либо декоративного скульптурного элемента. Наблюдение использования техники «налепа» в работах выдающегося фёдоровского мастера Г.С. Иванова дало возможность исследователю Е.С. Каллас предположить, что изготовление глиняной игрушки на продажу в Фёдоровке было стимулировано успехом использования скульптурных фигур в декоре интерьерной керамики – копилки, кафельницы, вазы. В качестве примера Е.С. Каллас указывает на работу Г.С. Иванова «копилка с орлом, терзающим зайца».

Сюжетно-образный состав «фёдоровской игрушки» отражает особенности местного природного и культурного ландшафта. Богато населённая фауна лесной части тамбовского ареала, в котором существует Фёдоровка, дала образ охотника, вокруг которого послушно выстроились системы характеров мира животных. Закрытый бездорожьем мир тамбовской деревни предстал в пластике, приуроченной к трудовому и празднично-обрядовым циклам местной традиции.

Основными видами «фёдоровской игрушки» являются: свисток-окарина, фигурка (животного, птицы), интерьерная игрушка (сюжетная композиция).

Основные образы и сюжеты «фёдоровской игрушки»: - фантастические существа: дракон, дикие животные: заяц, лось, медведь, волк, лиса, домашние животные: корова, конь, собака, кошка, коза, птицы, дикие и домашние: журавль, жаворонок, петух, курица, утка, певчая птичка; жанровые сцены народной жизни: «Гончар за работой», «Доярка с коровой» и пр.

Изготовление игрушки на продажу исключительно мужчинами – это особенность фёдоровского промысла. По музейным экспонатам, датированным второй половиной – концом XIX века, известно, что фёдоровские глиняные игрушки изготавливались разными мастерами и что промысел носил массовый характер. Однако, поскольку в имперский период промысел не был описан, дать информацию о конкретных мастерах не представляется возможным. Индивидуальный творческий почерк фёдоровских мастеров доступен описанию со второй половины XX века, когда в Фёдоровке лучшими мастерами,

делающими игрушку, были: Григорий Сергеевич Иванов, Петр Яковлевич Попков⁹⁴, Николай Васильевич Павлов.

В середине XX века самыми знаменитыми фёдоровскими мастерами были - Иванов Г.С и Попков П.Я. Оба потомственные мастера, делали гончарные изделия, украшенные налечами, игрушки.

Григорий Сергеевич Иванов – легендарный мастер, о гончарных и лепных работах которого во время экспедиционных опросов фёдоровцы вспоминают прежде других. Творчество этого мастера отличается богатством репертуара, смысловой ёмкостью создаваемого лепного образа, разнообразием приёмов лепки, изобретательностью, свободой творческого воображения, стилистическим разнообразием выразительных средств. Лучшие работы этого мастера находятся на уровне произведений декоративно-прикладного творчества. Созданные этим мастером игрушечные медведи, зайцы, коровы и пр., помимо знания натуры и владения техникой лепки, показывают выдающийся талант аниматора, умение явить в немом куске глины рассказ о фрагменте значимого для человечества бытия. К числу таковых относятся сохранившиеся до нас фигурки вставшего на дыбы ревущего *медведя*, задумчиво послушной кормилицы-*коровы*. Одной из лучших работ мастера является свистулька-окарина «*Заяц*», поражающая совершенством плавных линий и выразительной полнотой звучания. Высоким качеством звука отличаются и другие свистульки-окарины этого мастера: «*Кошка*», «*Птичка*». Примечательны копилки Григория Сергеевича: тулово украшалось налечами, а на тулове, сверху, располагалась игрушка. Помимо типичных сюжетов *всадника, собачки, медведя* и т.п. есть копилки с фигурками *Георгия Победоносца поражающего змея, Орла, терзающего зайца*.

В технике лепки Г.С. Иванов дошёл до уровня, который не был превзойдён ни в среде аутентичных фёдоровских мастеров, ни в среде керамистов-профессионалов, сохраняющих традицию в перенятой от носителей форме. Пластика Иванова со временем стала более скульптурной, подобная той, что мы наблюдаем в фарфоровых статуэтках. Именно Григорий Сергеевич является автором сюжетных лепных композиций, изображающих эмблематичные жанровые сцены из рабочего и празднично-обрядового циклов жизни села Фёдоровка. К числу таковых относятся его работы «Доярка с коровой» и «Гончар за работой». В первой с подлинным народным юмором и православным мироощущением рифмуются образы женщины и коровы; в исполнении Иванова это два символа жизни, бескорыстного и жертвенного

---

⁹⁴ Ныне проживает в с. Нашёкино в семье сына – Н.П. Попкова.

служения ближним. Во второй передан сложнейший космогонический смысл творения, переданный срастанием тела мастера с гончарным кругом. Округлые формы рук, ног, корпуса гончара, презревающие анатомические законы, позволяют основному персонажу скульптурного изображения как бы заключить в себя, обнять гончарный круг, подобно тому, как в народной вышивке основная фигура «макоши» заключает в себя миниатюрный повтор того же изображения. Подобно космическим орбитам вращается рукой мастера гончарный круг, творя вечность... В 1978 году за игрушку «Гончар за работой» Иванов получил первое место на Всесоюзной выставке в ВДНХ и был удостоен званий лауреата и народного мастера. Специальный очерк мастеру Г.С. Иванову посвятила исследователь Е.Н. Ладыгина.

Пётр Яковлевич Иванов и Николай Васильевич Павлов. Условность образа, это, конечно, не авторская идея Г.С. Иванова, это исконное свойство народного искусства, которое мы обнаруживаем у всех фёдоровских мастеров. Такова, например, игрушка Петра Яковлевича Попкова «Лось». Фантастичность образа лося достигается условным изображением тела животного: гипертрофированные рога и голова и усечённые условные конечности. В результате фигурка лося остаётся узнаваемой и максимально приспособленной к технической функции свистульки-окарины, хотя игрушка музыкальным инструментом не является.

Попков Петр Яковлевич работал в соответствии с преемственной традицией: его игрушка более крупная, брутальная, лишённая избыточных элементов. Отдельного внимания заслуживают его «парочки». Это пепельницы, которые он делал в большом количестве и украшал их фигурками мужчин (часто это - охотник) и женщины (часто это хозяйшка). Встречаются варианты с двумя лосями, между которыми ходит петух; между лосями также могли помещаться - гармонисты, охотники и собаки.

Традиционные и авторские черты обнаруживаются и у других игрушек Петра Яковлевича Попкова и Николая Васильевича Павлова: дракон, волк, лиса, заяц, собака, кошка, конь, коза, птицы – дикие и домашние. Излюбленным сюжетом игрушки П.Я. Попкова являются птицы: петух, курица, утка, жаворонок и пр. Чаше других Пётр Яковлевич не только сохранял традиционную птичью форму, но функцию свистульки-окарины. Части игрушечной фигурки вылепливались, в основном, из одного кома, некоторые прикреплялись отдельно. Основным украшением игрушки являлось орнаментальное

древо жизни, процарапанное острым окончанием. Окончательно выделанная форма покрывалась прозрачной глазурью.

Вклад П.Я. Попкова в сохранение и развитие народной культуры был не раз отмечен правительственными наградами, а его работы хранятся в различных музеях и частных собраниях страны. В целом же, работы фёдоровских мастеров постоянно и с успехом экспонируются на выставках самых разных уровней.

Общие характеристики фёдоровского гончарного промысла. Из всех, известных на территории Тамбовской губернии гончарных промыслов, «фёдоровские» являются наиболее оригинальными, локально преемственными, развитыми и устойчивыми. В живом аутентичном бытовании промысел сохранялся как самостоятельная народная инициатива до 90-х годов XX века. Согласно статистическим данным конца XIX - начала XX веков он был самым массовым в губернии: «гончарило» подавляющее большинство взрослого населения Фёдоровки.

Длительная сохранность промысла дала возможность сохранить его в живом бытовании силами энтузиастов-исследователей и практикующих керамистов Тамбовской области.

Фёдоровская керамика – уникальный феномен народного творчества, оригинальный образец локального варианта традиционного гончарного промысла. Фёдоровскую керамику отличают самобытность стиля, читаемая в гончарной и лепной технике, в способах декорирования.

История изучения, возрождения и продвижения фёдоровской керамики как регионального бренда. Фёдоровская керамика - это уникальный тамбовский промысел, аналогов которому нет. Уникальны не только технологии, которые использовались фёдоровскими мастерами, но и то, что до наших дней еще живы люди, которые могут рассказать, а некоторые и показать приёмы работы за кругом, лепки, декора. Во многих регионах нашей страны подобные промыслы угасли уже в начале XX века, и продолжением традиций занялись профессиональные художники, неизбежно меняя технологии, внешний вид игрушек. Нам же повезло, что промысел был очень массовым и сохранился практически до нашего времени.

Хотя системного описания промысла в XIX веке и в более раннее время не было сделано, упоминание о фёдоровских гончарных промыслах имеется в статистических сборниках тамбовского земства⁹⁵, а также в специальной статье «Тамбовских губернских ведомостей» за

---

⁹⁵ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. - Тамбов, 1900. 611 с.

1853 год⁹⁶. Статистические сведения и характер общественно-государственной практики в отношении народных промыслов представлены в деятельности земских учреждений, а также меценатов и попечителей о развитии народного искусства отражен в документах отчетности за последнюю четверть XIX века – начало XX века⁹⁷. В этом плане определённая заслуга принадлежит земским организациям, по инициативе которых публикуются сведения отдельными изданиями⁹⁸. Несмотря на трагические события октябрьского переворота 1917 года и последовавшей гражданской войной, промыслы продолжают существовать и в первой четверти XX века, что также отражают статистические сборники⁹⁹. Продолжают устраиваться выставки декоративно-прикладного творчества, в том числе и гончарного промысла¹⁰⁰.

Уже в XIX веке, как считает искусствовед Александр Наумович Фрумкин, тамбовские глиняные игрушки отличались от орловских, курских, рязанских, калужских – «чисто крестьянских по содержанию и художественному облику». Тем не менее стилистически близкой фёдоровской Фрумкин считал традицию тульскую, известную по гончарным изделиям села Большие Гончары Курской губернии. «По сюжетам они (игрушки – Л.Е.) больше всего напоминают Троице-Сергиевские (Загорск) и тульские, которые лепили в Больших Гончарах (пригород Тулы). Эти игрушки несли на себе печать быта и вкусов жителей городов, ДАЛЕКО не провинциальных»¹⁰¹.

Архаичная фёдоровская керамика отличается совершенством формы и отсутствием росписи. Образцы игрушек, покрытых жёлто-зелёной поливой появились позже, а использование анилиновых красок¹⁰² относится уже к новейшим временам. А. Фрумкин прозорливо отмечал, что тенденция вольного вмешательства в

---

⁹⁶ Афанасьев З., Соколов А. Игрушка – это праздник // Тамбовская правда. 1981. № 176 (29 июля). С. 4.

⁹⁷ ГАТО. Ф. 152. Оп.1. Д. 279, 166.

⁹⁸ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии в 24. Т. 3. Моршанский уезд. Тамбов, 1882. 519 с.

⁹⁹ Поуездные итоги Всероссийской Сельско-Хозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Труды Центрального Статистического Управления. Т. 5. Вып.2. М., 1923. 218 с.

¹⁰⁰ Лукьянов А.Ю. Козловская уездная выставка // Тамбовская правда. 1923. 25 июля. С. 6.

¹⁰¹ Афанасьев З., Соколов А. Игрушка – это праздник // Тамбовская правда. 1981. № 176 (29 июля). С. 4.

¹⁰² Автор высказался многозначно. Поясним: анилиновыми красками фёдоровскую керамику никогда не красили (!). Анилиновыми красками расписывали только филимоновскую игрушку

древнюю традицию червато искажением и, в конце концов потерей исконного облика местного варианта народной глиняной игрушки (это не о федоровской). «Многие искусствоведы и художники, - писал А. Фрумкин, - ратуют сегодня за свободное развитие творчества на промыслах. Но осуществить это можно лишь на основе развивающихся промыслов с крепкой непрерываемой традицией. Если же мы хотим после большого перерыва в новых социальных условиях возродить старые формы народного искусства, то должны уберечь мастеров от неизбежной самодеятельности. Правда, таким образом искусство превращается в производство сувениров, но с этим приходится мириться, так как живое народное творчество может развиваться только в естественных условиях, удовлетворяя вкусы своей среды»¹⁰³.

Заметный вклад в изучение фёдоровской керамики экспедиционно-поисковыми и музеологическими методами внесла инициатор создания кабинета тамбовских народных ремёсел, сотрудник ТОГБУК «НМЦ НТ и Д» Е.Н. Ладыгина, посвятившая фёдоровским мастерам ряд работ¹⁰⁴. Елена Николаевна обратила внимание на фёдоровскую керамику как самобытное явление тамбовской народной традиции, на характерное мужское начало в производстве фёдоровской игрушки. Она непосредственно общалась со старейшими легендарными фёдоровскими гончарами и оставила свидетельства об их жизни и творчестве. К числу таких мастеров относится Григорий Сергеевич Иванов.

О нём Е.Н. Ладыгина писала в очерке, посвященном участию мастера в районных, областных и всероссийских выставках. В частности, Елена Николаевна засвидетельствовала факт получения Г.С. Ивановым звания лауреата на всероссийских выставках в 1973 и 1977 году. В 90-е годы XX века интерес к угасающему промыслу проявили И.И. Алпацкий, Е.И. Григорьева, В.Д. Орлова, А.П. Федотова, И.А. Колобова¹⁰⁵. Благодаря обобщению источников, выполненных названными авторами, мы знаем, что еще в XIX веке продукция фёдоровских гончаров вывозилась в Тамбовский, Моршанский, Козловский и Кирсановский уезды Тамбовской губернии. Объем вывоза гончарной продукции в XX веке сократился, однако уровень ремесла поддерживался, о чём свидетельствует

---

¹⁰³ Афанасьев З., Соколов А. Игрушка – это праздник // Тамбовская правда. 1981. № 176 (29 июля). С. 4.

¹⁰⁴ Ладыгина Е.Н. Песня, которая никогда не умрет: буклет. Тамбов, 1985. 16 с.

¹⁰⁵ Алпацкий И.И., Григорьева Е.И. История художественных промыслов Тамбовского края / Алпацкий И. И., Григорьева Е. И. Тамбов, 1992. 46 с.

активное участие фёдоровских мастеров в экспозиционно-выставочных программах, в частности, в 70-х годах фёдоровскую керамику экспонировали на выставках ВДНХ, что способствовало общему интересу к ней исследователей и коллекционеров.

Верность потомственной традиции и общественное признание помогали фёдоровским гончарам поддерживать промысел. Во второй половине XX века заметно расширился ассортимент, появились новые сюжеты в декоре изделий. Мастера успевали производить и продавать изделия в Московской и Ленинградской областях, не была утрачена популярность и в Тамбовской области. Охотно покупали фёдоровскую посуду и игрушки во время выставок. Промысел жил, несмотря на то, что на производство и сбыт оставались выходные и праздники – в будничные дни надо было трудиться в колхозе. Однако, в 90-е годы, когда рухнула система культурно-просветительной работы, когда экономический хаос подорвал устоявшийся быт, производить глиняную посуду и игрушку стало невыгодно. Отток молодёжи из села, нарушение культурной преемственности нанесли старинному ремеслу решающий удар.

Преемственность традиции удалось поддержать, благодаря благородству и энтузиазму исследователей-практиков, для которых было важно не только изучить и представить в выставочных проектах фёдоровскую керамику, но открыть и поддержать секреты местного гончарного ремесла. Новую энергию в процесс возрождения промысла внесла Е.С. Каллас, которой принадлежит первое системное специальное описание фёдоровского гончарного промысла, включая его технологию, инвентарь, номенклатуру, стилистику формования и декорирования¹⁰⁶. Вскоре у Е.С. Каллас появились единомышленники, разделявшие установку на тщательное изучение промысла с целью его практического возрождения. Такими единомышленниками стали Е.С. Кудрова и Д.В. Чулюкин, для которого Кудрова и Каллас являются учителями. Молодые хранители традиции с 2013 года регулярно выезжали в Фёдоровку, по одному и группой, чтобы посидеть рядом с потомственными гончарами за кружалом, перенять с рук мастерство, показать сделанные сосуды и игрушки, чтобы получить экспертную оценку носителей традиции. Опыт, полученный в ходе многолетней практики изучения и освоения мастерства фёдоровских гончаров, Е.С. Кудрова и Д.В. Чулюкин успешно

---

¹⁰⁶ Каллас Е. С. Вторая жизнь фёдоровской керамики // X Поленовские чтения. Художественное творчество как феномен духовной культуры общества / материалы Международной научно-практической конференции-форума посвящены 175-летию В.Д. Поленова и юбилею Поленовского форума, март 2019. Тамбов, 2019. 315 с.

используют для продвижения тамбовского народного бренда на фестивальных, ярмарочных и выставочных площадках областного, межрегионального и всероссийского уровня. Елена Семёновна Кудрова прикладывает усилия, чтобы изучить и возродить не только фёдоровский промысел, но также инжавинский и борисоглебский (сёла Поляна и Русаново).

Первая четверть XXI века обнаружила интерес к промыслам со стороны учёных в целом, которые нашли новые источники и новые подходы к осмыслению традиционного народного мастерства¹⁰⁷. Исследователи и практики, непосредственно наблюдавшие фёдоровский промысел, единодушны в выводе о том, что фёдоровская керамика – это самобытный, оригинальный, развитый, богатый традиционный тамбовский промысел, который отнюдь не теряется на фоне более изученных и продвинутых ремесленных брендов. Таких, например, как калужский, курский, белгородский, воронежский, рязанский, тульский, архангельский...

Общие усилия исследователей и практиков позволили не только дать сравнительно полное описание истории, технологии промысла, но также дали импульс процессу возрождения старинного гончарного производства в с. Фёдоровка.

Экспедиционные исследования в Фёдоровке. В 1996 – 1998 годах история и традиционная культура старинных сёл Моршанского, Пичаевского, Бондарского районов изучались в ходе совместных студенческих полевых практик музейного отделения ТГУ им. Г.Р. Державина (руководитель – Л.Ю. Евтихиева) и кафедры антропологии СПбГУ (руководитель В.С. Бузин). Собранные материалы были использованы для написания курсовых и дипломных исследований, а также докладов на периодическую научно-практическую конференцию «Православная история и традиционная культура» (Вып.1 – 4. 2000 – 2009). По материалам экспедиции была подготовлена конкурсная работа «Этнолингвистический очерк промыслового села Фёдоровка» Я.П. Евтихиева, который стал лауреатом премии имени И.И. Дубасова в рамках городского конкурса научно-исследовательских работ школьников, а также лауреатом Всероссийского краеведческого конкурса.

В рамках грантового проекта совместно с Тамбовским обществом любителей краеведения, московским музеем «ТрадАрт», Жердевской школой искусств, Бондарским краеведческим музеем и Тамбовским областным краеведческим музеем было осуществлено более

---

¹⁰⁷ Федорова З.С. История художественной керамики: учебное пособие / З. С. Федорова, Р. Р. Мусина. М., 2010. 360 с.

30 поездок на место бытования промысла. Собран богатый этнографический и экспонатурный материал, часть которого представлена в экспозиции выставки

С 2011 по 2021 постоянные экспедиционные выезды в Фёдоровку осуществляют Екатерина Станиславовна Каллас – член РОО «ТОЛК», Елена Семёновна Кудрова и Данила Васильевич Чулюкин. Исследователям удалось полностью освоить весь цикл работ по заготовке материалов и изготовлению керамических изделий в соответствии с аутентичной традицией. Накоплен значительный предметный, а также фото-, -видео-, - аудио материал. Детально освоен процесс изготовления известных исследователям предметов традиционного фёдоровского промысла.

С 2013 года экспедиционные исследования осуществляются с учетом плана обучения в тамбовской детской художественной школе №2 прикладного декоративного искусства имени В. Д. Поленова (отделение керамики), а также плана МБОУДО «Жердевская детская школа искусств». Е.С. Каллас, Д.В. Чулюкин, Е.С. Кудрова как преподаватели основ гончарного ремесла привлекают к благородному делу возрождения народных традиций новые поколения гончаров. Воспитанники художественных школ, благодаря коллекциям, собранным педагогами, получают доступ к непосредственному контактному восприятию образцов народного искусства. Действенной формой приобщения к традиции является форма выездных мастер-классов, когда керамисты перенимают навык с рук настоящего потомственного мастера. Выездные мастер-классы проводились в 2014 году в с. Нашёкино, где в семье сына сейчас живёт старейший фёдоровский гончар – Петр Яковлевич Попков. Настоящей аутентичной школой мастерства стали встречи с потомственным мастером Ольгой Павловной Попковой, с которой молодые керамисты встречались регулярно с 2013 по 2015 годы. Важной частью профессиональной работы является изучение фёдоровской керамики по музейным фондам Моршанского историко-художественного музея, Тамбовского областного краеведческого музея, Историко-краеведческого музея Бондарского района» и др. Усердная добросовестная работа имеет положительные результаты: преподаватели и учащиеся успешно участвуют в городских, областных, региональных и межрегиональных выставках, представляют Тамбовскую область в других регионах (Липецк, Воронеж, Москва). Точно перенятое из рук фёдоровских гончаров мастерство всегда производит должное впечатление и оценивается дипломами победителей и лауреатов.

Попробовать свои силы в лепке и декоре фёдоровской игрушки можно в часто проводимых мастер-классах. Один из них прошел весной 2017 года в рамках Благотворительной межрегиональной выставки «Весна на Покровке. Райский сад» в Народной галерее на Покровке ГРДНТ им. В.Д. Поленова. В творческий процесс помогала погрузиться опытная тамбовская мастерица Елена Кудрова. Готовые игрушки передали в подарок детям с редкими генетическими заболеваниями.

Музейно-выставочные коллекции и проекты. Предметы фёдоровской керамики хранятся во многих частных собраниях и музеях страны. Наиболее древние образцы, датированные серединой XIX века, хранятся в Русском музее (Санкт-Петербург), есть фёдоровская керамика и в других музеях: Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (Москва), в фондах Государственного Российского Дома Народного Творчества (Москва), в интерактивном музее «Забавушка» (Москва). Имеются сведения, что когда-то образцы фёдоровской игрушки XIX – начала XX века хранились в художественно-педагогическом музее игрушки им. Н.Д. Бартрам Сергиево-Посадского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Высшая школа народных искусств» (академия)¹⁰⁸. Хорошей коллекцией фёдоровской керамики располагает Липецкий музей народного декоративно-прикладного искусства, с которым инициативная тамбовская группа успешно сотрудничает.

Работы старинных потомственных фёдоровских гончаров есть в коллекциях музеев Тамбов и области: Моршанский историко-художественный музей, Тамбовская областная картинная галерея, Тамбовский областной краеведческий музей. В последние несколько десятилетий активной собирательской и экспозиционной деятельностью занимается «Историко-краеведческий музей Бондарского района», в котором хранятся уникальные экспонаты, связанные с промысловым селом Фёдоровка. Коллекция керамики этого музей была собрана основателем, первым директором музея - Владимиром Михайловичем Паршиковым, а также его преемницами: Юлией Алексеевной Срасенковой и Ольгой Юрьевной Поповой, которая хранит историю Фёдоровки с 1996 года. В сельском музее есть уникальные экспонаты, а также выразительные творения мастеров – Гудковых, Докудовых, Ивановых, Кажариновых, Карчагиных, Морозовых, Павловых, Попковых, Харитоновых, Чигловых. Работы некоторых мастеров

---

¹⁰⁸ Бартрам Н.Д. От игрушки к детскому театру. Л., 1925. 104 с.

хранятся в нескольких музейных фондах, например, изделия работы Николая Васильевича Павлова хранятся в Моршанском историко-художественном и Тамбовском краеведческом музеях, а также в фондах Всероссийского музея народного и декоративно-прикладного искусства в Москве.

Сравнительно малая популярность фёдоровского промысла в среде российских коллекционеров объясняется труднодоступность деревни, расположенной в правобережье Кёрши, изрезанному оврагами; даже в хорошую погоду до селения добраться нелегко: туда нет автобусных или каких-либо других официальных средств передвижения. Коллекционеры стали появляться в Фёдоровке в 1970-1980-е годы. Д.В. Чулюкин считает, что именно это помогло промыслу сохраниться в архаичном виде: мастера не приспособивались к жестким условиям и вкусам заказчика, но творили в соответствии с собственным знанием предмета. Тем не менее, многие великолепные образцы фёдоровской керамики находятся в частных руках.

В середине XX века фёдоровская керамика привлекала внимание исследователя и коллекционера Л.А. Динцесс, который упоминает тамбовский (инжавинский) промысел в своём труде «Русская глиняная игрушка, происхождение, путь исторического развития»¹⁰⁹. Здесь побывали такие известные коллекционеры, как Т.Г. Брыжик, В.А. Быков, собравший образцы керамики народов мира, глубоко изучивший гончарные традиции народов России, экспозиционер, организатор Музея традиционного искусства народов мира – «ГРАДАРТ» (Москва). О фёдоровской керамике говорится в исследовании мордовского этнографа и педагога В.И. Колмыкова¹¹⁰.

Среди тамбовских владельцев коллекций фёдоровской керамики назовём: художника Ю.В. Домарева, художница Н.С. Балагурова, председатель РОО «ТОЛК» М.И. Семёнов, Е. К. Егорова, а также молодые собиратели – Е.С. Каллас, Е.С. Кудрова, Д.В. Чулюкин.

О развитости и художественной ценности промысла свидетельствуют музейные фонды, в которые изделия фёдоровских гончаров попали еще в середине XIX века, что стало известно в результате специальных исследований, которые появились, когда

---

¹⁰⁹ Динцесс Л.А. Русская глиняная игрушка, происхождение, путь исторического развития / Труды института антропологии, этнографии и археологии. М.-Л., 1936. 103 с.

¹¹⁰ Колмыков В.И. Высокий огонь: русские гончары-игрушечники Республики Мордовия, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Ульяновской областей. Национальные мастера глиняной игрушки Чувашской Республики – России. Рузаевка, 2012. 352 с.

фёдоровская игрушка стала предметом собирательства, коллекционирования. Искусствовед З. Афанасьев и этнограф А. Соколов находили образцы фёдоровской керамики в фондах и экспозициях Тамбовского краеведческого музея, Тамбовской картинной галереи, Липецкого краеведческого музея, Загорского краеведческого музея в Подмоскovie (Музей игрушки), Русского музея в Москве, Русского этнографического музея (РЭМ). При этом отмечалось, что в красочном разнообразии региональных традиций глиняной игрушки работа тамбовских мастеров не теряется: «... на фоне различных региональных «школ» отчётливо различимы благодаря своей скульптурной «монументальности». Особо поражала выразительность тамбовских «всадников», датируемых концом XIX века: «...размеры их невелики, пропорции гармоничны. В них нет приземлённости, грубоватой сюжетности, свойственных игрушкам других губерний. Силуэты глиняных фигурок образуют мягкие округлые линии, ничто не нарушает пластичной законченности и полноты их формы.

Хорошим инструментом продвижения гончарной традиции является музейно-выставочная работа. Выставка фёдоровской керамики с организацией аутентичных мастер-классов проводилась совместно с Липецким музеем народного и декоративно-прикладного искусства.

Активная музейно-выставочная работа проводится в рамках грантовых проектов ТОЛК совместно с Тамбовской Областной Картинной Галереей, Тамбовским Областным Краеведческим Музеем, Московским Музеем Традиционного Искусства Народов Мира, Бондарским историко-краеведческим музеем, Музейно-выставочным комплексом ТГУ им. Г.Р. Державина, МБОУ ДО «Детская художественная школа №2 прикладного и декоративного искусства имени В.Д. Поленова», а также коллекционерами М. И. Семеновым, Е. К. Егоровой.

В 2019-2020 году успешно прошла совместная с Управлением образования и науки Тамбовской области и ТОГБОУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества» - Региональный модельный центр дополнительного образования детей прошла программа «Духовные скрепы», в рамках которой фёдоровская керамика была представлена как народный бренд тамбовского края. Выставка фёдоровской керамики успешно действует в клубе-музее «Бренды Тамбовщины». На выставке представлены изделия мастеров промысла, предметы народного быта, традиционная и археологическая керамика, работы современных керамистов, фотографии В. П. Подсевако и А. П. Самошкина, живопись Е. А. Ланиной, Т. А. Пискуновой, А. П. Самошкина.

Выставка фёдоровской керамики при клубе-музее «Бренды Тамбовщины» организована совместно с ТОГБУК «Научно-методический центр народного творчества и досуга» с целью регистрации в региональном и федеральном каталоге объектов нематериального культурного наследия – «Фёдоровская керамика. Бытовая посуда», «Фёдоровская игрушка».

Мероприятия по продвижению объектов «Фёдоровская керамика. Бытовая посуда», «Фёдоровская игрушка. О художественной значимости произведений фёдоровских мастеров говорят их высокие награды за вклад в развитие народного искусства, медали ВДНХ СССР, звания лауреата всесоюзных выставок, звания «народный мастер»¹¹¹. Созданная ими гончарная традиция открывает богатые возможности перед этнопедагогикой, музейной педагогикой, самой широкой практикой дополнительного образования детей и юношества. Неисчерпаемый ресурс фёдоровская керамика даёт для социально-культурной деятельности и изготовления сувенирной продукции.

Многие шаги на пути продвижения этого красивого регионального фольклорного бренда уже сделаны. Ежегодно в июле в селе Бондари проходит торгово-ремесленная ярмарка «Бондарская карусель». Бондарский район, в границах которого располагается село Фёдоровка, более других богат промысловыми традициями: ручное ткачество, древоделие, вышивка ... На этом красочном поле народных ремёсел гончарный промысел села Фёдоровка является смыслообразующим центром. На подворье фёдоровских гончаров всегда толпятся зрители. Это прекрасный шанс познакомить гостей ярмарки с древним ремеслом горшечника. Постоянным участником главного праздника бондарских ремесленников является Д.В. Чулюкин. В последние пять лет Данила Васильевич участвует в фестивальных, ярмарочных, музейно-выставочных проектах, даёт мастер-классы, которые отмечены вниманием СМИ¹¹².

Знаменательным событием на ярмарке в 2018 года стало открытие парковой скульптуры «Фёдоровская игрушка», сотворенной в

---

¹¹¹ Евтихийев Ярослав. Фёдоровская игрушка – подлинный объект культурного наследия Тамбовщины. URL: <http://www.tambovcentr.ru/joomla/index.php/1353-fjodorovskaya-igrushka-prazdnik-starinnoj-remeslennoj-traditsii> (дата просмотра 24.12.2020).

¹¹² Мещерская А. История идёт по кругу : победитель «Дельфийских игр» рассказал о секретах фёдоровской керамики URL: <http://tmbtk.ru/news/reporter/21361/> (дата просмотра 24.12.2020).

стилистике народной традиции заслуженным скульптором России Михаилом Салычевым и Натальей Цыциной. Скульптура «Фёдоровская игрушка» - это дань уважения замечательным народным мастерам-керамистам, которыми издавна славилось село Фёдоровка Бондарского района. Обращение к региональным культурным символам, одним из которых является фёдоровская игрушка, для скульптора Салычева также не первое. Именно ему принадлежит галерея образов «тамбовского волка», созданных из дерева и керамической массы. Новый образ-символ Тамбовщины «Фёдоровская игрушка», безусловно, получил в лице супругов Салычевых вдохновенных поэтов, воспевавших талант и мудрость народных умельцев.

Как всякий успех, скульптура «Фёдоровская игрушка» - это итог многолетнего глубокого изучения истории местного гончарного промысла. Во время работы Михаил Салычев и Наталья Цыцина тесно общались с керамистом Катериной Каллас, которая много лет посвятила изучению традиции и возрождению самого промысла. Именно Катерине удалось найти игрушечную фигурку фёдоровского мастера, сидящего за гончарным кругом. Автор этого изображения — легендарный фёдоровский керамист Григорий Сергеевич Иванов, работы которого украшали областные и всероссийские выставки в 60-х — 70-х годах XX века. Этот подлинный шедевр народного творчества и стал основным образом для создания парковой скульптуры «Фёдоровская игрушка».

Интерес, который вызывает фёдоровская керамика свидетельствует о необходимости продолжения работы по возрождению её традиций, их популяризации и использования в широкой практике воспитания творческого человека.

Список информаторов:

*с. Фёдоровка*¹¹³:

Денисов Н.К., 1930 г.р.

Докудовская Н.А., 1922 г.р.

Иванова А.Г., 1911 г.р.

Морозов А.П., 1921 г.р.

Морозова З.П., 1920 г.р.

Попков Г.Ф., 1926 г.р.

Попков П. Я., 1934 г.р.

Попкова О.П., 1936 г.р.

Стройкова М.Г., 1921 г.р.

---

¹¹³ В список информаторов включены имена людей, опрошенных во время полевой студенческой практики 1996-1998 годов.

с. Кривополянье:

Верещагина Т.Г., 1905 г.р.

Новокрещенов В.И., 1956 г.р.

Новокрещенова З.А., 1962 г.р.

Садохина А.И., 1932 г.р.

Свирин Н.М., 1930 г.р.

Свирина М.С., 1937 г.р.

Селянская Е.Н., 1916 г.р.

Селянская (Полякова) М.Д., 1940 г.р.

Селянская Прасковья Семеновна, 1926 г.р.,

с. Пахотный Угол:

Кобзева Анна Александровна, 1935 г.р.

с. Вердеревщина.

Кошелева (Ситина) Раиса Захаровна, 1932 г.р.

Оводкова Людмила Алексеевна, 1937 г.р.,

Фотоматериалы

Горшок. 25x27

*Фаза (ваза) с налёпом
«Всадник». 29x22*

Махотка (крынка). 29x15

Кувшин. 34x19

Котилка «Орёл и заяц». 15x7

Кувшин. 25x13

Кувшин. 37x20

Корчага. 38x42.

*Фаза (ваза) с налёпом
«Ветки». 25x24*

*Фаза (ваза) с налёпом
«Всадник». 29x22*

*Фаза (ваза) с налёпом
«рыбка». 21x16*

Кувшин. 34x19

Тамбовский волк

«Тамбовский волк» - фразеологизм, региональная форма этнокультурной идентификации, глубоко укоренённая в региональный вариант традиционной народной культуры. Имеются варианты бытования фразеологического сочетания: «тамбовский волк», «танбовский волк», «тамбовские волки», «тамбовский волчара», «тамбовские бирюки», «тамбовский волк тебе товарищ», «тамбовский волк – тебе товарищ», «товарищ тамбовского волка» и пр.

Фразеологизм широко распространен на территории Тамбовской области и всей Российской Федерации. Охватывает все районы Тамбовской области, без исключения, все населенные пункты, без исключения. Наиболее сохранными локусами мотивационной базы фразеологизма являются лесные и лесостепные зоны в пойме рек Цна, Лесной Воронеж, Польной Воронеж, Ворона. Актуализируется артефактами регионального варианта традиционной народной культуры. Наиболее богата мотивационная характеристика фразеологизма представлена в Моршанском, Сосновском, Бондарском, Тамбовском, Мичуринском, Инжавинском, Гавриловском, Жердевском, Уваровском районах Тамбовской области.

Фразеологизм «Тамбовский волк», согласно рубрике Форм объектов нематериального наследия по классификации ЮНЕСКО, является частью «Устной традиции и формы выражения – Пословица». В живом бытовании он может иметь корреляты в форме вариативных фразеологических единиц, поговорок, пословиц, сказок, заговоров, произведений музыкального фольклора, артефактов традиционной материальной культуры Тамбовщины, поведенческих стереотипов и пр.¹¹⁴

Христианизация тамбовской мордвы и татар, строительство белгородской засечной черты, участие тамбовских крестьян в антиправительственных выступлениях: крестьянские восстания под предводительством Степана Разина (1670 – 1671, Емельяна Пугачева (1773-1775), Александра Степановича Антонова (1918-1922); сохранность воинских традиций на Тамбовщине в новейший период истории – эти, а также другие события и процессы читаются в истории фразеологизма «тамбовский волк».

Волк как представитель тамбовской фауны. Среди 424 видов позвоночных Тамбовской области, по данным ученых ТГУ им. Г.Р. Державина, Мичуринского Государственного педагогического

---

¹¹⁴ Описание объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации научно-методическое пособие / сост. Д.В. Морозов и др. М., 2016. 151 с.

института, Государственного природного заповедника «Воронинский» и Воронежского биосферного Государственного Заповедника, волк занимает особое место, являясь в настоящее время самым крупным хищником. Относится к отряду хищных (Carnivora), семейству псовых (Canidae). Волк (*Canis lupus Linnaeus*) имеет статус редкого животного, распространенного вида. Встречается повсеместно, обитает в разнообразных ландшафтах. В степи придерживается овражно-балочных систем с байрачными лесами, осиновых «кустов», в крупных лесных массивах встречается повсеместно¹¹⁵.

В поисках пищи звери ведут кочевой образ жизни, главным образом, в пределах охотничьего участка семьи. Летом волки живут парами. Зимой, в поисках пищи, собираются в стаи. Питаются в основном живой пищей, включающей различных позвоночных, начиная от мышевидных грызунов и заканчивая крупными копытными, а также падалью, а также плодами целого ряда растений. Длина тела взрослых колеблется от 105 до 160 см., вес – от 40 до 65 кг. Половой зрелости достигает к 2 годам. Гон проходит в декабре – марте (в зависимости от климатических условий). Продолжительность беременности 62 – 65 дней. Через 63 – 65 дней рождаются 4 – 10 щенков. Самка приносит один помёт в год. Волчата появляются в начале апреля. Семейная пара устраивает логово в глухих труднодоступных малоллюдных участках леса. О детях в равной степени заботятся оба родителя.

Для вида свойственна сложная звуковая коммуникация, так называемый «вой», который опытные охотники используют, разыскивая зверей при охоте. Зимой хищники объединяются в стаи, состоящие обычно из пары взрослых зверей («матерых»), их выводка («прибылых») и нескольких особей, еще не создавших своих собственных семей («перьярков»)¹¹⁶.

Практическое значение. Объект промысловой и спортивной охоты. При высокой численности наносит ощутимый вред животноводству и охотничьему хозяйству. Один из основных распространителей ряда опасных эндопаразитов и бешенства. В недалеком прошлом, случаи нападения больных зверей на человека отмечались неоднократно. Несмотря на то, что волк считается одним

---

¹¹⁵ Волк // Позвоночные Тамбовской области. Кадастр / А.Н. Гудин, И.В. Дьяконова, А.В. Емельянов, Г.А. Лада, М.А. Микляева, А.Ю. Околелов, Н.П. Петрова, С.Ф. Сапельников, К.А. Скрылева, Л.Ф. Скрылева, А.С. Соколов, Д.А. Трапезников, В.Н. Яценко. Тамбов, 2007. С. 239.

¹¹⁶ Волк // Тамбовский лес: сборник / под ред. Н.И. Пономарева и В.К. Ширнина. Тамбов, 2006. С.248.

из вероятных предков собаки, его отрицательное воздействие на сферы хозяйственной деятельности столь ощутимо, что человек с незапамятных времен поставил его вне закона.

Антропогенное воздействие и охрана. Количество добываемых зверей варьирует в широких пределах. Максимальное количество было добыто благодаря использованию авиации в 1946 и 1947 гг. – 615 и 663 особи соответственно. С 1993 по 2003 г. в среднем добывается по 26.5 особи. В последние годы широко практикуется охота по волку со снегоходов. Использование скоростной техники с высокой проходимостью может привести к резкому снижению численности, а возможно, и к полному истреблению вида. Необходимо установление регламента на использование такой техники при охоте. С 1992 по 2003 г. средняя численность волка в области, по данным зимнего маршрутного учета, составляла 64, 8 особи. Охота на серого хищника разрешалась (и на большей части ареала разрешается и в настоящее время) в любое время года без ограничения способов добывания, включая использование ядов и отстрел с самолетов и вертолетов. В отдельные годы сер. 20 столетия в Тамбовской области добывалось до 600 волков. Численность в настоящее время упала до единичных экземпляров. Современное состояние вида не требует специальных мер охраны. Охраняется на территории государственного природного заповедника «Воронинский».

Мифы и легенды о «тамбовском волке»:¹¹⁷

- В былые времена губерния лежала на стыке лесной и степной зон. Волкам приходилось соперничать за добычу, что в этой стороне и обуславливало их особую свирепость. Крестьяне их очень сильно боялись. А выражение «тамбовский волк» символизировало лютость зверя.
- Ещё одна легенда связана с тем, что после заселения Тамбовских земель люди стали заниматься отстрелом волков, водившихся в этих местах. Их мех очень высоко ценился, так как не был похож ни на степного волка, обитающего на юге нашей страны, ни на лесного волка — северного жителя. Тамбовскому волку достались свойства обоих своих родственников, а шуба из меха тамбовского волка была очень легкой и теплой, с чем и связана поговорка «Тамбовский волк тебе товарищ», где слово

---

¹¹⁷ Факты и мифы о «Тамбовском волке». URL: [patriot.taminfo.ru/http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%](http://patriot.taminfo.ru/http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%20) (дата просмотра 22.12.2020).

«товарищ» имеет и значение «друг», то есть тот человек, который обогреет и выручит в трудную минуту¹¹⁸.

- Следующая легенда повествует о старце-отшельнике Симеоне. За аскетизм Бог наградил его даром общения с волками и другими дикими животными. Жители окрестных деревень часто наблюдали его в стае волков. Ждали на краю леса всегда сопровождавшие его волки, и когда старец приходил к людям за подаванием. Даже о кончине молитвенника узнали по волчьему вою в лесу. И в данном случае поговорка «Тамбовский волк тебе товарищ» имеет сакральный смысл покровительства Симеона тамбовчанам¹¹⁹.

- По мнению тамбовского краеведа И. Овсянникова, термин «тамбовский волк» появился в конце XIX в. Суть его истории в том, что с Пасхи до Покрова крестьянин занимался своей землей, посевами. А в зиму уходил работать в другие города на различную подработку. Тамбовский крестьянин отличался особенной мастеровитостью и проворностью. Зачастую тамбовцы занимали места первыми, а когда другие крестьяне приходили, то все места были заняты. Поэтому и говорили о тамбовских крестьянах: мол, «тамбовские волки» по дворам рыщут, цену сбивают. Ну, и последняя легенда связана с лихолетьем.

- С периода Великой Отечественной войны, когда тамбовские леса просто кишели волками. При наступлении немецких войск, местное население питало надежду и даже уверенность в том, что волчьи стаи станут серьезным препятствием на пути захватчиков и беда обойдет их стороной¹²⁰.

- Д.Н. Силин на основе изучения топографии места строительства крепости Тамбов установил, что восточная сторона крепости (левый, высокий берег реки Цна, сливающейся с рекой Студенец) располагалась у «волчьей лощины». Эта лощина образовалась к середине I тысячелетия н.э. в котловине на месте высохшего водоема. Котловина кишела волчьими норами и была лучшим и безопасным логовом хищника, наводившего ужас на окружающих. «Волчья лощина» соседствовала с мордовским

---

¹¹⁸ Городнова Л. Е. Тамбовские пчела и волк в природе и символах // Тамбов: история, современность, перспективы : сб. материалов конференции. Тамбов, 2007. С. 6-7.

¹¹⁹ Брат Анатолий (Кузнецов). Легенда о старце Симеоне или еще раз о тамбовском волке // Город на Цне. 2003. 23 июня. С. 11.

¹²⁰ Брежнев А. Песнь тамбовского волка // Кто есть кто. 2008. № 3. С. 43.

культовым местом, где совершал обряды жрец Яспер. Место совершения обрядов называлось Ясперовым городищем¹²¹.

- Само выражение «тамбовский волк» вошло в народ в 1956 году, благодаря фильму «Дело Румянцева». В фильме герой при обращении к милиционеру: «Товарищ...», — в ответ слышит: «Тамбовский волк тебе товарищ!». С тех пор фраза и разлетелась во все края.

Как элемент фольклорного языка фразеологизм «тамбовский волк» (далее – ФТВ) соответствует законам народной эстетики, что подтверждает его употребление в значениях, отражающих традиции использования образов животных для создания яркой, эмоционально-экспрессивной оценочной характеристики. Диалектная среда, в которой появился ФТВ, актуализирует его ассоциативную связь с диалектными жанрами речи. В настоящее время, в связи с процессом стирания диалектной маркированности, доминантной средой для него является региолект.

О неразрывной связи фразеологизма и поговорки с народной культурой, историей говорили еще в XIX веке И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, А.А. Потемкин. Особую среду, особое семантическое пространство, в котором компоненты фразеологизма меняют свою форму и значение, усматривали представители системного подхода, например, В.В. Виноградов, Ш. Балли, А.И. Смирницкий, В.П. Жуков, А.В. Кунин, М.Т. Тагиев, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский, В.М. Мокиенко, Р.Н. Попов, А.И. Федоров, А.М. Бабкин, А.И. Молотков, В.Н. Телия, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев и др.

Имея в основании зоонимический семантический мотив - «волк» -, уходит в глубокое языческое прошлое и первых веков христианизации автохтонного населения края (мордвы, татар, черемис, русичей и пр.). Определение «тамбовсаий» могло возникнуть в экзонимативной среде и быть связанным с пассионарной активной, миграционными потоками местного населения в другие регионы отечества. Как апеллатив употребляется в коммуникативных ситуациях, требующих привлечения внимания, мобилизации участников коммуникации. Является неофициальной, диалектной альтернативой официальной номинации жителей тамбовской области – «тамбовцы»/«тамбовчане». Отметим при этом, что вариант «тамб-ОВЦЫ», не смотря на авторитетные выводы ученых лингвистов, не

---

¹²¹ Силин Д.Н. Легенды «волчьей лощины» города Тамбова // Возрождение и развитие традиций народной художественной культуры России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.И. Григорьева. Тамбов, 2010. 462 с.

пользуется поддержкой у населения, которое идентифицирует себя, более как «волков», нежели «овец»¹²².

Не смотря на длительную историю русской лексикографии, имеющиеся словари не отражают фразеологического дискурса полностью. Так и фразеологизм «Тамбовский волк», не зафиксирован словарями, хотя известен во всех регионах России в качестве апеллиатива, неофициального регионима (этноним называет по принадлежности к этносу, регионим – к региону). Поверхностное понимание фразеологизма «тамбовский волк» часто вызывает неоправданно негативную оценку ребрендинга, связанного с культурным объектом¹²³.

«Тамбовский волк» как символ этнокультурной идентификации Тамбовщины не мог возникнуть во времена языческой истории русичей: ни хоронима, ни астионима, ни ойконима «Тамбов» до 1636 года, когда была основана крепость на Белгородской засечной черте, не существовало. Имелся гидроним «Тамбов» в ареале расселения цнинской мордвы. Солидаризироваться местному населению по признаку административно-территориального деления до середины XIX века не было ни возможности, ни необходимости: в XVIII веке Тамбовщина относилась к Азовской губернии, частью – к Казанской и Воронежской, во времена Г.Р. Державина (1786 – 1788) – наместничеством, курируемым рязанским губернатором. Статус губернии был получен в 1796 году. Необходимость маркирования местных жителей как «тамбовских волков» могла возникнуть только извне, а внутри быть поддержанной на основании глубокой мотивированности культурными смыслами образа «тамбовского волка». Такая ситуация не могла возникнуть раньше Великих реформ 60-х годов XIX века, когда «освобожденный без земли» крестьянин был вынужден, спасая семью и себя, кормиться за счет отходничества, для чего мастеровой крестьянский люд «гуртовался» в артели, расходясь по всей России, предлагая себя в качестве плотников, сенокосцев и пр. В окружении «чужих» людей тамбовцам пришлось стать «волками», чтобы выжить.

Способность тамбовского крестьянства мобильно военизироваться, а также стремление поддержать правое дело борьбы за свободу и независимость, быть эффективными воинами доказывает его активное участие в крестьянских восстаниях: Степана Разина (1670 – 1671), Кондратия Булавина (1707 – 1709), Ивана Болотникова

---

¹²² Руделев В.Г. Волки и овцы: Занимательная лингвистика // Новая тамбовская газета. 1995. 25 марта. С.5.

¹²³ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010 240 с.

(1606 – 1607), Емельяна Пугачева (1773-1775), Александра Степановича Антонова (1918-1922). Официальная история аспект мотивации региональной солидаризации крестьянства не освещает, в краеведческой литературе такие свидетельства имеются. Особое негативное отношение к тамбовскому населению в годы советской власти, продиктованное карательными мерами за поддержку протестного движения, известного как Антоновщина, массово свидетельствуется населением, мобилизованным в годы Великой Отечественной войны. Факт «тамбовского» происхождения нередко скрывали, переехав в другой регион. Однако, факт тамбовского землячества способствовал установлению доверительных отношений в среде военнослужащих, рабочих-мигрантов и пр.

Факт отсутствия письменных свидетельств, демонстрирующих ФТВ в сильной синтагматической позиции, тем более факт отсутствия ФТВ в словарях и справочниках, не опровергает его исконности. Поле значений, оценок, ассоциаций концепта ФТВ прямо указывает на концепт «волка» как мотивационной базы ФТВ. Эта мотивационная база уходит вглубь веков, что подтверждают не только письменные, но и нарративные источники.

Останки реликтового первобытного тамбовского волка хранятся в экспозиции ТОКМ. Состав сохранившихся на территории Тамбовщины легенд, этнографические материалы показывают высокий статус волка в традиционной культуре цнинской мордвы. Прирученный волк – атрибут мордовского жречества – обнаружен в легенде о Яспере (жрец) и Ясперовом городище, на месте которого была возведена северо-восточная часть крепости Тамбов¹²⁴.

Однодворческая традиция, заложившая основания региональным особенностям русской культуры на территории Тамбовщины, как культура военизированного населения, осваивавшего пространства Дикого поля, также обнаруживает высокий статус волка, образ которого отражен в орнаментике, в заговорах, обрядовой поэзии, пословицах и поговорках. О промысловом значении волка на тамбовской территории в XVIII – XIX вв. свидетельствуют материалы статистики. Консолидации местного населения на основе идентификации по образу «волка» способствовало общее недовольство однодворческого населения, в составе которого было немало старообрядцев, - введением крепостнических отношений, в то время как официальная государственная политика стимулировала массовую

---

¹²⁴ Артемов И.С., Гонорский П.А. Край родной. Воронеж, 1978. С. 8-9.

миграцию на окраину Московской Руси, обещающая независимость и льготное землевладение.

Материалы РГО, а также современные нарративные материалы экспедиционного происхождения подтверждают высокий статус волка в традиционной культуре Тамбовской области, что демонстрируется живой традицией сказочной прозы, легенд о волке, обрядов и др. Ярким следом древних способов самоидентификации и консолидации в сообщества являются традиции сел Атманов угол, Троицкая Вихляйка, Вирятино, расположенных в лесной зоне Сосновского района. Здесь широко распространены легенды о стае волков, живущих в лесу рядом с отшельником старцем Симеоном, подчиняющихся ему и охраняющих его. Древность этих легенд мотивируется фактом принадлежности земель Троицкому монастырю, древнейшему на территории тамбовского края. Связи этого монастыря с Саровом, Оптиной пустыней говорят о вероятности общей для названных мест традиции православного благочестия.

До сих пор соблюдается весенний обряд, приуроченный к Егорию вешнему, ходить в сосняк «задабривать волков». На Егория жители, водящие в домашнем хозяйстве скотину, ранним утром, в одиночку, чтобы никто не видел. Идут, не оглядываясь в сосняк (лес). Недалеко, на опушке леса надо прочитать специальный заговор и положить в куст, или невысоко на сучек краюшку хлеба, посыпанную солью. После чего, не оглядываясь, надо вернуться домой. Местные жители рассказывают о случаях, когда недоверяющие старому обычаю люди, не совершившие специальных действий. Были наказаны: скотина погибала. Особым почтением в среде пастухов пользовался святой Георгий Победоносец, как покровитель их ремесла. Имя святого упоминается и в заговорах охотников, ставящих капкан на волка и других зверей.

Символика волка отражена в орнаментации «бойцовой рубахи», которую носили выдающиеся кулачки здешних мест. Фразеологизация культурных представлений в ФТВ продолжается и в наше время.

ФТВ как никакой другой объект нематериальной культуры подтверждает мудрость слов выдающегося ученого историка и этнографа И.М. Снегирева: «Ни в каком употреблении речи не обнаруживается характер и образ мыслей народа, или лучше сказать, весь народ, как в своих пословицах, в коих он обличает себя; сравнение их весьма наставительно и занимательно. Многие народы в

притчах и поговорках сохраняли достопамятные происшествия Истории своей как живую летопись...»¹²⁵.

Историческая характеристика. Отсутствие специальных научных работ, посвященных истории возникновения ФТВ, не мешает постулировать его древние историко-культурные корни на территории нынешней Тамбовской области. Неофициальный характер истории этого объекта объясняет невнимание к нему официальных источников и словарей, энциклопедических и лингвистических. Известно, что диалектологи постоянно фиксируют лингвистические единицы, отсутствующие в словарях, что не приводит к выводу о их неологическом происхождении. То же можно сказать и об этнографических данных.

Распространенным заблуждением является утверждение, что ФТВ «Тамбовский волк» возникло в результате популярности фильма «Дело Румянцева», снятого на киностудии «Ленфильм» в 1955 году режиссером Иосифом Хейфицем. Капитан милиции Самохин (актер – Петр Лобанов) бросил подозреваемому в преступлении шоферу Александру Румянцеву (артист – Алексей Баталов) фразу - «Тамбовский волк тебе товарищ!», - ставшую крылатой. Очевидно, что капитан употребил ФТВ уже как хорошо известную всем фразу, следовательно, она уже имела определенное смысловое наполнение, включающее оттенок негативной неофициальной альтернативы общепринятой точке зрения. С тем же оттенком та же фраза звучит в фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

Факт особого отношения к тамбовцам извне свидетельствуется людьми, мобилизованными во время Великой Отечественной войны: официальная власть не видела в них обычных граждан, подозревая в ненадежности. В «тамбовском волке» видели «бандита», находясь под влиянием официальной пропаганды, ставившей на всех тамбовцах клеймо – «бандиты», «антоновцы». О том, насколько «волчьими» были поступки представителей и «красной», и «белой», и «зелёной» власти не забыли даже долгожители, вспоминая о гражданской войне на Тамбовщине в XXI веке. В описаниях жизни тамбовской деревни в годы гражданской и Отечественной войны наиболее часто употребляется вариант ФТВ – «хоть волком вой». Тема «волка» во время Великой Отечественной войны актуализировалась и тем фактом, что потревоженное войной зверьё мигрировало из брянских лесов в тамбовские: в Тамбове появились медведи, которые перевелись в здешних местах еще во второй половине XIX века, в следствие

---

¹²⁵ Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 219.

вырубки лесов и охоты на зверя. Волков же, которых всегда было много, стало много. Голодные стаи волков по ночам заходили в деревни и села, нередкостью были и встречи с ними в лесу. Волки и истории встречи с ними составляли особый пласт быличек, которыми развлекали слушателей на посиделках и в минуты отдыха от работы. Какой-либо ассоциации с «вервольфом», которой так боятся современные защитники нравственности, «тамбовский волк» времен Отечественной войны и послевоенного периода не обнаруживает. Т.о., во время Великой Отечественной войны ФТВ уже существовал и идентифицировал тамбовцев, солидаризируя их в сложных обстоятельствах. Для представителей нетамбовской самоидентификации ФТВ служил неодобрительной, презрительной коннотацией представителей группы, не признавшей легитимности большевистской власти.

Необходимость солидаризироваться на основе концепта «волк», «волчья стая» отмечается исследователями тамбовской региональной истории времен гражданской войны. Таков исторический роман Виктора Юнак «Тамбовский волк», посвященный гражданской войне и интерпретирующий в положительных коннотациях образ Александра Степановича Антонова как «последнего тамбовского волка». Гамма оттенков «волчьей модели поведения» участников гражданской войны присутствует и в исследовании В.В. Самошкина «Антоновское восстание», те же настроения найдем мы и телепередачах, посвященных «антоновщине» - «Тамбовской Вандее»¹²⁶.

Однако, спектр значений, вкладываемый носителями региональной самоидентификации в ФТВ значительно шире, чем узкое внешнее понимание с исключительно негативной коннотацией – «не такой, как нетамбовские», «оппозиционный к легитимной власти». Сама возможность появления положительной коннотации не могла возникнуть только в период переосмысления советского периода истории, так как положительные коннотации у ФТВ существовали и в начале века, что можно объяснить только влиянием регионально окрашенного концепта «волка» в народной традиции¹²⁷.

Имеющиеся опубликованные, архивные, нарративные экспедиционные, статистические материалы позволяют заключить, что ФТВ опирается на многослойную народную традицию, в которой

---

¹²⁶ Юнак В. Тамбовский волк. М., 2009. 319 с.

¹²⁷ Чаус В. Ю. Этнографические и художественные образы Тамбовского края / В. Ю. Чаус, Т. Е. Чаус // Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Междунар конф. / ред Т. И. Бакланова. Чебоксары, 2017. С. 64-67.

представления о «волчьей модели поведения» и «характеристиках волка» менялись и наслаивались друг на друга. Прежде всего, отметим продуктивность использования в традиционном досуге сказок о волке, волшебных и бытовых. В исследуемом локусе наиболее популярны сказки с участием волка: «Иван-царевич и серый волк», «Сказка о молодильных яблоках», «Волк и коза», «Волк и мужик» и пр.¹²⁸ В живом бытовании и в архивных свидетельствах зафиксированы пастушечьи и охотничьи заговоры с упоминанием волка. Особенно значима сохранившаяся традиция «задабривать волка» на Ягорьев день (6 мая). Рассказы и былички о встрече с волками составляли почти обязательную часть проведения молодежного досуга¹²⁹. В игре «Гуси-лебеди» описываются условия противодействия двух групп, одну из которых персонифицирует волк. Богат пословично-поговорочный пласт с волком в качестве главного образа. Образ волка используется в загадках, колыбельных текстах.

Этнографические материалы позволяют убедиться в активности мифологемы «волк», входящей в пространство регионального варианта традиционной культуры. К такому выводу приводят сравнения собранного материала с выводами, сделанными в отношении образа волка в заговорах и славянской традиции, в целом, в работе А.В. Гура¹³⁰ и В.Л. Кляус¹³¹. Дополнительный материал к осмыслению местной культуры волка как части южнорусского культурного типа дают аналогии региональных рефлексов мифологемы «волк» с князем-воином в былине «Волхв Всеславич» и «Слове о полку Игореве». С глубокой и сложной семантикой концепта «волк» уже в древнерусский период истории знакомит анализ реконструкция рязанской летописной традиции, с использованием образа волка в оформлении буквы-инициала «Буки» (быти) в тератологическом стиле.

Перспективную тему, обнаруживающую связь с мифопоэтическими обрядовыми представлениями тамбовского населения о волке, образует факт обнаружения орнамента «волк» на бойцовой рубахе (с. Атманов угол Сосновского района Тамбовской области. Мотив «Волка» обнаруживается в мордовском женском

---

¹²⁸ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Избранные тексты / ред. М. Азадовского. Л., 1940. 460 с.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3023.

¹³⁰ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 121-160.

¹³¹ Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. 462 с.

шейном украшении. (Материалы Моршанского историко-художественного музея. Коллекция И.П. Иванова). Как культурный субстрат мордовской мифологемы «волк» усматривается в микротопонимах г. Тамбова – «Ясперово городище» и «Волчья лощина». В связи с этими топонимами обращает на себя внимание факт поверхностной оценки ФТВ профессиональными топонимистами, дающими вполне обоснованную отсылку к мордовской этимологии топонима (гидронима) Тамбов, но неодобительно относящихся к продуктивности образа волка в пространстве современного Тамбовского края, в частности к использованию ФТВ в качестве социокультурного самоидентификатора. Такова позиция А.В. Барандеева. Легенда о жреце Яспере, обитавшего на южной окраине крепости Тамбов, рассказывает о чудесном волке, сопровождавшем его повсюду. До строительства крепости существовала лощина (ныне канал реки Цна), в которой обитали волки. Место строительства крепости Тамбов было «волчьим», что самой природой основание для метафоризации материального объекта и превращение его в социальную номинацию-идентификатор. Об активности на данной территории волка свидетельствуют и археологические находки древнего волка¹³².

Культурный субстрат Тамбовского края предполагает и влияние тюркской мифологемы «волк», которая у татар и тюрков, в целом, персонифицирует тотемических предков, покровителей мужской иерархии, культ воина. См. об этом диссертационные исследования Э.А. Немановой, О.Г. Горбачевой, Э.П. Бакаевой, Е.П. Чекушкиной, Д.Д. Нимаева и др. В воинской организации тюркских народов, в частности татар, населявших север, северо-восток Тамбовщины, волк являлся тотемом – покровителем.

Этнографическая характеристика. Этнические параметры среды распространения ФТВ заданы каналом общения на русском языке. Исторически на территории Тамбовского края мифологема «волка» как идентификатора социума испытала влияние татарского и мордовского языков культуры. Поле значений мифологемы «волк» включает тотемические аспекты толкований не только славянской, но угро-финской и тюркской культуры. Как идентификатор жителя региона, ФТВ холоден к жесткой этнолингвистической привязке, для него релевантна не принадлежность к этносу, а принадлежность к территориальной модели поведения и культурного самоопределения.

---

¹³² Шигурова Т.А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск, 2012. 435 с.

Лингвистическая характеристика. Выражение народной речи «Тамбовский волк» может быть вполне назван фразеологической единицей и фразеологическим сочетанием, и поговоркой. Как фразеологическая единица (далее – ФЕ) он: не может быть переведен на другой язык без соответствующего комментария (о непереводаемости ФЕ писали - Ломоносов¹³³, Булаховский, Реформатский, Абакумов); он не разложим на составные части по смыслу (Шахматов, Виноградов, Ожегов, Шанский); общее значение ФЕ не выводится из составляющих ФЕ слов; (Абакумов, Виноградов, Ларин); - между словами в ФЕ существует внутренняя зависимость между словами (Шахматов, Архангельский, Кунин); лексический состав ФЕ стабилен (Абакумов, Аохангельский, Шанский); ФЕ обладает высокой воспроизводимостью в речи (Виноградов, шанский, Гаврин); он имеет собственную форму, опознаваемую вне текста (Смирницкий, Шанский); он имеет значения ФЕ реализуются в особом контексте (Тагиев, Гусейнов).

Целостность значения ФЕ «тамбовский волк» выражается одним словом – «тамбовец». ФЕ выражает сложное понятие, что объясняется давностью истории этого объекта и сложным набором смыслов. Раздельнооформленность ФЕ выражается составом: два слова – «тамбовский волк»; оба слова – знаменательные части речи. В предложении, являясь именной фразеологической единицей (далее – ФЕ), ФТВ выступает в роли главных членов и второстепенных. Объекту в высокой степени свойственна предсказуемость: жители-нетамбовцы на лингвистическую игру «добавь слово» реагируют словом «волк». Ряды слов: тульский (пряник), оренбургский (платок), тамбовский (волк).

На базе старых значений ФТВ появляются новые, закрепляясь в поговорках, пословицах, анекдотах, произведениях самодеятельного и профессионального творчества. Структурная фразеологическая модель, круг значений ФТВ – результат метафоризации мифопоэтического образа «волк» и представления о типичном носителе тамбовского менталитета. Переходным этапом в истории формирования этого фразеологизма была форма сравнительного оборота: «жители Тамбовщины ведут себя, как волки». «Тамбовский волк» - своего рода перифраза к термину «тамбовец». Это именно перифрастическое наименование, указывающее главный, доминирующий признак, обнаруживающий суть ментальной организации человека. Но ни в коем случае ФТВ не дисфемистическая

---

¹³³ Словарь Академии Российской. URL: <http://yandex.ru/clck/jsreidir?from=yandex.ru> (дата просмотра 12.12.2020).

перифраза, заменяющая прямое наименование – грубым. ФТВ – это результат транспозиции, т.е. перехода от абстрактного значения культурного символа к конкретному. В ФТВ можно усмотреть и синтетическую структурную модель, так как ФТВ имплицитно включает идею подражания повадкам животного.

Этапу жизни ФТВ в форме сравнения, не могла не предшествовать стадия фразеологизации слова, когда слово «волк» как концепт интегрировало в себя все культурные представления о волке как представителе животного мира и как части культуры человека. Такую траекторию развития ФЕ предполагал еще А.А. Потебня, писавший о «сгущении мысли» в образном слове, в котором концентрируется смысл басни, пословицы и поговорки.

На современном этапе как развитие ФТВ используется контоминация, когда на основе двух фразеобразующих моделей появляется новая фразама. «Тамбовский волк тебе товарищ» = «Тамбовский волк» + «объект А объекту Б – товарищ» («Свинья гусю не товарищ», «Свой своему поневоле друг» и пр.). Вовлеченность ФТВ в активный живой процесс словотворчества показатель положительной динамики в истории этого объекта нематериального культурного наследия.

Фразеологизм служит знаком, символом, отсылающим языковое сознание к осмыслению антиномий: «свой: чужой», «местный: пришлый», «хороший: плохой», «добро: зло», «правда: ложь», «жизнь: смерть» и пр. На фоне самого широкого употребления постоянно расширяется контекст ФТВ, что выражается в динамичном процессе нарастания вариативных форм. На основе базовых значений и их региолектных вариантов («навык вести себя, как волки», «вы (ты) тамбовские (ий) – значит волки, т.е. владеете навыками поведения волка») возникают варианты-неологизмы, имеющие форму поговорки, пословицы, басни, стихотворения, слогана: «Тамбовский волк тебе товарищ», «Тамбовский волк тебе товарищ», «Тамбовский волк – надежный друг» и пр. Отчетливо просматривается мускулиная характеристика объекта, ставящая в актив такие признаки, как: мужчина-воин, защитник правды и справедливости, сильный и смелый, герой, жестокий, но справедливый, проводник судьбы и пр. Однако имеются и феминные характеристики: грациозный, заботливый, семьянин и пр. Отчетливо просматривается противоречие между решительно положительной коннотацией ФТВ как знака региональной социокультурной самоидентификации и решительно отрицательной коннотацией извне (представители внешнего (инокультурного) пространства). Этот конфликт коннотаций

мотивирует включение альтернативных исторических оценок в поле употребления ФТВ. Так, материально выраженным символом семантики ФТВ является мемориал «Тамбовский мужик» (скульптор – В.С. Остриков, архитектор – А.А. Филатов), выстроенный в концептах оценки причин и последствий последней крестьянской войны под предводительством А.С. Антонова (1920 – 1922).

М.И. Долженкова ставит ФТВ в зависимость с пониманием этнохудожественных и этнопсихологических механизмов творческой деятельности..., с чертами русского характера. (С.67). Она заключает, что фразу «Тамбовский волк тебе товарищ» абсолютное большинство респондентов воспринимает как речевой оборот, характеризующийся многими смысловыми оттенками – и как просто отказ (15%), и как отговорка от назойливого собеседника (17%), и как призыв к собеседнику надеяться только на свои силы (13%). Только 16% респондентов воспринимают эту фразу как меткую характеристику жителей Тамбовщины». О значении тотемических символов в истории социальности в традиционных обществах пишет С.В. Спиридонова, полагая, что именно животные как объекты тотемизма дали основания для систематизации отношений в традиционных обществах¹³⁴.

Семантическая характеристика ФЕ «Тамбовский волк». Как всякая ФЕ, фразеологизм «тамбовский волк» (далее – ФТВ) является семантической абстракцией и имеет форму философской категории, обозначающей качество. Как ФЕ, обладающая грамматическим значением, ФТВ – именной. Во фразеологическом сочетании «тамбовский волк» слово «волк» имеет связное значение, а «тамбовский» – свободное. В целостном виде в ФТВ значение входящих слов деактуализируется, но приобретает фразеологическое значение – идентификация человека как типичного представителя населения Тамбовщины, отличающегося определенным набором черт образа жизни и поведения, выражаемых образом жизни волка в волчьей стае. Социокультурная идентификация по локально закрепленному способу взаимодействия – это национально-культурная сфера, в которой ФЕ возникла и развила систему значений. Своей яркой образностью ФЕ обязано сложной семантике «волка» в народной культуре.

Все внешние оценки «волка» - как опасного хищника – отрицательные: агрессия, безжалостность, источник страха и ужаса, смерть и пр. Так оценивают «волка» все, кто «неволки». Внутренние же оценки, в «волчьей стае», исключительно положительные: верное

---

¹³⁴ Долженкова М.И. Этнопсихологические предпосылки разработки моделей художественного образования // Научный вестник. Вып.1. Тамбов, 2004. С. 47-69.

служение долгу, строгое соблюдение своей роли «в стае», способность жертвенного служения ближнему, служение жизни (жертвенная забота о потомстве) и пр. На границе внешнего и внутреннего мира формируются культурные значения «волка», способные символизировать гармонию, свободу как ирреальную народную мечту. Таков «волк» в обрядовой традиции, сказках про Ивана-царевича, в легендах о старце Симеоне; в самоидентификации конкретных представителей Тамбовщины, преодолевших какое-либо препятствие, благодаря «солидаризации» с «волком» и пр.¹³⁵.

И отрицательная и положительная коннотация возникают на основе первичных значений компонентов, именно эти значения мотивируют смысл ФТВ. Стирание традиционного народного понимания концепта «волк» приводит к обеднению восприятия и речеупотребления ФТВ. Именно в этом направлении следует искать причины непрекращающихся споров о корректности употребления ФТВ как регионального символа и бренда.

Символическая функция ФТВ может быть осмыслена как часть общечеловеческой традиции использования для маркирования определенных групп социально и культурно значимых ситуаций слов-символов. Так, например, в германо-скандинавской мифологии «волк» персонифицирует события Апокалипсиса. Таков волк Фенрир, сын древнескандинавского бога Локи (сближают с балтийским, литовским Lokys (медведь) и греческим λύκος (волк). Также и древнескандинавский миф о хтоническом чудовище - четырехглазом псе Гарм, охраняющем вход в мир мертвых – Хельхейм.

В Библии волку отводится особое место: он противопоставляется овце, проецирующей идею «Агнца» как невинной искупительной жертвы. В Евангелие от Матфея сказано: «Берегись лжепророков, которые приходят к нам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мтф. 7:15). В тамбовском региолекте такое понимание «волка» представлено паремиями: «волк в овечьей шкуре», «волки сыты, овцы целы», «крадет вол и считанную овцу», «были б овцы, волки найдутся» и др.

ФТВ выполняет в местном региолекте важные функции: общезыковые, речевые, социокультурные. ФТВ номинирует одобренный региональным сообществом поведенческую, менталитетную установку: «тамбовский волк» - свой. Характеристики тамбовского волка как модели поведения дифференцированы по коннотативным полюсам. Сигнификативная активность ФТВ

---

¹³⁵ Кузнецов А. Легенда о старце Симеоне или ещё раз о «Тамбовском волке» // Город на Цне. 2003. 23 июля. С. 3-11.

демонстрируется множеством контекстов, представляющих широкое поле реакций внутри одной поведенческой схемы.

Для демонстрации явных и скрытых текстов для ФТВ чрезвычайно важен контекст. Суммируя контекстные значения, можно заключить, что ФТВ является обобщением регионального историко-культурного опыта взаимодействия человека с природной и социальной средой. ФТВ образует матрицу локальной социокультурной идентификации: свой/чужой, волк/невол, тамбовский/нетамбовский. Он сообщает в позитиве оценочную характеристику образа жизни «в миру», «в стае». В негативе он дает «покаянную» исповедь в грехах и недостатках регионального характера людей, вынуждаемых внешней средой демонстрировать агрессию, волю, «своё право». У ФТВ имеется неисчерпаемый экспрессивно-образный потенциал: древние корни народной традиции дают активные побег в современном дискурсе. В семантике и ассоциациях ФТВ порождаются образы, характеризующие взаимодействие: человека и Бога, природы и культуры, государства и общества, традиции и новации, изоляции и глобализации, зависимости и свободы, закономерности и фатума, беззакония и справедливости, добра и зла, любви и ненависти, личности и народа и пр.

ФТВ закреплен стилистически: в официальной культуре он обычно маркируется как демонстрант неофициальной, криминальной, «блатной» среды. Закономерно, что всплеск интереса к «тамбовскому волку» относится к 90-м годам XX века, когда общество вступило в полосу криминализации. Однако, к этому моменту ФТВ уже был широко известен в среде тамбовского крестьянства, которое, сохраняя память о волке-воителе, волке-друге, волке-защитнике, солидаризировалось (объединялось) на основе идентификационного образа-символа в группы, защищаясь от натисков модернизации, политизации, коммунизации, грозящих утратой человеком своего личностного ядра. Лексикографическая практика не отражает общеизвестного и широко распространенного фразеологизма – «тамбовский волк», тем не менее, такая необходимость существует. Наиболее точной стилистической пометой в данном случае является не указание на жаргонное, блатное, грубое, просторечное, но – региональное, народное, разговорно-бытовое.

Фразеологическая абстракция, представляемая ФТВ, появившаяся на основании поля конкретных значений, в наши дни демонстрирует способность порождать множество иных конкретных, индивидуально авторских значений, что видно на примере влияния ФТВ на народное творчество. Тамбовские мастера декоративно-

прикладного творчества, организаторы сувенирного производства и сбыта, изготовители брендовой продукции, представители литературы и искусства активно используют образно-символический состав ФТВ для создания и номинирования артефактов современности. Сказанное подтверждает справедливость мысли А.А. Потебни: «...язык развивается не только от конкретного к абстрактному, но и наоборот»¹³⁶.

ФТВ располагает и развитыми парадигматическими связями. Он имеет варианты: 1) диалектно маркированные - тамбовский волк, тамбовский волчок, тамбовский волчара, тамбовские бирюки; 2) территориально маркированный – «брянский волк». Как региональная антиномия, антоним осмысливается ФЕ «тамбовская пчела». Синонимичны ФТВ термины, обозначающие жителей Тамбовщины: тамбовцы, тамбовчане, тамбовец, тамбовчанин и пр.

ФТВ отражает сложные и развитые представления населения о мире и человеке, т.е. региональную картину мира. Обладая широким диапазоном оценочных значений, он входит в систему синонимических и антонимических рядов региональной и общенациональной фразеологии, характеризующей бинарные взаимоотношения: человека и Бога, природы и культуры, государства и общества, традиции и новации, изоляции и глобализации, зависимости и свободы, закономерности и фатума, беззакония и справедливости, добра и зла, любви и ненависти, личности и народа и пр.

По отношению к названным компонентам бинарных оппозиций ФТВ выступает как инвариантная модель, дающая помещения множеству культурных смыслов оценочного (коннотативного) характера.

Для понимания ФТВ как объекта нематериального культурного наследия необходимо учитывать опорные и факультативные компоненты семантики слов, составляющих фразеологизм. Как символ социокультурной идентификации ФТВ опирается на древнюю и развитую культурную семантику «волка». Опорное значение имеет и атрибутив «тамбовский», однако опорное значение у него – «относящийся к территории Тамбовщины», а факультативное – «относящийся к фауне Тамбовщины». Этот аспект объясняет способность ФТВ включать не только региональную семантику волка, но и общенациональную и транснациональную. «Расщепленность» значения слова «тамбовский» в ФТВ объясняет появление на его месте ФЕ «брянский волк», а также саму возможность взаимоисключающих

---

¹³⁶ Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. 622 с.

интерпретаций легитимности ФТВ в качестве регионального символа и бренда. Свободное словосочетание «тамбовский волк» омонимично ФТВ, так как первое отражает факт материально выраженной природной среды, а второе – сложный образ, возникший на основе развитого зоологического кода и его роли в языке народной культуры. Эти омонимичные формы имеют разные значения: первое – животное «волк», обитающее на территории Тамбовщины; второе – человек, по типу характера и поведения, соответствующий обобщенному представлению о региональном культурном типе поведения.

Понимание причин конфликтного восприятия семантики и использования в общественной практике ФТВ необходимо искать в его отношении к уровням действительности, мышления и языка. Так, например, В.Г. Гак пишет: «Чтобы постичь закономерности сочетания слов, необходимо анализировать три уровня: уровень действительности, уровень мышления и уровень языка». Контекстные значения ФТВ определяются: 1) общим значением; 2) этимологическим значением; 3) лексическим составом; 4) грамматическим значением; 5) стилистической характеристикой.

Значение ФЕ, как известно, определяется по его сильной синтагматической позиции. Такой позицией для ФТВ является конструкция: «этот человек – «тамбовский волк», потому что ведет себя, как тамбовский волк». В других случаях ФТВ находится в слабой позиции, в которой смысл ФТВ сам по себе не интерпретируется. Валентность (способность вступать в синтаксические связи с другими словами) ФТВ сравнительно узкая, как правило, она реализуется валентностью свободного (животное) и связного (человек-тамбовец) значения слова «волк». Однако, проблема лексических солидарностей остается не изученным аспектом лексикологии и фразеологии, не изучена она и в отношении ФТВ. Формы сочетания ФТВ с другими словами заданы его грамматическим значением. По грамматическому значению ФТВ является непредикативным, предметным (именным).

Стилистическое значение ФТВ всецело определено контекстом и жанром речи. Как поговорка, конструкт заговора, сказки, легенды ФТВ имеет возвышенную эмоционально-экспрессивную окраску. В публицистических жанрах – часто неодобрительную и сниженную окраску. Нейтрально представлен – в научных жанрах. В художественных произведениях его окраска зависит от системы ценностей, исповедуемой автором. В авторской речи ФТВ лексически и семантически варьируется, часто приобретая вид каламбура (на основе антитезы) или анекдота, а также контаминации.

Происхождение (этимология) ФТВ остаются спорными и неясными, что вполне соответствует реальности русской фразеологии, подавляющее большинство единиц которой не имеет строгой привязки к дате (век, год, эпоха), так как большая часть их принадлежит к исконному составу, наследуемому от языка-предка.

Перспективой анализа языкового выражения ФТВ является его сопоставление с мифологемами волка (врьгаз) в мордовской и волка (бурэ) в татарской культурах. Предметные ряды, связанные с историей и семантикой ФТВ, представлены разрозненными и систематизированными музейными собраниями.

Движение значение фразеологизма «тамбовский волк». Народное, характерное для жителей и уроженцев Тамбовского края понимание выражения «тамбовский волк» (фактически – их самоназвание), очевидно восходит к известным историческим фактам, отражающим специфику Тамбовского края и «тамбовского регионального характера», которые сохранились в исторической памяти жителей края и соседних территорий как обобщающий образ.

Так, согласно В.П. Семёнову и П.П. Семёнову: «Сбродный характер населения – наследие смутного периода породил в некоторых частях нашей (Среднерусской чернозёмной – М.К.) области, долго не умиротворявшихся и сочувствовавших разинцам, булавинцам, пугачёвцам и пр., как напр. в Тамбовской губ., страшную грубость нравов во всех слоях населения, подмеченную ещё поэтом Г.Р. Державиным: здесь, например, даже в XVIII в., в елизаветинское и екатерининское время, существовали разбойничьи шайки, между прочим под предводительством титулованных помещиц..., некоторые же помещики отличались таким самоуправством и жестокостью, которые были немыслимы даже и в те времена в других частях России, а крестьянское и инородческое население, прячась в лесных дебрях северной половины губернии, зачастую не признавало ни каких бы то ни было властей, ни религии (инородцы) и приводилось в повиновение нередко военной силой, причём слабые «гарнизонные команды» не раз терпели поражение от разбойничьего сброда». Представляется, что выражение «тамбовский волк» сохранило и память об изолированном, даже скрытом, от Руси и татар существовании свободолюбивой мордвы, жившей в лесах на границе Руси и Золотой Орды на территории будущих Тамбовской и Пензенской губерний и в основной массе обрусевшей после принятия ею православия, начиная с конца XVII в. Известные события, связанные с «антоновщиной» (1920-1922 гг.), а также более ранние, – Холерный бунт, раскол (и связанная с этим ликвидация Тамбовской епархии), образование именно в

Тамбовской губернии первых скопцов, хлыстов, молокан и духоборов и ещё более ранние, – сопротивление мордвы крещению, – хорошо вписываются в такое объяснение¹³⁷. Широкое распространение выражения «тамбовский волк», особенно за пределами Тамбовского края, произошло после выхода в прокат фильма «Дело Румянцева» (1959)».

Однако, прав и доктор филологических наук М.А. Грачев, который, указывая, что ФТВ активно используется в уголовном жаргоне, приходит к выводу о его влиянии на негативные самооценки: «(Новохоперск, Борисоглебск) сначала к коллективизму, агрессивности, нахрапистости, дерзости и угрюмости (Тамбов), затем к пьянству (Мичуринск), любопытству, завистливости, терпеливости и пьянству (Богородицк), замкнутости, завистливости, злопамятству (Нижний Ломов), далее – к сердобольности (Сердобск), мягкости, доброте (Моршанск, Балашов), доброжелательности и завистливости (Плавск), предприимчивости, прижимистости, открытости, лени и доброте (Новомосковск, Тула), затем – к прагматичности («куркули»), доброжелательности, любви к сплетням (Арзамас, Муром), севернее – к доброте и инертности (Кострома), севернее – к суетливости, беспокойности и трудолюбию (Галич). Фиксируются барьеры: воронежско-тамбовский, связанный с переходом от «эгоизма» к «коллективизму», и галичско-костромской – переход от «инертности» к «активности»; «добрая» территория – Арзамас, Балашов, Моршанск, Муром, Пенза, Сердобск; «злая» – Нижний Ломов, Тамбов (происходит дифференциация тамбовской идентичности на собственно тамбовскую и моршанскую). Жители Новохоперска оцениваются как «злые» только неместными»¹³⁸.

Фразеологизм «тамбовский волк» как символ региональной идентичности. Долгое время было принято считать, что глубина исторической памяти, связанной с исторической памяти, связанная с выражением «тамбовский волк», не велика, что популярность его в СМИ является данью преходящей моде, а также недостойной попыткой романтизировать криминальную тему в региональном дискурсе. Природу и социокультурную значимость фразеологизма «тамбовский волк» с высокой степенью научной доказательности представил кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН и Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Минкультуры РФ РАН –

---

¹³⁷ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. 445 с.

¹³⁸ Грачев М.А. Кому товарищ тамбовский волк? URL: www.familii.ru (дата просмотра 12.12.2020).

Михаил Петрович Крылов в исследовании, посвященном проблемам региональной идентичности. Фразеологизм «тамбовский волк», автор рассматривает, как «системную совокупность культурных отношений, связанную с понятием «малая родина», при этом статус фразеологизма как механизма самоидентификации рассматривается и на уровне личности, и на уровне группы. Данные были получены в результате опросов (2001-2004 гг.), анкетирования, охватившего более 3.000 респондентов. Исследователь пришёл к выводу, что фразеологизм «определяет специфику региональной идентичности наиболее ярко». Фокусом региона, эмблемой провинции, ученый считает именно Тамбов, почему и важно учитывать культурные тексты, относящиеся к городу Тамбову как центру, по которому всех жителей Тамбовской области называют – «тамбовскими волками».

Михаил Петрович приходит к выводу, что ФТВ «определяет специфику региональной идентичности наиболее ярко». Фокусом региона, эмблемой провинции, ученый считает именно Тамбов, почему и важно учитывать культурные тексты, относящиеся к городу Тамбову как центру, по которому всех жителей Тамбовской области называют – «тамбовскими волками». Отмечается также, что самоидентификация «тамбовский волк» не является формой изоляции от национальной культуры, а также отчуждением от межкультурных связей. ФТВ осуществляет не только социокультурную идентификацию, но и характеризует «сущность русской культуры и стереотип поведения людей, ориентированных на малую родину и историческую память». Жители Моршанска, Шацка, Мичуринска и пр. называют себя «тамбовскими волками», не чувствуют ущемлённости «из-за того, что имя их региона совпадает с именем центрального города». ФТВ как единица региональной идентичности обнаруживает связь с идеей патриотизма. Осознание своей региональной исключительности защищает такое условие стабильного общества как национальное единство.

Семантическим центром ФТВ является мотив «тамбовского топонимического ландшафта, как «самобытного культурного пространства, с собственной историей». Находя в ФТВ структуру топонимического символа, М.П. Крылов уверенно сближает все возможные варианты его интерпретации с наиболее значимыми моментами обживания тамбовским населением территории Тамбовской равнины (Окско-Донской низменности).

Во-первых, это период компактного проживания мордвы на рубеже Руси и Золотой Орды. Значимость этого этнокультурного наследия в особенностях знаков культурной РИ доказывается и

исследованиями тамбовских историков-краеведов, относящих мордовский культурно-исторический пласт к области «своей истории». Частью «тамбовской истории» мордовского периода изучали И. И. Дубасов¹³⁹, П.Н. Черменский¹⁴⁰, В.А. Алленова и Ю.А. Мизис¹⁴¹.

М.П. Крылов на основе прямого опроса и анкетирования выявила наиболее характерные группы ассоциаций носителей тамбовской культуры с ФТВ. Вот наиболее устоявшиеся в региональном менталитете: 1. «Это человек, который вырос в Тамбове, патриот Тамбова и несет какие-то важные черты тамбовской местности»; 2. «Сильный, смелый, преданный, способный вести за собой стаю»; 3. «Независимый, свободолюбивый человек», «человек, который обладает качеством волка (характер)», «злой, как собака», «символ Тамбовской области»; 4. «Человек с тамбовским характером»; 5. «Благородный русский геральдический зверь» и др.

Исследование М.П. Крылова показало, что ФТВ у местного населения связан преимущественно с «положительными» значениями, при этом выдвигаются аргументы из области региональной истории: распространение государственных крестьян, а не крепостных; стремление к свободе и независимости, вылившееся в активное участие тамбовского населения в антиправительственных выступлениях Степана Разина, Ивана Болотникова, Емельяна Пугачева, Александра Антонова; с живучестью общинного уклада, заставляющего действовать сообща во имя народного интереса и пр. имеются и «отрицательные» ассоциации: грубость, хамство, агрессия.

Выявлена также следующая закономерность: удаленные от «тамбовского» ареала территории воспринимают ФТВ негативно, при этом более положительно относятся территории непосредственного контакта: Елец, население пензенской области, особенно – нижний Ломов, Плавск, Богородицк. Чем далее от тамбовского ареала находится территория. Тем негативнее оценки. При этом, первые делают во ФТВ акцент на слове «тамбовский», а вторые – на слове «волк».

Исследование М.П. Крылова показало, что ФТВ у местного населения связан преимущественно с «положительными» значениями, при этом выдвигаются аргументы из области региональной истории: распространение государственных крестьян, а не крепостных; стремление к свободе и независимости, вылившееся в активное

---

¹³⁹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. 445 с.

¹⁴⁰ Черменский П.Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. 199 с.

¹⁴¹ Алленова В.А., Мизис Ю.А. История тамбовского краеведения. Тамбов, 2002. 438 с.

участие тамбовского населения в антиправительственных выступлениях Степана Разина, Ивана Болотникова, Емельяна Пугачева, Александра Антонова; с живучестью общинного уклада, заставляющего действовать сообща во имя народного интереса и пр. имеются и «отрицательные» ассоциации: грубость, хамство, агрессия.

Выявлена также следующая закономерность: удаленные от «тамбовского» ареала территории воспринимают ФТВ негативно, при этом более положительно относятся территории непосредственного контакта: Елец, население пензенской области, особенно – нижний Ломов, Плавск, Богородицк. Чем далее от тамбовского ареала находится территория. Тем негативнее оценки. При этом, первые делают во ФТВ акцент на слове «тамбовский», а вторые – на слове «волк».

Немало важно, что данные масштабного анкетирования показали большую популярность «тамбовского волка» в сравнении с «брянским». Последний ассоциируется с брянскими партизанами и крупными особями волка как представителя животного мира. Ассоциативный ряд «тамбовского волка» более богат. Прежде всего, значимо, что фразеологизма ассоциирует качества «тамбовского регионального характера», некий обобщенный образ о типичном представителе Тамбовского края.

Наиболее общепринятой характеристикой населения Тамбовского края является «сбродный характер населения – наследие смутного периода породил в некоторых частях нашей (Среднечернозёмной) области, долго не умиротворявшихся и сочувствующих разинцам, булавинцам, пугачёвцам и пр., как например в Тамбовской губернии, страшную грубость нравов во всех слоях населения, подмеченную еще поэтом Г.Р. Державиным». Аргументами, подтверждающими исконную свирепость населения, являются факты существования разбойничьих шаек, возглавляемых помещиками, легендарный Кудеяр-разбойник, бытование «разбойничьих песен» в Моршанском районе, распространение староверчества и сектантства (скопцы, хлысты., молокане, горшки, баптисты), сложная история христианизации, противопоставленность официальной политике Московского государства традиций местного татарского и мордовского населения, противопоставленность однодворческого уклада жизни крепостному. Древние региональные стереотипы поведения отмечены в особом народном тамбовском отношении к «антоновщине», как глубинной стихии, сопротивляющейся всякому насилию.

Сказанного уже достаточно, чтобы опровергнуть распространенное заблуждение относительно происхождения ФТВ как следствия популярности фильма «Дело Румянцева», вышедшего в 1959 году. Негативным следствием широкой популярности ФТВ стало его семантическое обеднение, сужение значения до инвективы, приятной в криминальной среде. При этом нельзя не согласиться с М.А. Грачевым, что ФТВ широко распространен в уголовном жаргоне, где он обнаруживает негативную самооценку¹⁴².

Фразеологизм притягивает поле негативных оценок представителей нашего населения, которых называют «тамбовскими волками», указывая на «неподражательные странности поведения»: «отрезают хлеб большими кусками», «гыкают» (произносят на месте взрывного «Г» фрикативный согласный) и пр.

Сужение семантики ФТВ противоречит его статусу символа РИ и приводит не к консолидации и согласию, а к унылому морализаторству. Например, автор увлекательного исследования по истории географических названий, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации МАБиУ Андрей Васильевич Барандеев свою версию этимологизации топонима Тамбов заканчивает рассуждением о сохранении исторической памяти. «Отрадно, - пишет он, - что в истории г. Тамбова сохранилась память о посещавшем его великом поэте (Лермонтов – Л.Ю.). Однако приходится сожалеть о том, что история древнего города-воина, некогда бывшего важным оборонительным пунктом на подступах к южным границам московского государства, дисгармонирует с употреблением некоторых внутригородских названий оттопонимического происхождения. В частности, допускается неоправданная романтизация образа пресловутого тамбовского волка, который фигурирует в названиях кондитерской и сувенирной продукции, даже создан музей ТВ, хотя лучше было бы создать музей тамбовского картофеля. Такая пропаганда вредна и бесперспективна, она не принесет городу добрую славу». Своё видение брендовой политики региона он объясняет «низким» происхождением ФТВ. «Историческая память языка должна заставить общество понять, что выражение «тамбовский волк» возникло в криминальной среде как презрительно-оскорбительное обозначение конвоиров-охранников, жестко, подобно волкам из дремучих тамбовских лесов, обращавшихся с заключенными. Не случайно поэтому в воровском жаргоне до сих пор бытует и другой фразеологизм-штамп – «волки позорные»,

---

¹⁴² Грачев М.А. Кому товарищ тамбовский волк? URL: www.familii.ru (дата просмотра 12.12.2020).

ставший особенно «популярным» благодаря кино- и телесериалам, а также не всегда высокохудожественным литературным произведениям, искусственно поэтизирующим воровской образ жизни. Но жаргонизмам не место в ономастике великого и могучего русского языка: ни в названиях конфет и другой продукции (Что вам больше по вкусу: «Тамбовский волк» или «Волк позорный?»), ни тем более в названиях культурно-просветительных учреждений любого города. Такая «волчья» истории с географией явно не нужна славному городу Тамбову, и всем жаргонизмам, в том числе среди имен собственных, нужно выдать волчий билет»¹⁴³.

Отказывая фразеологизму «тамбовский волк» фактически в праве на существование, ученый всё-таки отмечает, что он имеет «оттопонимическое происхождение», т.е. вбирает в себя историю города-крепости на окраине Московии. Любопытно было прочесть что «провинциальный город» (в 1838 году, «лермонтовский Тамбов» был уже губернским центром), хотя и был «кружком отмечен не всегда», тем не менее был отмечен присутствием многих выдающихся людей, оказавшихся в «городе опальном» в ссылке. Среди таковых отмечается герой Отечественной войны 1812 года - А. Г. Чавчавадзе (1786-1846).

Вполне закономерно, на наш взгляд, что к рассуждениям о ФТВ А.В. Барандеев привел тщательный анализ версий этимологизации топонима Тамбов. Рассмотрев первую версию В.А. Никонова, который со ссылкой на И.И. Дубасова усматривал в топониме «Тамбов» след эрзя-мордовского «ТОМБАКА» (омут), а также вторую версию того же Никонова о древнефинской основе – *tamb* (дуб)¹⁴⁴, Андрей Васильевич отверг обе, хотя и нашел ландшафтное подтверждение этих версий. Исследователь отметил, что древние топонимы имели ориентационное значение для мордовского населения, ориентировавшихся на гидроним Тамбов как естественную границу между степью и лесом. Со ссылкой на финского лингвиста Хейкки Паасонена Барандеев дает версию этимологизации гидронима Тамбов, которая признана как основная: 1) эрзя-мордовское «ТАМБАЛ» - значит «на другой стороне, там»; 2) мокшанско-мордовское «ТОМБАЛИ» - «на другую сторону»; «ТОМБАЛЕ» - «то же». Полезным в этой связи оказалось и наречие «ТАМБОЛЬ», зафиксированное в русской диалектной среде и означающее – «на другой стороне». Местные попытки этимологизировать иначе гидроним Тамбов исследователь отвергает,

---

¹⁴³ Барандеев А.В. История географических названий: русская топонимика в терминах. М., 2017. С. 301-302.

¹⁴⁴ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. 1966. С. 407.

так как «они не заслуживают серьезного внимания ввиду слабой доказательной базы и лингвистического непрофессионализма...»¹⁴⁵.

Согласно исследованиям Д.Н. Силина, ориентационным знаком на подступе к городу-крепости Тамбов были не только притоки Цны: Лесной Тамбов, Нару-Тамбов, но и «Волчья лощина»¹⁴⁶, историю и застройку которой автор изучил на основе данных энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹⁴⁷, а также губернским географическим справочникам¹⁴⁸ и планам города Тамбова. Ныне по отрогам той лощины расположены улицы 1-я Комендантская (Гоголя), 2-я Комендантская (Пионерская), Кузьминский тракт (Астраханская), ул. Ржавская. Ул. Приютская (Энгельса), ул. Варваринская (часть ул. Советской и Первомайской). Большая же часть лощины ныне представляет дно «Тамбовского моря». В народной топонимике название «Волчья лощина» сохранялось до наших дней. Среди обитателей «Волчьей лощины», покинутой волками, жили люди с «волчьим» характером: комендант Булдаков, который при наместнике С.Н. Неклюдове, прославившегося как взяточник и самодур, вырубил дубовую рощу, спускавшуюся в лощину и устроил там господский двор и подземелье, где истязали людей. О Булдакове ходили слухи, будто он волк-оборотень, нападающий на людей¹⁴⁹.

Заметным вкладом в научное осмысление ФТВ является исследование А.А. Бурькина, доктора филологических, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Словарного отдела Института лингвистических исследований (СПб). Алексей Алексеевич с 2008 года разрабатывал электронный ресурс «Библиотека лексикографа», что дало возможность засвидетельствовать факт употребления ФТВ и тщательно изучить контексты¹⁵⁰. Выражение «тамбовский волк» рассмотрено им как словосочетания с топонимическим компонентом, фразеологическая единица, речевая

---

¹⁴⁵ Барандеев А.В. История географических названий: русская топонимика в терминах. М., 2017. С. 301.

¹⁴⁶ Силин Д. Н. Легенды «волчьей лощины» города Тамбова // Возрождение и развитие традиций народной художественной культуры России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.И. Григорьева. Тамбов, 2010. 462 с.

¹⁴⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Большой энциклопедический словарь: в 82 т. Т. 32-а (64). СПб., 1901. 680 с.

¹⁴⁸ Кулибин Н. Географический очерк по Тамбовской губернии. СПб., 1865. С.3.

¹⁴⁹ Сохранский А.В. Легенды и предания тамбовского края. Тамбов, 2004. С. 87

¹⁵⁰ Бурькин А.А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования // Теоретическая и практическая лингвистика. 2015. Вып.1. № 4. С. 5-28.

фигура, культурный символ, региональный бренд. Бурькин выявил как наиболее раннее употребление ФТВ в художественной литературе – рассказ А. Новикова-Прибоя «Порченный», написанный в 1912 году. ФТВ в рассказе употребляется как характерная единица речи лагерного конвоя, а как самоидентификация крестьян, которые искали работы, но в силу разных обстоятельств стали участниками восстания. Всего же Бурькиным выявлено 262 контекста употребления ФТВ. Он же доказал, что выражение «брянский волк» и «ТВ» имеют принципиально разные истории, к тому же выражение «брянский волк» обнаруживает только 36 контекстов. Общим выводом. Явилось утверждение, что ФТВ является единицей народной речи, просторечья, а также связан с событиями крестьянской истории.

Неясность происхождения ФТВ часто становится причиной скептического отношения к этому региональному символу вообще. Однако чаще всего эта неясность открывает поле деятельности для фантастических построений, основывающихся только на общей эрудиции автора, который, не имея опоры на факты, творит региональную мифологию. Подобное мифотворчество так продуктивно, что его уже можно считать родом народного самодеятельного творчества.

ФТВ как символ РИ обладает богатыми возможностями в области организации социокультурной деятельности. Будучи менее консервативной, чем культурная традиция, символ РИ компенсирует недостаточность вестернизации как части процесса модернизации. ФТВ как бренд (имидж-образ) способен породить и порождает инициативный поток и в области предпринимательства, и в области народного творчества, как и творчества профессионального. «РИ – это внутренний (с точки зрения самих местных жителей) и обычно «нераскрученный» имидж территории, включающий внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего имиджа (с точки зрения мигранта, политтехнолога, организатора туризма, путешественника и т.д.)»¹⁵¹.

К числу особенных характеристик фразеологизма можно отнести большую насыщенность субэтническими компонентами, привязанность к ландшафту, ориентацию на местный патриотизм. Региональный культурный генотип результат длительного формирования местного самосознания. Результатом этого процесса и является фразеологизм «тамбовский волк» как символ региональной идентичности, как «ядро культурного генотипа», своего рода

---

¹⁵¹ Ганьшина Г.В., Чаус Н.В. ТВ. Символ или выдумка? // Российский сувенир. Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 4. С. 71-81.

«социокода», некоего «надличностного образования», существующего благодаря тому, что человек нуждается в символах социокультурной региональной идентификации.

Фразеологизм «тамбовский волк» является уникальной формой, идентификатором доминирующей региональной модели поведения, осмысленной в атрибутах традиционной и новой культуры. Как объект научного исследования представляет неисчерпаемый интерес для этнокультурологов, фольклористов, лингвистов, историков, искусствоведов, политологов, социологов, этнопсихологов и пр.

Как видно из приведенных сведений, фразеологизм является частью региональной топонимики, прочно входит в состав народной речи, прикреплен к крестьянской среде как доминантной в сумме выявленных контекстов, в ассоциациях носителей регионального типа культуры связан с самыми древними пластами исторической памяти, а вместе с тем является не только частью прошлого, но и настоящего.

Если идентифицирующим региональным символом фразеологизм делает топонимическая привязка – «тамбовский», то вторая часть – «волк» - находит богатейшее осмысление в контексте региональной традиционной культуры, что подтверждают наши собственные экспедиционные материалы, собранные в Тамбовской области в 2013 – 2017 годах, а также архивы и музейные собрания.

Полевые дневники Т.А. Зиминной, научного сотрудника РЭМ, показывают сохранность в Кирсановском районе памяти о «волчьих праздниках», которые происходят в январе¹⁵². О высоком статусе волка в фольклорных жанрах Тамбовщины свидетельствуют материалы РГО, где обнаружены заговоры охотников¹⁵³, ставящих капкан на волка, пословицы и поговорки о волке¹⁵⁴, сказки и загадки¹⁵⁵, хранящие архаичное представление о волке как аллегорическом атрибуте черт и свойств человека. В фондах Ю.М. Соколова, хранящихся в РГАЛИ обнаружены заговоры Егория Храброго, в которых упоминаются волки¹⁵⁶. Сложный состав образа волка обнаруживают сказки, записанные в разное время в Тамбовском крае и опубликованные в виде авторских сборников¹⁵⁷, в газетных изданиях¹⁵⁸ и пр. В заговорах от гръжи, записанных в Пичаевском районе встречается упоминание о

---

¹⁵² РЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 738, 2055.

¹⁵³ РГО. Разряд 109. Оп. 1. Д. 50.

¹⁵⁴ РГО. Разряд 40. Оп. 1. Д. 3.

¹⁵⁵ РГО. Разряд 40. Оп. 1. Д. 36.

¹⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 465.

¹⁵⁷ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Избранные тексты. Л., 1940. 460 с.

¹⁵⁸ Челищев А. Аграфена-сказительница // Тамбовская жизнь. 1994. 25 марта. С. 1.

волке, что соответствует общерусской фольклорной заговорной традиции¹⁵⁹.

Материалы РГО, а также современные нарративные материалы экспедиционного происхождения подтверждают высокий статус волка в традиционной культуре Тамбовской области, что демонстрируется живой традицией сказочной прозы, легенд о волке, обрядов и др. Ярким следом древних способов самоидентификации и консолидации в сообщества являются традиции сел Атманов угол, Троицкая Вихляйка, Вириатино, расположенных в лесной зоне Сосновского района. Здесь широко распространены легенды о стае волков, живущих в лесу рядом с отшельником старцем Симеоном, подчиняющихся ему и охраняющих его. Древность этих легенд мотивируется фактом принадлежности земель Троицкому Козловскому монастырю, древнейшему на территории тамбовского края. Связи этого монастыря с Саровом, Оптиной пустыней говорят о вероятности общей для названных мест традиции православного благочестия.

До сих пор соблюдается весенний обряд, приуроченный к Егорию вешнему, ходить в сосняк «задабривать волков». На Егория жители, водящие в домашнем хозяйстве скотину, ранним утром, в одиночку, чтобы никто не видел. Идут, не оглядываясь в сосняк (лес). Недалеко, на опушке леса надо прочесть специальный заговор и положить в куст, или невысоко на сучек краюшку хлеба, посыпанную солью. После чего, не оглядываясь, надо вернуться домой. Местные жители рассказывают о случаях, когда недоверяющие старому обычаю люди, не совершившие специальных действий. Были наказаны: скотина погибала. Особым почетом в среде пастухов пользовался святой Георгий Победоносец, как покровитель их ремесла. Имя святого упоминается и в заговорах охотников, ставящих капкан на волка и других зверей. Символика волка отражена в орнаментации «бойцовой рубахи», которую носили выдающиеся кулачки здешних мест.

На всем пространстве тамбовского края разлита сказовая традиция, передающая сказки, былички и легенды о волке, наиболее часто встречается мотив волка-оборотня, что вполне вписывается в общеславянский контекст¹⁶⁰.

---

¹⁵⁹ Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. 462 с.

¹⁶⁰ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 121-160.

Фразеологизм «тамбовский волк» имеет исключительную ценность как знак и символ региональной культурной идентификации по следующим причинам:

- Он прочно укоренен в массовом сознании как идентификатор качеств регионального этнопсихотипа;
- Является каналом преемственности традиционной и новой современной культуры;
- Транслирует структурную и семантическую связь с традиционными жанрами народного творчества: былины, легенды, топонимические легенды, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, приметы, игры, обряды, песни, частушки, орнаментация бойцовских рубах, нагрудные женские украшения, стереотипы поведения и пр.;
- Образует педагогический ресурс, воспитывая экологическое понимание системы отношений: Человек : Природа : Волк;
- Активно поддерживает интерес к региональному варианту традиционной культуры и региональной истории;
- Стимулирует творческую активность художественной деятельности, научной исследовательской работы, декоративно-прикладного творчества и пр.;
- Массовая трансляция объекта создает условия для активации творческого созидательного подхода к жизни;
- Поддерживает основания интеграции по признаку «землячества»;
- Развивает навыки гостеприимства и. т.д.

ФТВ является уникальным объектом, идентификатором доминирующей региональной модели поведения, осмысленной в атрибутах традиционной и новой культуры. Как объект научного исследования представляет неисчерпаемый интерес для этнокультурологов, фольклористов, лингвистов, историков, искусствоведов, политологов, социологов, этнопсихологов и пр.

Являясь частью аутентичной живой традиции, представлен в количественном отношении всем населением области сознательного возраста.

Состояние бытования фразеологизма «тамбовский волк». Живому состоянию бытования ФТВ ничто не угрожает, он преемственно наследуется новыми поколениями жителей Тамбовщины. Это способствует его умение выступать знаком и символом региональной культурной идентификации по следующим причинам:

- Он прочно укоренен в массовом сознании как идентификатор качеств регионального этнопсихотипа;
- Является каналом преемственности традиционной и новой современной культуры;
- Транслирует структурную и семантическую связь с традиционными жанрами народного творчества: былины, легенды, топонимические легенды, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, приметы, игры, обряды, песни, частушки, орнаментация бойцовских рубаш, нагрудные женские украшения, стереотипы поведения и пр.;
- Образует педагогический ресурс, воспитывая экологическое понимание системы отношений: «Человек : Природа : Волк»;
- Активно поддерживает интерес к региональному варианту традиционной культуры и региональной истории;
- Стимулирует творческую активность художественной деятельности, научной исследовательской работы, декоративно-прикладного творчества и пр.;
- Массовая трансляция объекта создает условия для активации творческого созидательного подхода к жизни;
- Поддерживает основания интеграции по признаку «землячества»;
- Развивает навыки гостеприимства. И. т.д.

ФТВ является уникальным объектом, идентификатором доминирующей региональной модели поведения, осмысленной в атрибутах традиционной и новой культуры. Как объект научного исследования представляет неисчерпаемый интерес для этнокультурологов, фольклористов, лингвистов, историков, искусствоведов, политологов, социологов, этнопсихологов и пр.

Форма бытования фразеологизма «тамбовский волк». ФТВ бытует как аутентичная форма, так как представлен речемыслительной деятельностью всего населения региона сознательного возраста. За пределами региона ФТВ так же широко известен, но в суженом и опрошенном значении, что показывает необходимость его популяризации как этнокультурного знака региона.

Поговорка (фразеологизм) «Тамбовский волк» (ФТВ) является неотъемлемой частью языкового сознания и активного словарного запаса жителей тамбовской области. ФТВ является наиболее употребительной поговоркой в основном своем варианте значения и используется в широкой коммуникации, обслуживая, главным образом, разговорно-бытовой стиль речи. Поле значений объекта обнаруживает тенденцию постоянного расширения, чему способствует

интерес СМИ. В функциональном пространстве публицистического стиля речи объект получает разнообразные коннотативные значения: от высоких поэтических до крайне отрицательных.

ФТВ служит знаком, символом, отсылающим языковое сознание к осмыслению антиномий: «свой: чужой», «местный: пришлый», «хороший: плохой», «добро: зло», «правда: ложь», «жизнь: смерть» и пр.

На фоне самого широкого употребления постоянно расширяется контекст ФТВ, что выражается в динамичном процессе нарастания вариативных форм. На основе базовых значений и их региолектных вариантов («навык вести себя, как волки», «вы (ты) тамбовские (ий) – значит волки, т.е. владеете навыками поведения волка») возникают варианты-неологизмы, имеющие форму поговорки, пословицы, басни, стихотворения, слогана: «Тамбовский волк тебе товарищ», «Тамбовский волк тебе товарищ», «Тамбовский волк – надежный друг» и пр.

Острота полемики между народным большинством, оценивающим ФТВ как положительно коннотированный, и меньшинством – как отрицательно, - конфликт мнений, поддерживающих продуктивность развития семантики ФТВ. Однако, и вне полемики ФТВ успешно существует в разговорно-бытовой речи, поддерживаемый полем значений концепта «волк» в традиционной народной культуре.

В качестве бренда ФТВ используется для продвижения самых разных товаров: сувениры, конфеты, водка, пиво, тушенка, сигареты, рассказовские носки и пр. Поле значений ФТВ является смысловым импульсом для создания произведений литературы и искусства: исторический роман Виктора Юнак «Тамбовский волк», сказка-фэнтези Сергея Панарина «Тамбовский квартет. Побег из Шапито» (волк – Серёга), скульптурные изображения, логотипы, книжные иллюстрации и интернет-иллюстрации и пр. ФТВ как мотиватор художественного творчества перешагнул границы региона: в 2004 году под слоганом «Человек. Волк. Природа. Кто кого?» вышел фильм «Весьегонская волчица» (режиссер, сценарист, продюсер - Николай Соловцов). В фильме снялся Олег Фомин, который вполне согласен с самоидентификацией «Тамбовский волк». Образ матери-волчицы как воплощение защитницы природы противопоставлен человеку, уничтожающему природу, дан в романе Ч. Айтматова «Плаха». В

повести В. Распутина «Живи и помни» образ волка характеризует сложную систему взаимоотношений «человек: волк»¹⁶¹.

Прочная укоренённость ФТВ в современной культуре и осознание объекта как явления региональной культурной традиции создают условия для сохранности объекта. Однако, в следствие неразумного недальновидного законодательства в области регистрации прав и выдачи патента частному предпринимателю Н. Хомутову на единоличное владение торговым знаком «Тамбовский волк», конституционное право народа владеть своим культурным достоянием нарушено, что может привести к разрушению структуры и семантики ФТВ.

Популяризация фразеологизма «тамбовский волк». Устная коммуникация, воспроизведение ФТВ в массовой коммуникации с целью солидаризации на основе экологически сбалансированного регионального символа, связанного с переживанием регионального историко-культурного опыта, не имеет жесткой привязанности ко времени. Актуализируется в коммуникативной ситуации самоидентификации. В культурном пространстве актуализируются метафорические значения ФТВ, которые логично связываются с праздниками воинскими, мероприятиями патриотического цикла, днями города и пр. ФТВ как вербальная акция предполагает позиционирование региональной, традицией закреплённой типовой модели поведения, демонстрации особенностей регионального культурного типа, характера, обеспечивающих жизнеспособность населения.

ФТВ является предметом самого широкого интереса мастеров декоративно-прикладного творчества и представителей малого бизнеса по изготовлению и продаже сувенирной продукции: значки, майки, кружки, планшеты, карты и пр.

ФТВ выражен архитектурно-скульптурными группами. Первое скульптурное изображение тамбовского волка принадлежит Михаилу Салычеву: в 1974 появилась скульптурная группа «Стая», 1992 – «Тамбовский волк» («Вой»), 1998 – «Тамбовская волчица». В 2004 скульптуру «Волк-витязь» создал Юрий Носков. В 2012 г. скульптура тамбовскому волку с надписью «Когда ты людям радость даришь, Тамбовский волк – тебе товарищ» установлена у гостиницы «Отель», скульптор В.А. Тихомиров. Автор деревянной скульптуры «Тамбовский волк – надёжный товарищ» на Рассказовском шоссе -

---

¹⁶¹ Юнак В. Тамбовский волк. М., 2008. 134 с.

В. Парамонов. Парамонов В. Скульптура из дуба «Тамбовский волк – верный друг».

Авторами скульптуры крылатого «Тамбовского волка» являются С. Лукьянов, В. Парамонов, В. Кулаев. «Тамбовский волк» стал символом столицы Нового 2016-1017 года; город украсила ледяная скульптура волка; Автор логотипа – Ольга Соловьева. Однако, философским обобщением символического образа ФТВ является монумент «Тамбовский мужик»; бронза; скульптор - В.С. Остриков, архитектор А.А. Филатов. Монумент посвящен тамбовскому крестьянству, пострадавшему в годы гражданской войны и крестьянской войны под предводительством А. Антонова. Вопрос об установке монумента «Тамбовскому волку» дискутировался в Тамбовской городской Думе.

Жизнеобеспечение и эффективность ООН не требуют регламентации, но предполагают соблюдение нравственно-этических норм в отношении уважительного отношения к региональному опыту социальной самоидентификации на основе образов традиционной народной культуры.

Образцы фольклорных свидетельств

Бывальщина

Записано в с. Остролучье Мичуринского района.

Судьба она у кажныва чилавек есть... От судьбы не уйдешь. Судьба придёт, на печки найдёт. Вот как. Кому чево на роду написано, так и бывает.

Худо знать судьбу. Всю жизнь бояться.

Мне дядя мой рассказывыл. Эт правда было. Вот как-то позвала его мамака крестить. Ну значит, в кумавя. У них тада первый родился, мальчик.

Ну вот, он приехал к ним на нычь. В церкву пытаму щёб рано иттить. Сам-то он не вдалях жил. Нук вродь всё равно. Людей уважить – пришел.

Вот вся семья спать паляглись, а он на печки лёг. И ня спица яму. Ни в своём мести ни кажный сможить. Ну вот. Чаво жа?

Младеньчика пылажили в кашолячку. Он спить. Все спять. А дядя мой, хоть спички вставляй. Затаилси – баица пывярунца, мальчика разбудить. Кричать начнёт - всю сямью всполошить.

Вот уж сколь прошло. На утре. Глять – по избе двоя идуць. Все в белым. И к кашолки, где младеньчик спить. Кто эт был. Эт ня нам знать. Кто эт был. Какой – т духи. Мужчины вродь. Вот ани взглянули на мальчика- та и сели за стол.

Адин гварить: - Эт мальчик вырыстить бальной, ладный. И всё у яго будить ладым. Счастья яму и удача. А другой гварить – нет. Вырыстить он бальной, ладный. Все яго будуть любить. Паедить он к вяңцу – ныпадуть ны няво волки и загрызуть...

Дядь мой – ня жив, ня мёртв. Ой, чаво жа?

Ну-ть как сделать?

Ничаво он никаму ни сказал. Пашли, пирикрястили младенчика. Он эт все всё в крёстных.

Сколькь время праходить – надыть сватца. А малый вышил хороший, сабой дюжа ладный. И пы характеру – тихай, как девка. Вот каму такая счастья дастанца?

Сасватыли яму тожа хорошию. Из другова сяла. Дело было зимою.

Вот поист сыбирають. Дядя мой, как он был крёсной, – впириди с жынихом. Он садица и ружьё с сабой бирётъ. Ны няво все: «Зачем ты? Зачем? Ружьё т вить ана тебе ни надыть. И зачем, и зачем?

Он: - Сам знаю ...

Вот едутъ. Сколь от сяла атьехьли – бягутъ волки, прям на поист бягутъ. Дядя стрельнул – стоя в рассыпную. А один матёрай – разбегси и на сани... Дядь ишшо – пулькнул в няго. Он и с ног далой. Упал. Кровь из няго хлышшитъ. Ну... Асनावились глянуть – какова волчару убили. Жаних падходить, ныкланисл... а волк вскачил – и хватъ яго за горло... И зарезал. И сам издох.

Вот страх. Каму какая доля, каму какая щастья... Ни пирьянить - А кто эт приходил та? К младенчику? Эт судьба-щастья прихадила. Ды на щастью-т ны ниё ни сядишь.

Вот.

Землячки Марии Мордасовой.

Бывальщина

Записано в 2005 году по рассказу М.Н. Мордасовой, частный аудио-архив Ф.А Монахова.

Пошла одна баба, черняновская, в лес по ягоду. В черняновских лесах ягода особая: румяная – от ласкового солнышка, ароматная – от серебряных вод, полная сил и здоровья - от целебного чернозёма.

А какие тут чернозёмы! Просто – ах, да и только! По весне, разбухшую в весенних водах, согретую мягким солнцем землю можно есть как сметану, такая она жирная и вязкая. Ну просто черпай землю ложкой, да клади в кашу...

Вот тут в первые годы советской власти как-то скрепер по весне застрял... Так его по сю пору не вытащили... Где там? Врос в землю, чуть поодаль от речки. Так и стоит теперь памятником взаимодействия человека с природой.

Знамениты тамбовские чернозёмы на весь мир. А черняновские особенно... Ведь это не просто тамбовские чернозёмы, это родина Марии Николаевны Мордасовой – королевы русской частушки. Вот только тут и мог появиться такой звонкий, озорной, такой щедрый певческими смыслами голос.

Если вы никогда в Черняном, или в Мазовке не бывали – значит, вы мало знаете о русских женщинах. По весне они, чтобы отдохнуть от семейных дел, копают огород. Летом для развлечения поливают огород размером с поле. Зимой – в пальто нараспашку бегают по воду, улыбаясь солнечному морозному дню.

М-да-а-а... Ну, так вот, идёт это баба черняновская по лесу. И уж вот полный кувшин земляники нарвала. Вдруг недалеко от неё кусты как затрещат... Глянула – бирюк... Да не бирюк, а бирючище... Шерсть дыбом, когти выпустил, на дыбки становится, рыкает... Но идёт не спеша: знает, бирючина бирючина, что на его стороне сила...

Что делать слабой женщине... Ружья то нету. И позвать некого: кордон далеко и от села уж отошла прилично...

Ну, думает, помогай Матерь Божия, Николай Угодничек... Пусть умереть мне тут, а только без боя не сдамся. Собрала она все силы, да как завизжит: с ольхи листья посыпались, из кувшина сок земляничный брызнул... А баба – прыг к бирюку, да как со всей мочи даст ему по носу... кувшином... Тот и упал... Бирюк испугался – и сдох... Вот ей Богу, не вру...

Вам смешно... В бабу теперь по селу бирючихой кличут. И всё припоминают, как бирючиха бирюка убила.

С бирюка-то потом шкуру сняли и в сельсовете повесили. Ветеринар сказал – от разрыва сердца бирюк издох. Вот как бабы черняновской испугался.

А кто не верит – поезжайте в Черняное. Там скажут и как её имя-отчетство и шкуру покажут... Вот как!

Фотоматериалы

Михаил Салычев. «Тамбовский волк»

*«Сказ о тамбовском волке» в клубе-музее «Бренды Тамбовщины».
Проект «Духовные скрепы». Занятие ведёт Л.Ю. Евтихиева*

Картина Р. Туктарова, посвященные мифологии «тамбовского волка»

Креативная зона выставки «Тамбовский волк». Клуб-музей «Бренды Тамбовщины»

Михаил и Антон Афанасьевы, отец и сын. Панно «Бренды Тамбовщины»

Кузнецов Анатолий Николаевич. Хранитель и собиратель легенд о тамбовских волках и народных традиций родного края

Атмановские кулачки

«Атмановские кулачки» - исторически сложившееся название коллективных кулачных боёв, проходящих в селе Атманов Угол Сосновского района Тамбовской области на престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы (по-местному – «Успенъев день»). «Атмановские кулачки» представляют собой род «воинской состязательно-игровой традиции», с помощью которой вырабатываются специальные умения, навыки и качества¹⁶². Традиция кулачек возникла как результат укоренения традиций русских переселенцев на территорию Дикого поля в XVI – XVII веках. Характерное деление населённых пунктов России в целом, и Тамбовщины в частности, на противоборствующие партии по территориальному признаку, является рудиментом военно-мобилизационного принципа организации, в далёком прошлом ориентированного на функции воинской дружины. Историк Б.В. Горбунов доказал, что коллективные кулачные бои проводились на всех территориях, где зафиксированы традиционные воинские игры¹⁶³ яркий самобытный характер. Уникальность этой фольклорной формы региональной культуры заключается в хорошей сохранности архаичных элементов традиции, целостности празднично-обрядового действия, живом бытовании, доступном восприятию современников. Игровая природа кулачек делает эту традицию массовым способом развития физической активности населения¹⁶⁴. Приуроченность событий к пограничному календарному времени, конец лета – начало осени, сообщает происходящему символическое значение, присущее обрядовой форме. Поэтика объекта окрашена в возвышенные смыслы религиозного православного праздника – Успения Пресвятой Богородицы, водительницы и покровительницы небесного воинства, покровительствующего защитникам отечества. Факт и характер участия в кулачном бое представителя мужского сообщества служат маркером «свой-чужой», выполняя функцию этнического знака, который позволяет носителям культурной традиции безошибочно выделять себя из окружающего мира, в том числе культурно противопоставить себя другим народам. Благодаря этому

---

¹⁶² Горбунов Б.В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских. М., 1999. С. 5., С.181.

¹⁶³ Горбунов Б.В. Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX – начала XX в. М., 1997. С. 10, 18

¹⁶⁴ Кыласов А.В. Методология и терминология этноспорта // Вестник спортивной науки. 2011. №5. С. 41-43.

осуществляется процесс национально-культурной идентификации. Воинское дело во все время отражало наиболее передовые достижения народа, было остриём, как в области науки и ремесла, так и в области педагогической мысли и техники (способов ведения рукопашного боя). Воинское умение являлось предметом особой гордости народа: эпос и народная молва, восхваляли героев, проявивших силу и ловкость в реальных и игровых поединках.

В 1648 году традиция кулачного боя была привнесена на «тамбовскую оборонительную линию» Белгородской засечной черты переселенцами из шацких сёл, Атманово и Берёзово. Основателем села, впервые упомянутого в составе Верхоценчковой дворцовой волости за 1676 годом, стал Савва Атманов «со товарищами».

Несмотря на то, что в советский период истории официальная власть искореняла традицию кулачек, в с. Атманов Угол она сохранялась в памяти и бойцовских навыках старейшего поколения до 90-х годов XX века, когда была подхвачена и возрождена на уровне самостоятельного этноспортивного движения в лице его лидера и исследователя А.С. Тедорадзе, который констатировал: «Кулачный бой в этом селе предстал перед нами не обиходной дракой, во что обычно перерождается традиция кулачных боёв в отрыве от этнокультурного обряда, а «примерным боем», включенным в праздник села. Как и все населённые пункты в прошлом, Атманов Угол поделён на противоборствующие партии - сотни. Эти партии противостояли друг другу в коллективных кулачных боях. В Атмановом Углу сотни - Поволжье, Крым, Лягушачье и Промартель - выступали против сотен - Вшивка, Терешата, Соловьята и Село. Праздник проходил в центре населённого пункта, где с самого основания села бились на кулачках». Партии являются трансформированными реликтами мужских союзов индоевропейских народов, в далёком прошлом ориентированных на функции военной дружины¹⁶⁵.

В селе Атманов Угол зафиксировано бытование кулачного боя «стенка на стенку» и «один на один», палочного боя «один на один» и поединка бойцов, вооруженных палками, «один на один». В прошлом здесь имела распространение борьба «не в схватку» и особый тип борьбы за вороток с захватом ворота и пояса. «Стеношный бой» - это противостояние противоборствующих сторон, идущих друг на друга - «стенка на стенку». Характерная черта стеношного боя – линейные построения, необходимость которых диктуется задачей состязания:

---

¹⁶⁵ Горбунов Б.В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских. М., 1999. С. 5, 181.

вытеснить противоположную партию с боевой площадки. Отступивший противник перегруппировывался, собирал новые силы, и после передышки, снова вступал в бой. Таким образом, бой состоял из отдельных схваток и длился обычно несколько часов до тех пор, пока одна из сторон окончательно не одолевала другую. Правила боя следующие: - вести бой честно «по любви»; - «в зашей», «в тыл» не бить; - «с крыла» (сбоку, когда соперник не видит) не бить; - лежачего не бить; - ногами, с подножкой не бить; - закладок не иметь. По неизменной традиции кулачки начинают дети, затем их сменяют подростки и в завершении праздника бьются взрослые бойцы. Задача боя прогнать команду соперников на их сторону села. Как только задача достигнута бой прекращается. Заключительная часть этой боевой забавы - замирение, которое происходит за общей трапезой.

По обычаю, празднование начиналось с официальной религиозной части. Она включала в себя посещение утренней службы, прослушивание торжественной литургии, участие в молебне с водосвятием и в крестном ходе. Мирская часть праздника состояла из приёма гостей, проведения трапез и всеобщих «улишных» гуляний. По воспоминаниям старожилов села можно судить, что «Атмановские кулачки» являлись событием, привлекавшим внимание не только жителей села Атманов Угол, но и окрестных сёл. Принято было считать, что приезжие, «званные и незванные» оказывают своим посещением селу честь, а многолюдство праздника расценивалось как признание всеми гостеприимства и богатства атмановцев. В прошлом в престольный праздник села Атманов Угол перед каждым домом хозяева устанавливали стол с самоваром и всякими яствами, угощая гостей села и соседей. Русское чаепитие самое сытное и в его центре, в отличии от чайных церемоний других народов, всегда находится человек. После обеда жители и гости села собирались на «Парадке» - центральной площади. Здесь вели беседы, пели песни под гармошку, плясали.

Укоренённость и развитость обычая кулачного боя подтверждается богатством атрибутивных форм, детализирующих значимые символы обрядов Успеньева дня села Атманов Угол. Прежде всего это традиционный костюм кулачника: бойцовская рубаха, пиджак, пояс под рубаху, пояс верхний, порты, сапоги или ботинки, картуз; встречается обычай заматывать запястье шерстяной ниткой, либо надевать род шерстяных вязаных перчаток, обхватывающих запястье и кисть, оставляя открытыми пальцы.

Одежда женщин также была традиционно нарядной, праздничной. Это могли быть «парочки», передники, корсетки, или

жакетки, платки и шали, на ногах – сапоги, или ботинки. Старшее поколение носило сарафаны на тонких лямках и рубаху-тушку. Из иных сёл могли приезжать женщины в панёвном комплексе одежды, что служило опознаваемым знаком местности.

За кулачками на Успенъев день были закреплены специальные блюда: «щи из петуха», которыми кормили кулачных бойцов; «ушное» - особый суп из ливера, муки и специй; «Кулачные блины» - их не только ели, но и прикладывали к синякам и ушибам в лечебных целях.

Украшением Успенского снопа и орнаментальным символом престольного праздника является характерный тканый «белым по белому» узорный мотив на «успенском полотенце», который в местной традиции имеет специальное название – «Боярское колесо». Орнаментальный мотив «боярское колесо» является яркой местной особенностью традиционного ткачества «белым по белому», встречается на иконном (чаще всего - богородичном) полотенце, является также неотъемлемой частью местного погребально-поминального обряда. Мотив часто соседствует с другими местными орнаментальными сюжетами: «сосна», «ёлка», «шишка», «гриб».

Нельзя представить себе успенского курагодного гуляния без гармошек, под которые с разных концов («порядков») села шли «гулеваншики» на «Парадку». Под гармошку пели и специальную песню, посвященную атмановским кулачникам, - «Приходит праздник День Успенъев».

В народе бытовала и специальная кукла «Ломец – атмановский боец», которую делали исключительно мальчики, либо для мальчиков. Кукла представляет собой крестовину из сосновых веток, к которой прикрепляется нитями тряпичная голова, а также кулаки, свободно и широко размахивающие из стороны в сторону. Игровой бой с такими куклами предполагал победителя, который, манипулируя своей куклой сбивал шапку с головы куклы противника.

Глубокий историко-культурный след местной традиции кулачного боя образует микропонимика сёл Атманов Угол и Троицкая Вихляйка. Несмотря на то, что сельские улицы имеют официальные названия, местные жители ориентируются на старые имена порядков и подворий. В Атмановом Углу это порядки: «Село», «Поволжье», «Крым», «Соловьята», «Вшивка», «Лягушата», «Семичаты». Наиболее престижным местом жительства считается порядок «Село», это центр поселения, где расположены основные учреждения (церковь, школа). Наиболее удалённый район выселок, где селилась беднейшая часть атмановцев, называют «Вшивкой», тем самым обозначая социальный статус жителей. Порядки «Соловьята» и

«Семичата» получили название от первопоселенцев этих участков села – Соловьёвы и Семичёвы. Порядки «Поволжье», «Крым», «Лягущата» названы по особенностям рельефа местности. «Поволжье» - район села, расположенный за р. Челновая. «Крым» - район села, уходящий на высокие бугры. «Лягущата» образовано от микротопонима «Лягущевка», то есть заболоченная низина, где в большом количестве водятся лягушки.

Большая часть выдающихся атмановских кулачников относится к порядкам «Село» и «Соловьята». Богатые бойцовские традиции села Троицкая Вихляйка связаны с порядком «Елдовка»¹⁶⁶, примыкающим к атмановским «Соловьятам». И здесь, как и в Атмановом Углу, собирали бойцов по подворьям, наиболее богаты бойцами подворья сохранила народная память. Например, за подворье Ивана Тагана бились братья – Толёк Штегарь, Могила, Коля Косой, Вася Лебя, Гринёк. Все они жили на «Елдовке». Постоянный их противник с атмановской стороны, Иван Петрович Квасов по прозвищу «Драка», с восхищением характеризует вихляйских бойцов: «Все отчаянные - нельзя»¹⁶⁷.

Порядки включают подворья, на которых выросли выдающиеся кулачники: «Калантята», «Беляков», «Кулешата», «Горетый», «Максимкин» - все они названы по именам и прозвищам основателей подворий. Например, название «Горетый» образовано не от пострадавшего от пожара места, а от прозвища «Горетый», данного атмановцу по его выдающейся смуглости лица. «Беляковы» - это прозвище по характерному признаку внешности. Менее очевидное объяснение имеют подворья «Калантята» и «Кулешата». «Кулешата» - от прозвища кулачника «Кулеша», Александра Леонтьевича Неверова с порядка «Соловьята». Название порядка «Калантята», которое сейчас жители сёл Сосновского района никак не объясняют, возможно происходит от прозвища далёкого предка, который по роду занятий был оружейником, изготавливающим воинский доспех. «Калантарь» - это кольчато-пластинчатый доспех, распространённый в XVI веке, наряду с «бахтерцами» и «юшманами»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Елдовка – край села, удалённое, укрытое место.

¹⁶⁷ Здесь и далее приводятся данным полевым исследований (2014-2019) Колчева Виктора Юрьевича в сёлах Атманов Угол и Троицкая Вихляйка.

¹⁶⁸ Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов 16 века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т.5. – С. 451-454; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. СПб., 2008. С. 391-396.

Богатый материал для историко-филологического анализа дают прозвища выдающихся кулачников сёл Аьманов Угол и Троицкая Вихляйка. Словообразовательные мотивы большинства прозвищ в большинстве очевидны, в основе их - наиболее яркая характеристика внешности и/или манеры поведения: Василий Агафин – «Жеребец», Сергей Квасов – «Бык», Иван – «Буйвол», Николай Колесников – «Котик», Александр Бурлин – «Конёк», Василий – «Гусь», Иван – «Буян», «Коля Косой», «Иван Могила», Алексей Дьячков – «Лёня Глухой», Иван Квасов - «Драка».

Также очевидны прозвища, произведённые от имён, фамилий и дедичеств членов подворий кулачников: «Коля Яшкин» (Яшка, Яша – от канонического Яков), «Иван Алексев», «Сашка Пронькин» (Пронька, Проня – уменьшительное к каноническим именам Прокл, Прокопий, Протасий, Прохор), «Коля Васюнин» (Васюня, Вася – от канонического Василий, как «Сергуня – Сергей»), «Гринёк» (Гришка, Гриня, Гринёк – краткая форма от канонического «Григорий», как «Женя – Женёк»); «Зотка» (Зотка, Зотей – просторечное от канонического Изот), «Петька Зоткин», «Ваня Зоткин», «Ваня Зинят» (сокращение от «Зинятка», то есть уменьшительное имя «Зиня» от канонического «Зиновий»), «Толёк Микичёв» (Толёк – уменьшительное к Анатолий, Микичёв – просторечное «Микита» от канонического «Никита»).

К числу прозвищ, образованных от клички предка, давшей мотив для подворной фамилии, возможно, относятся прозвищные имена кулачников из порядка «Село» - Неверова Герасима и Неверова Николая, которых односельчане кличут: «Гараська Воспенников» и «Микулай Воспенников». Вероятно, общего предка Неверовых кликали «воспненным», то есть «оспненным», с лицом, покрытым следами от оспы, в диалектной среде – «воспы». Протетический «в» здесь появился также, как в диалектных словах: «вострый» (острый), «вулица» - улица и пр. Заметим, что в украинском и белорусском языках протетический «в» в обозначении болезни является нормативным: «віспа» (укр.), «воспа» (блр.)¹⁶⁹. Яркие краски местного говора ощутимы и в именах «Гараська» (просторечная форма от канонического «Герасим») и «Микулай» («Микула» - в народной традиции просторечное обращение к Николаю¹⁷⁰, возможно это контаминация имён Николай и Михаил.

---

¹⁶⁹ Школьный этимологический словарь русского языка / сост. Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М., 2004. 398 с.

¹⁷⁰ Петрухин В.Я. Мифологический словарь. М., 1990. С. 358.

Польский, белорусско-украинский след хранит прозвище «Гурнович», принадлежащее кулачнику Фёдору Фёдоровичу Квасову с подворья Квасовых, с порядка «Калантята». Это обиходная форма крестильного имени Гурий (с древнееврейского – «львёнок»), обиходная форма – Гуря, Гура. Эта форма широко распространена в Польше, Белоруссии, Украине.

Другие же прозвища требуют глубокого осмысления, тем более что наши информаторы затрудняются дать объяснение некоторым прозвищным именам.

Общий образ зрительного восприятия фигуры человека запечатлён в прозвищах «Мосол» (тюрк. - крупная кость, прежде всего, бедренная) и «Таган» (тюркское – «жаровня»; греч. «сковорода»). Прозвище «Грибан» носили представители подворья Долговых (Григорий, Иван Григорьевич, Сергей Григорьевич) из порядка «Вшивка», жители которого активно занимались грибным промыслом. Сам Василий Петрович Квасов, глубоко почитаемый атмановский кулачник, не мог объяснить своей клички «Вожжюня». Опыт личного общения с этим человеком показал, что Василий Петрович очень общительный, инициативный, любящий хорошую компанию, то есть он любит тесные отношения, которые характеризует глагол «возжаться».

Богатый материал для историко-филологического анализа дают прозвища кулачников порядка «Елдовка». Так, кулачника Василия кликали «Вася Лебя», от детского прозвища «Лебя», так звали Васю в детстве за то, что он долгое время не выговаривал звук «р». Вместо общепринятого приятельского обращения к группе мальчиков «Ребя» (ребята), он произносил – «Лебя». Прозвище «Толёк Штегарь» требует обращения к уральским говорам: «штегарь» - начальник смены рудобоев на Среднем Урале, употребляется в сказах П.П. Бажова.

В прозвище может отражаться социологическая характеристика человека: где живет, чем занимается, какие черты характера и поведения отмечены обществом и прочее.

Например, прозвище Александра Ивановича Неверова «Глина» может восходить к древней словообразовательной форме топонимов: Глинки, Глиница, Глинки, Глинск, характерные для районов Полесья, включающего русские, белорусские, украинские, польские территории. Эта форма продуктивна и на Тамбовщине: в лесном Сосновском районе, а также в приречных лесных зонах Поценья (д. Глинкины в приходе с. Куньи Липяги) и Лесного Воронежа (ул. Глинки в с. Подгорное Староюрьевского района). Топонимы дали основу для

образования фамилий аристократических (князья Глинские) и демократических, а также прозвищ¹⁷¹.

Нелегко объяснить прозвище бойца Александра Пивоварова с порядка «Крым» - «Санёк Заклишка». «Заклинивать» - укреплять клином, клиньями, например, при насадке топора на топорище. «Заклинок» - клинышек», вбиваемый в топорище, молотовище и пр. само действие – «заклинка». «Заклинщик» - это тот, кто заклинивает, то есть вбивает «клин». Поле значений слова «клин» в местном говоре очень широко. Это и деревянная заготовка (сточенный на угол брусок) для «заклинивания», и деталь традиционной одежды (рубаша, сарафан, кафтан и пр.), и норма вспашки поля, это тактический ход во время кулачного боя «стенка на стенку» - вход кулачника (кулачников) в стенку противника и проделывание в ней бреши; один из способов осуществления такого входа – расталкивание противников локтями.

Образ клина продуктивен в пословично-поговорочной традиции: «Клин клином вышибают», «Куда ни кинь – везде клин», «Подбил клин под овсяный блин», «Белый свет не клином сошелся», «К богатству борода растёт лопатой, а клином – к бедности», «Кабы не клин, да не мох, то и плотник бы сдох». Особое значение «заклинивания» для плотника объяснимо, так как с помощью вбивания клиньев укрепляли навесы ворот. Вбивание клина, как вбивание кола, имеет ритуальное значение. Например, вбивание в угловые стыки сруба осиновых кольев должно было защитить жилище от нечистой силы. В целом, плотницкое дело в традиции сёл Сосновского района перспективная тема специального исследования.

Прозвище «Кулеш» как характеристика кулачника хорошо закреплена в местном понимании мужской традиционной культуры. «Кулешата» - это подворье на порядке «Соловьята», где «Кулешами» называли выдающихся кулачников. Основанием считать «кулеш» символом силы и ловкости являются свойства широко распространенного блюда традиционной народной кухни и обычая, с ним связанные. «Кулеш» - пшенная похлёбка, которая заправляется салом, её легко приготовить в походных условиях. «Не хошь кулеш, ничего не ешь» - так говорят о неоправданно притязательных едоках, а «Кулешами» называют неприхотливых, сильных и упитанных людей. Очевидно именно такие мужики выростали на подворье «Кулешат», так вспоминают известного атмановского кулачника – Александра Леонтьевича Неверова. Однако, точку в этом рассуждении ставить нельзя, так как некоторые жители интересующее нас подворье

---

¹⁷¹ Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981. 176 с.

называют «КулИшата», а слово «кулиш» совершенно иное по значению. «КулИшами ходить» - так в местной традиции называют святочных ряженных, которые под Крещение ходят по селу, переодетые в вывороченные шубы. «Кулишата» - мелкие водяные пакостники. «нечистки», которые пробивают лёд в проруби на святках своими острыми головами и всяко бесчинствуют. Закономерно, что в крещенскую неделю не принято было ходить полоскать бельё на прорубь, чтобы не зацепился «кулиш»¹⁷².

В общем ряду прозвищ кулачных бойцов обращает на себя внимание наименование «Колчак», так называли бойцов подворья Малиных порядка «Село»: Василий Яковлевич Малин – Колчак старший, Иван Васильевич Малин – Колчак младший, оба славятся, как «лучшие кулачные бойцы»¹⁷³; первый был лучшим «ломцом» в 50-е-60-е годы XX века, а второй – в 70-е – 80-е. Хотя и сейчас в селе Атманов Угол живут родственники и потомки «Колчаков», никто не помнит откуда взялась именно эта кличка. Можно предположить, что это народная память о лидере белого движения¹⁷⁴, адмирале А.В. Колчаке, человеке легендарного мужества,¹⁷⁵ теоретике и практике морского боя, активном участнике Русско-Японской и Первой мировой войны, талантливом исследователе северных морей, организаторе Русской Полярной экспедиции, инициаторе первого прохода русскими ледоколами Северного Ледовитого океана, в 1918 году был предан Чехословацким легионом и в 19120-м расстрелян красными¹⁷⁶. К роду Колчаков имеется и тамбовская «тропинка»: основателем династии Колчаков считают Фёдора Колыча, потомка сподвижника святого благоверного князя Александра Невского – Александра Кобылы. От Фёдора Колыча производят фамилию «Колычевы», Колычевы активно участвовали во взятии Казани, находились в родстве с крупными тамбовскими землевладельцами Шереметьевыми¹⁷⁷.

Показательна и символична традиция этимологизировать фамилию «Колчак»: некоторые исследователи считают её тюркской (в крымско-татарском языке «qolcaq» - значит «железная рукавица»).

---

¹⁷² Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. 446 с.

¹⁷³ По данным полевых исследований (2014-2019) Колчева Виктора Юрьевича.

¹⁷⁴ Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917-1929. М., 2006. 252 с.

¹⁷⁵ Князев В.В. Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала Колчака ротмистра В.В. Князева. Тюмень, 1991. 32 с.

¹⁷⁶ Ташлыкков С.Л. Колчак // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 568.

¹⁷⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1074. 382 с.

Тюркскую версию поддерживают: мужское имя «Кылыч» (меч, сабля), терминология вооружения – «колчак» (турецкое «наручи»), било «кол» (тюрк. отряд, войско). По русской версии фамилия Колчак происходит от русского слова «колча», то есть человек с особыми ногами¹⁷⁸. От того же слова «колча» происходит фамилия Колычев¹⁷⁹.

Отметим, говоры сёл Атманов Угол и Троицкая Вихляйка поддерживают часть однокоренных слов и ассоциативов русского этимона «колча». М. Фасмер сближает такие слова, как «колченогий» (хромой), «колчки» (ухабы на дорогах), «колтать» (в местном говоре – жевать беззубым ртом, у Фасмера – «колтыхать») с польским, чешским, словацким, латышским - «палка, колода».

Ещё больше ассоциативов находим в словаре В.И. Даля, помеченных как «тамбовское» и имеющих аналоги в местных говорах: «колченогий» - человек с особыми ногами: хромой, коротконогий, «ноги колесом», либо «ноги хером»; «колчить» - хромать; «кол» - шест, заостренная с одной стороны палка, может означать дубину; «колк» - нижняя часть рога быка; «колки» - иголки хвойного дерева, т.е. хвоя; «колок» - роща, лесок, поросший островок, ср. «Вызвал волка из колка»; «колдобина», «колдобина» - выбоина на дороге; «калдай» - род кистеня, подвешенного к поясу, ср. «Коли безмен под руками, так и кайдая не надо»; «колдай» – палка с корневищем, «кошёвка»; «каланда» - дубина, болван; «калга» - не точеная самодельная грубая чашка, вытесанная топором; «калгатиться» - беспокоиться (в татарском «калгаза», «калгаша» - беспокойство, тревога, хлопоты, суета); «колготать» – спорить, вздорить, ворчать, о человеке «колготной», значит, вздорный, беспокойный; «калич» - увечный; «калечить» – делать увечным, ср. «Калечат не годы, а невзгоды»; «калечня» – живодёрня, ср. у коновалов «кол» - это конский клык, зуб между резцами и кутными зубами; «кутлыкать» - жевать; «калижки» - (лат. Calica), башмаки, чапчуры, выступки, черевички, обутки, поршни – обувь косцов, пастухов, странников, покойников; «колдун» от утраченного «кълдь», т.е. «говорящий», ср. лит. kalba – речь, язык; греч. kaleo – зову, колокол.

Глубокий историко-культурный след местной традиции кулачного боя образует микропонимика сёл Атманов Угол и Троицкая Вихляйка. Несмотря на то, что сельские улицы имеют официальные названия, местные жители ориентируются на старые имена порядков и подворий. В Атмановом Углу это порядки: «Село», «Поволжье», «Крым», «Соловьята», «Вшивка», «Лягушата»,

---

¹⁷⁸ Хромые, долговязые, «колесом», «иксобразные» и др.

¹⁷⁹ Веди́на Т.Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М., 2008. С. 422-423.

«Семичаты». Наиболее престижным местом жительства считается порядок «Село», это центр поселения, где расположены основные учреждения (церковь, школа). Наиболее удалённый район выселок, где селилась беднейшая часть атмановцев, называют «Вшивкой», тем самым обозначая социальный статус жителей. Порядки «Соловьята» и «Семичата» получили название от первопоселенцев этих участков села – Соловьёвы и Семичёвы. Порядки «Поволжье», «Крым», «Лягушата» названы по особенностям рельефа местности. «Поволжье» - район села, расположенный за р. Челновая. «Крым» - район села, уходящий на высокие бугры. «Лягушата» образовано от микротопонима «Лягушечка», то есть заболоченная низина, где в большом количестве водятся лягушки.

Большая часть выдающихся атмановских кулачников относится к порядкам «Село» и «Соловьята». Богатые бойцовские традиции села Троицкая Вихляйка связаны с порядком «Елдовка»¹⁸⁰, примыкающим к атмановским «Соловьятам». И здесь, как и в Атмановом Углу, собирали бойцов по подворьям, наиболее богатыми бойцами подворья сохранила народная память. Например, за подворье Ивана Тагана бились братья – Толёк Штегарь, Могила, Коля Косой, Вася Лебя, Гринёк. Все они жили на «Елдовке». Постоянный их противник с атмановской стороны, Иван Петрович Квасов по прозвищу «Драка», с восхищением характеризует вихляйских бойцов: «Все отчаянные - нельзя»¹⁸¹.

Порядки включают подворья, на которых выросли выдающиеся кулачники: «Калантята», «Беяков», «Кулешата», «Горетый», «Максимкин» - все они названы по именам и прозвищам основателей подворий. Например, название «Горетый» образовано не от пострадавшего от пожара места, а от прозвища «Горетый», данного атмановцу по его выдающейся смуглости лица. «Беяковы» - это прозвище по характерному признаку внешности. Менее очевидное объяснение имеют подворья «Калантята» и «Кулешата». «Кулешата» - от прозвища кулачника «Кулеша», Александра Леонтьевича Неверова с порядка «Соловьята». Название порядка «Калантята», которое сейчас жители сёл Сосновского района никак не объясняют, возможно происходит от прозвища далёкого предка, который по роду занятий был оружейником, изготавливающим воинский доспех. «Калантарь» -

---

¹⁸⁰ Елдовка – край села, удалённое, укрытое место.

¹⁸¹ Здесь и далее приводятся данным полевым исследований (2014-2019) Колчева Виктора Юрьевича в сёлах Атманов Угол и Троицкая Вихляйка.

это кольчато-пластинчатый доспех, распространённый в XVI веке, наряду с «бахтерцами» и «юшманами»¹⁸².

Богатый материал для историко-филологического анализа дают прозвища выдающихся кулачников сёл Аьманов Угол и Троицкая Вихляйка. Словообразовательные мотивы большинства прозвищ в большинстве очевидны, в основе их - наиболее яркая характеристика внешности и/или манеры поведения: Василий Агафин – «Жеребец», Сергей Квасов – «Бык», Иван – «Буйвол», Николай Колесников – «Котик», Александр Бурлин – «Конёк», Василий – «Гусь», Иван – «Буян», «Коля Косой», «Иван Могила», Алексей Дьячков – «Лёня Глухой», Иван Квасов – «Драка».

Также очевидны прозвища, произведённые от имён, фамилий и дедичеств членов подворий кулачников: «Коля Яшкин» (Яшка, Яша – от канонического Яков), «Иван Алексей», «Сашка Пронькин» (Пронька, Проня – уменьшительное к каноническим именам Прокл, Прокопий, Протасий, Прохор), «Коля Васюнин» (Васюня, Вася – от канонического Василий, как «Сергуня – Сергей»), «Гринёк» (Гришка, Гриня, Гринёк – краткая форма от канонического «Григорий», как «Женя – Женёк»); «Зотка» (Зотка, Зотей – просторечное от канонического Изот), «Петька Зоткин», «Ваня Зоткин», «Ваня Зинят» (сокращение от «Зинятка», то есть уменьшительное имя «Зиня» от канонического «Зиновий»), «Голёк Микичёв» (Голёк – уменьшительное к Анатолий, Микичёв – просторечное «Микита» от канонического «Никита»).

К числу прозвищ, образованных от клички предка, давшей мотив для подворной фамилии, возможно, относятся прозвищные имена кулачников из порядка «Село» - Неверова Герасима и Неверова Николая, которых односельчане кличут: «Гараська Восьпенников» и «Микулай Воспенников». Вероятно, общего предка Неверовых кликали «воспненным», то есть «оспенным», с лицом, покрытым следами от оспы, в диалектной среде – «воспы». Протетический «в» здесь появился также, как в диалектных словах: «вострый» (острый), «вулица» - улица и пр. Заметим, что в украинском и белорусском языках протетический «в» в обозначении болезни является нормативным: «віспа» (укр.), «воспа» (блр.)¹⁸³. Яркие краски местного говора ощутимы и в именах «Гараська» (просторечная форма от канонического «Герасим») и «Микулай» («Микула» - в народной

---

¹⁸² Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов 16 века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т.5. С. 451-454.

¹⁸³ Школьный этимологический словарь русского языка / сост. Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. 7-е изд. М., 2004. 398 с.

традиции просторечное обращение к Николаю¹⁸⁴, возможно это контаминация имён Николай и Михаил.

Польский, белорусско-украинский след хранит прозвище «Гурнович», принадлежащее кулачнику Фёдору Фёдоровичу Квасову с подворья Квасовых, с порядка «Калантята». Это обиходная форма крестильного имени Гурий (с древнееврейского – «львёнок»), обиходная форма – Гуря, Гура. Эта форма широко распространена в Польше, Белоруссии, Украине.

Другие же прозвища требуют глубокого осмысления, тем более что наши информаторы затрудняются дать объяснение некоторым прозвищным именам.

Общий образ зрительного восприятия фигуры человека запечатлён в прозвищах «Мосол» (тюрк. - крупная кость, прежде всего, бедренная) и «Таган» (тюркское – «жаровня»; греч. «сковорода»). Прозвище «Грибан» носили представители подворья Долговых (Григорий, Иван Григрьевич, Сергей Григорьевич) из порядка «Вшивка», жители которого активно занимались грибным промыслом. Сам Василий Петрович Квасов, глубоко почитаемый атмановский кулачник, не мог объяснить своей клички «Вожжюня». Опыт личного общения с этим человеком показал, что Василий Петрович очень общительный, инициативный, любящий хорошую компанию, то есть он любит тесные отношения, которые характеризует глагол «возжаться».

Богатый материал для историко-филологического анализа дают прозвища кулачников порядка «Елдовка». Так, кулачника Василия кликали «Вася Лебя», от детского прозвища «Лебя», так звали Васю в детстве за то, что он долгое время не выговаривал звук «р». Вместо общепринятого приятельского обращения к группе мальчиков «Ребя» (ребята), он произносил – «Лебя». Прозвище «Толёк Штегарь» требует обращения к уральским говорам: «штегарь» - начальник смены рудобоев на Среднем Урале, употребляется в сказах П.П. Бажова¹⁸⁵.

В прозвище может отражаться социологическая характеристика человека: где живет, чем занимается, какие черты характера и поведения отмечены обществом и прочее.

Например, прозвище Александра Ивановича Неверова «Глина» может восходить к древней словообразовательной форме топонимов: Глинки, Глиница, Глинки, Глинск, характерные для районов Полесья,

---

¹⁸⁴ Петрухин В.Я. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М., 1990. С. 358.

¹⁸⁵ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 7 / авт.-сост. Ю.В. Алабугина Свердловск, 1988. 188 с.

включающего русские, белорусские, украинские, польские территории. Эта форма продуктивна и на Тамбовщине: в лесном Сосновском районе, а также в приречных лесных зонах Пощенья (д. Глинкины в приходе с. Куньи Липяги) и Лесного Воронежа (ул. Глинки в с. Подгорное Староюрьевского района). Топонимы дали основу для образования фамилий аристократических (князя Глинские) и демократических, а также прозвищ¹⁸⁶.

Нелегко объяснить прозвище бойца Александра Пивоварова с порядка «Крым» - «Санёк Заклишка». «Заклинивать» - укреплять клином, клиньями, например, при насадке топора на топорище. «Заклинок» - клинышек», вбиваемый в топорище, молотовище и пр. само действие – «заклинка». «Заклинщик» - это тот, кто заклинивает, то есть вбивает «клин». Поле значений слова «клин» в местном говоре очень широко. Это и деревянная заготовка (сточенный на угол брусок) для «заклинивания», и деталь традиционной одежды (рубаха, сарафан, кафтан и пр.), и норма вспашки поля, это тактический ход во время кулачного боя «стенка на стенку» - вход кулачника (кулачников) в стенку противника и проделывание в ней бреши; один из способов осуществления такого входа – расталкивание противников локтями.

Образ клина продуктивен в пословично-поговорочной традиции: «Клин клином вышибают», «Куда ни кинь – везде клин», «Подбил клин под овсяный блин», «Белый свет не клином сошелся», «К богатству борода растёт лопатой, а клином – к бедности», «Кабы не клин, да не мох, то и плотник бы сдох». Особое значение «заклинивания» для плотника объяснимо, так как с помощью вбивания клиньев укрепляли навесы ворот. Вбивание клина, как вбивание кола, имеет ритуальное значение. Например, вбивание в угловые стыки сруба осиновых кольев должно было защитить жилище от нечистой силы. В целом, плотницкое дело в традиции сёл Сосновского района перспективная тема специального исследования.

Прозвище «Кулеш» как характеристика кулачника хорошо закреплена в местном понимании мужской традиционной культуры. «Кулешата» - это подворье на порядке «Соловьята», где «Кулешами» называли выдающихся кулачников. Основанием считать «кулеш» символом силы и ловкости являются свойства широко распространенного блюда традиционной народной кухни и обычаи, с ним связанные. «Кулеш» - пшенная похлёбка, которая заправляется салом, её легко приготовить в походных условиях. «Не хошь кулеш, ничего не ешь» - так говорят о неоправданно притязательных едоках, а «Кулешами» называют

---

¹⁸⁶ Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М., 1981. 176 с.

неприхотливых, сильных и упитанных людей. Очевидно именно такие мужики вырастали на подворье «Кулешат», так вспоминают известного атмановского кулачника – Александра Леонтьевича Неверова. Однако, точку в этом рассуждении ставить нельзя, так как некоторые жители интересующее нас подворье называют «КулИшата», а слово «кулиш» совершенно иное по значению. «КулИшами ходить» – так в местной традиции называют святочных ряженных, которые под Крещение ходят по селу, переодетые в вывороченные шубы. «Кулишата» – мелкие водяные пакостники. «нечистки», которые пробивают лёд в проруби на святках своими острыми головами и всяко бесчинствуют. Закономерно, что в крещенскую неделю не принято было ходить полоскать бельё на прорубь, чтобы не зацепился «кулиш»¹⁸⁷.

В общем ряду прозвищ кулачных бойцов обращает на себя внимание наименование «Колчак», так называли бойцов подворья Малиных порядка «Село»: Василий Яковлевич Малин – Колчак старший, Иван Васильевич Малин – Колчак младший, оба славятся, как «лучшие кулачные бойцы»¹⁸⁸; первый был лучшим «ломцом» в 50-е-60-е годы XX века, а второй – в 70-е – 80-е. Хотя и сейчас в селе Атманов Угол живут родственники и потомки «Колчаков», никто не помнит откуда взялась именно эта кличка. Можно предположить, что это народная память о лидере белого движения¹⁸⁹, адмирале А.В. Колчаке, человеке легендарного мужества,¹⁹⁰ теоретике и практике морского боя, активном участнике Русско-Японской и Первой мировой войны, талантливом исследователе северных морей, организаторе Русской Полярной экспедиции, инициаторе первого прохода русскими ледоколами Северного Ледовитого океана, в 1918 году был предан Чехословацким легионом и в 19120-м расстрелян красными¹⁹¹. К роду Колчаков имеется и тамбовская «тропинка»: основателем династии Колчаков считают Фёдора Колыча, потомка сподвижника святого благоверного князя Александра Невского – Александра Кобылы. От Фёдора Колыча производят фамилию «Колычевы», Колычевы активно участвовали во взятии Казани,

---

¹⁸⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. 446 с.

¹⁸⁸ По данным полевых исследований (2014-2019) Колчева Виктора Юрьевича.

¹⁸⁹ Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917-1929. М., 2006. 252 с.

¹⁹⁰ Князев В.В. Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала Колчака ротмистра В.В. Князева. Тюмень, 1991. 32 с.

¹⁹¹ Ташлыклов С.Л. Колчак // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 568.

находились в родстве с крупными тамбовскими землевладельцами Шереметьевыми¹⁹².

Показательна и символична традиция этимологизировать фамилию «Колчак»: некоторые исследователи считают её тюркской (в крымско-татарском языке «qolcaq» - значит «железная рукавица»). Тюркскую версию поддерживают: мужское имя «Кылыч» (меч, сабля), терминология вооружения – «колчак» (турецкое «наручи»), било «кол» (тюрк. отряд, войско). По русской версии фамилия Колчак происходит от русского слова «колча», то есть человек с особыми ногами¹⁹³. От того же слова «колча» происходит фамилия Колычев¹⁹⁴.

Отметим, говоры сёл Атманов Угол и Троицкая Вихляйка поддерживают часть однокоренных слов и ассоциативов русского этимона «колча». М. Фасмер сближает такие слова, как «колченогий» (хромой), «колчки» (ухабы на дорогах), «колтать» (в местном говоре – жевать беззубым ртом, у Фасмера – «колтыхать») с польским, чешским, словацким, латышским - «палка, колода».

Ещё больше ассоциативов находим в словаре В.И. Даля, помеченных как «тамбовское» и имеющих аналоги в местных говорах: «колченогий» - человек с особыми ногами: хромой, коротконогий, «ноги колесом», либо «ноги хером»; «колчить» - хромать; «кол» - шест, заостренная с одной стороны палка, может означать дубину; «колк» - нижняя часть рога быка; «колки» - иголки хвойного дерева, т.е. хвоя; «колок» - роща, лесок, поросший островок, ср. «Вызвал волка из колка»; «колдобина», «колдобоина» - выбоина на дороге; «калдай» - род кистеня, подвешенного к поясу, ср. «Коли безмен под руками, так и кайдая не надо»; «колдай» – палка с корневищем, «кошёвка»; «каланда» - дубина, болван; «калга» - не точеная самодельная грубая чашка, вытесанная топором; «калгатиться» - беспокоиться (в татарском «калгаза», «калгаша» - беспокойство, тревога, хлопоты, суета); «колготать» – спорить, вздорить, ворчать, о человеке «колготной», значит, вздорный, беспокойный; «калич» - увечный; «калечить» – делать увечным, ср. «Калечат не годы, а невзгоды»; «калечня» – живодёрня, ср. у коновалов «кол» - это конский клык, зуб между резцами и кутними зубами; «кутлыкать» - жевать; «калички» - (лат. Calica), башмаки, чапчуры, выступки, черевички, обутки, поршни – обувь косцов, пастухов, странников, покойников; «колдун» от

---

¹⁹² Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. 382 с.

¹⁹³ Хромые, долговязые, «колесом», «иксобразные» и др.

¹⁹⁴ Веди́на Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения. М., 2008. С. 422-423.

утраченного «кълдъ», т.е. «говорящий», ср. лит. kalba – речь, язык; греч. kaleo – зову, колокол.

«Атмановские кулачки» - фольклорная и этноспортивная форма традиционной региональной культуры преемственность которой удалось поддержать, сохраняя объект в живом бытовании. Сохранение этого объекта культурного наследия стало возможно, благодаря объединённым силам ряда организаций:

- Тамбовская региональная Федерация традиционного рукопашного боя в 90-е годы переняла аутентичные формы кулачного боя на основе исследований А.С. Тедорадзе¹⁹⁵.
- Фольклорные, этнокультурные исследования старинных сёл Сосновского района, проведённые в 1998, а также с 2010-го по 2020-й годы с участием Л.Ю. Евтихиевой (сотрудник ТОГБУК «НМЦ НТ и Д»), позволили накопить эмпирический материал, который теперь используется при описании традиции и в проектировании программ традиционного этноспортивного праздника «Атмановские кулачки». Наиболее масштабные исследования были проведены в 2013 году на средства гранта Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства, а в 2020 – по гранту Президента РФ для некоммерческих организаций (Родной край – сердцу рай!);

С 2010 года традиция кулачных боёв на престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы села Атманов Угол возрождается как фольклорный, этноспортивный праздник. Инициаторами и организаторами праздника являются: РОО «Тамбовское общество любителей краеведения» (ТОЛК, руководитель – М.И. Семёнов); НП «Атмановские кулачки» (руководитель – Н. Прокофьев); ТРОО «Федерация традиционного рукопашного боя», Общероссийская общественная организация «Федерация исконных забав и этноспорта России»; Российская Академия Наук Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Управление по физической культуре, спорту и туризму Администрации Тамбовской области; Администрация Сосновского района, Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, ТОГБУК «Научно-методический центр народного творчества и досуга» (директор – заслуженный работник культуры Ю.Д. Павлов), МБУК Филиал Сосновского РДК в с. Атманов Угол, Молодёжный клуб Международной общественной

---

¹⁹⁵ Тедорадзе А.С. Научное наследие Б.В. Горбунова по исторической реконструкции русских воинских традиций // Сборник докладов Международного форума «Россия – спортивная держава» 2012 года в Якутске. М., 2012. С. 206-209.

организации «Всемирный Русский Народный Собор» Под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Организаторы праздника руководствуются идеями, соответствующими теории этноспорта и концепции традиционных игр, приуроченных к празднично-обрядовым календарным циклам, разработанных ЮНЕСКО в целях сохранения культурного наследия человечества и воспроизводства этнокультурной идентичности и культурного многообразия.

Наряду с жителями села Атманов Угол, городов и сёл Тамбовской области, в играх принимают постоянное участие представители Федерации этноспорта России, Тамбовской региональной Федерации традиционного рукопашного боя, Всемирного Русского Народного Собора, Федерации лапты России, различные спортивные клубы и фольклорные коллективы, среди последних наиболее активно участие принимали коллективы: «Покровская слобода» (2010-2013 годы), «Пчёлка», «Красная горка», «Наследие», «Тальяночка», «Вольницы» и др.

Основные даты хроники «Атмановских игр»:

- В 2010 году возрождён обычай престольного праздника, а в его рамках стали проводиться традиционные игры «Атмановские кулачки».
- В 2013 году «Атмановские кулачки» стали первым объектом нематериального культурного наследия, занесенным в ТГБУК «НМЦ НТ и Д» в «Единый электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации» (ГРДНТ им. В.Д. Поленова).
- В 2014 году Федерацией исконных забав и этноспорта России «Атмановские кулачки» объявлены титульными русскими играми.
- В 2014 году Традиционные игры «Атмановские кулачки» решением Министерства культуры Российской Федерации включены в Федеральную целевую программу «Культура России» (2014-2018 гг.).
- В 2015 году Традиционные игры «Атмановские кулачки» стали лауреатом Национальной премии в области событийного туризма "Russian Event Awards" и заняли третье место в номинации «Лучшее событие по популяризации народных традиций и промыслов».
- В 2016 году в рамках игровой программы проведён конкурс архитектурных проектов музейно-выставочной зоны «Атмановские кулачки».

- В 2017 году присвоен статус «Национального события-2017», давший выход проекта на международный туристический рынок; игры вошли в ТОП-200 лучших событий России.
- В 2019 году в рамках игр прошел финальный этап областного театрального конкурса (ведущая – Е. Макарова).

Сотни участников и тысячи гостей привлекают игровые площадки ежегодных игр «Атмановские кулачки»: борьба за-вороток, палочный бой, перетяжки, сугучки, клёк, казанки (бабки), лапта, свайка, чиж. Кроме того, на главной площадке проведятся хороводные и обрядовые игры. Мероприятие завершил курагот «Боярское колесо» - состязания гармонистов, прибасников и плясунов.

Фольклорные образы традиционного этноспортивного праздника «Атмановские кулачки» дают импульс для развития народного, самодеятельного и профессионального, творчества. Образы традиций Успеньева дня с. Атманов Угол нашли отражение в творчестве автора народной куклы «Ломец – атмановский боец» Н.В. Павловой, студии ДПТ КДЦ «Мир» (руководитель – Т.В. Дронова), студии ДПТ ДК «Знамя труда» (руководитель – Е.М. Дубровская), Центра возрождения рассказовских ремёсел (руководитель – Н.В. Максимова); студии реконструкции традиционного костюма «Гамбовские сударыни» (руководитель – Л.Н. Бабахова). Событиям праздника посвящена картина заслуженного художника России Владимира Сизова «Кулачный бой», а также песня фолк-группы «Сколот» и её руководителя Алексея Павлова.

Возрождение древней народной традиции празднования Успеньева Дня и организации «примерного» кулачного боя вновь служит воспитанию патриотизма, мужества, поддержанию жизнеспособности населения путем мотивации интереса к игровой, праздничной, обрядовой культуре русского народа¹⁹⁶.

Информаторы и носители традиции

Село Атманов Угол

Архангельская Раиса Дмитриевна, 1929 г.р.

Атманова Екатерина Прокофьевна, 1929 г.р.

Дьячкова Екатерина Кирилловна, 1932 г.р.

Зобнина Агафья Тихоновна (баба Граня), 1917 г.р.

Квасов Иван Александрович, 1947 г.р.

Квасова Зинаида Николаевна, 1949 г.р.

Квасова Мария Андреевна, 1941 г.р.

---

¹⁹⁶ Более подробно о традициях Успеньева Дня и «Атмановских кулачках», а также о хронике текущих событий смотрите на сайте НП «Атмановские кулачки»

Кобелев Евгений Вячеславович, 1989 г.р.
Кочетов Александр Иванович, 1931 г.р.
Ламзина Валентина Алексеевна, 1957 г.р.
Неверов Александр Григорьевич 1940 г.р.
Неверова Екатерина Николаевна, 1930 г.р.
Неверова Ирина Николаевна, 1936 г.р.
Неверова Раиса Степановна, 1928 г.р.
Неверова Людмила Сидоровна, 1940 г.р.
Неверова Мария Антоновна, 1942 г.р.
Неверова Пелагея Максимовна, 1927 г.р.
Хабаров Алексей Алексеевич, 1935 г.р.

Село Сосновка

Ярцева Светлана Николаевна, 1974 г.р.

Село Перкинский лесокombинат (Заречье)

Телюлюхина Светлана Алексеевна, 1965 г.р.

Село Кулеватово

Митина Мария Ивановна, 1926 г.р.
Сорокина Антонина Павловна, 1932 г.р.
Фипина Валентина Павловна, 1933 г.р.
Козлова Александра Ивановна, 1932 г.р.
Семенов Николай Яковлевич, 1929 г.р.

Село Троицкая Вихляйка

Кузнецов Анатолий Николаевич, 1963 г.р.
Скобелев Пётр Васильевич, 1929 г.р.
Скобелева Анна Сергеевна, 1930 г.р.
Щурова Наталья Ефимовна, 1932 г.р.
Карманов Николай Никифорович, 1932 г.р.
Попов Александр Изотович, 1934 г.р.

Село Вирятино

Саяпина Любовь Николаевна. 1964 г.р.

**Многократные победители курагодных состязаний
«Боярское колесо»**

Гармонисты

Мещеряков Александр, г. Тамбов

Лисицин Владимир, с. Сампур
Мирошкин Алексей, г. Тамбов

Прибасницы

Дмитриева Полина, г. Москва
Квасова Зинаида, с. Атманов Угол
Телюлюхина Светлана, с. Заречье

Плясуны и плясуньи

Кобелев Евгений, с. Атманов Угол
Телюлюхина Светлана, с. Заречье
Балабанов Александр, г. Тамбов

Фотоматериалы

*Ветераны атмановских кулачек И.А. Квасов и И.А. Кочетов.
Показ приёмов кулачного боя*

Сёстры Неверовы поют песню «Колосилась в поле рожь густая»

Аутентичные блюда атмановской кухни готовят у русской печки

Демонстрация аутентичных навыков работы на успешном поле

Фольклорный театр «Покровская слобода»

Гости «Боярского колеса» - ансамбль «Тальяночка» и победитель конкурса гармонистов 2018 года В.Н. Лисицын

«Кирсанёнок» **(«Кирсановского», инструментальный гармонный наигрыш)**

Тамбовские гармонные наигрыши – это сердце фольклорной традиции Тамбовщины в современном её состоянии. В каждом районе есть по несколько зафиксированных вариантов всенародно любимых наигрышей: «Матаня», «Страдания», «Канарейка», «Досада», «Шамиля», «Подружка», «Нареченка», «Ночка», «Алгасовские переборы» и пр. В этом светлом мире народной культуры особое место занимает гармонный наигрыш «Кирсановского», зафиксированный экспедициями ТОЛК в населённых пунктах, расположенных по железнодорожной ветке «Тамбов-Саратов» Саратов» (Ю.-В.ЖД), которую начали строить в период Русско-Турецкой войны 1867-1868 гг.

Название «Кирсановского» произошло от названия города «Кирсанов», районный центр в Тамбовской области. Имеются варианты названия наигрыша: «Кирсанёнок», «Кирсача», «Кирсанца», «Кирсановский перебор». Зафиксировано четыре (4) основных варианта наигрыша. Импровизационный принцип существования объекта объясняет фиксируемое своеобразие наигрыша в каждом индивидуальном исполнении.

География распространения этого наигрыша очень широка: г. Тамбов, Тамбовский район сёла: (Новая Ляда, Черняное); Рассказовский район (сёла: Платоновка, 2-ое отделение совхоз-Арженка, Новгородовка, Рождественское); г. Кирсанов; Кирсановский район (сёла: Шиновка, Кобяки, Осиново, Иноковка); п. Инжавино; Бондарский р-н (сёла: Пахотный Угол); п. Умёт.

«Кирсановского» - инструментальный гармонный наигрыш, возникший не раньше 1867 года в ареале сел, расположенных по железнодорожной ветке «Тамбов - Платоновка – Кирсанов – Иноковка (Краснослободное) – Умет». Корпоративная генетика традиции связывает данный объект нематериального культурного наследия с историей возникновения и ролью городской культуры в земледельческом регионе, с процессами модернизации, демократизации, глобализации, с событиями отечественной истории (революции 1905, 1917 годов). Отсутствие жесткой привязки к времени и месту действия объекта делает необходимой опору на создание особой креативной этнокультурной среды как основного метода сохранения и популяризации локальной инструментальной исполнительской традиции. Наигрыш «Кирсановского» поддерживал единое праздничное настроение социальной группы, объединенной единством корпоративных, однопоселенческих, кровнородственных и семейных отношений.

Символическая, знаковая семантика текста наигрыша наиболее полно раскрывается в уличных гуляниях, приуроченных к праздникам, имеющим привязку к локальной исторической городской традиции: годовые ярмарки, дни императорской семьи (день рождения Николая I), праздники железнодорожной корпорации. В любой ситуации наигрыш «Кирсановского», сопровождаемый припевками и приплясом, выступает в качестве культурно-антропологического идентификатора члена специфического социума, возникшего на границе сельской и городской культуры. История наигрыша тесно связана с историей возникновения и развития самого инструмента – гармоники, для изготовления которой в России использовались контакты с Западной Европой и между отдельными регионами России, связанными железными дорогами.

История возникновения этого наигрыша связана с городом Кирсановым, что объясняется уже самим названием – «Кирсанёнок». Город Кирсанов, место возникновения наигрыша «Кирсановского», как населенный пункт известен с 1702 года, это было заводское село при Красинском железоделательном заводе. С закрытием завода после пожара 1773 года и переводом производства для нужд судостроительных верфей в Липецк село перешло в дворцовое ведомство, село с 1779 становится уездным центром - Кирсановский уезд Тамбовского наместничества, а с 1796 – Тамбовской губернии. В статусе города - с 1779 года. Расположен в месте слияния рек Пурсовки и Вороны (бассейн Дона), в 95 км. от г. Тамбова. Ныне Кирсанов – город, районный центр Тамбовской области. Топоним «Кирсанов» не имеет общепринятой интерпретации. Согласно первой версии, поддерживаемой народной исторической памятью и некоторыми документальными свидетельствами, название происходит от разговорного варианта греческого имени Хрисанф (златоцветный) - Кирсан. В Ландратных книгах упоминается первопоселенец этих мест – «Кирсан Алексеев сын Зубахин», то есть Хрисанф Алексеевич Зубахин. Согласно второй – «златоцветный» указывает на цвет руды, которую добывали в этих местах, благодаря чему и был поставлен железоделательный завод.

Село Платоновка (место сохранения объекта в молодежной среде) Рассказовского района Тамбовской области расположено в 30 км. восточнее г. Тамбова и в 11 километрах севернее г. Рассказово. Свое название Платоновка получила от фамилии рязанского помещика Платонова, продавшего в 1837 году своих крестьян на вывоз в Тамбовскую губернию помещику Хвощеву, получившего за участие в войне 1812 года 300 десятин земли близ деревни Знаменки. Крестьяне, отпущенные Хвощевым на оброк в 1847 году, выкупили у помещика земли и стали государственными крестьянами. В документах 1858 г. о

селе сказано следующее: «Деревня Платоновка заселена государственными крестьянами, поселившимися на собственной земле. Их численность: мужского пола - 54 человека, женского - 47 человек, (домов - 9). В числе домохозяев проживали: Платонов Федор, Платонов Иван, Никифоров Тимофей, Платонов Никита, Гаврилов Семен, Никитин Лаврентий, Платонов Григорий. Великороссы, православные». Ныне в черте села Платоновка находятся и бывшие деревни Знаменка (ныне улица села) и Татищево. Жители были русскими, православными и поэтому их причислили к церковному приходу Дмитриевщинской Дмитрия Солунского церкви, которая находилась в 5 верстах. В 1862 г. в переписных листах о Платоновке сказано: «Платоновка (Знаменка), Татищево, деревня казенная при колодцах, расстояние в верстах от уездного города 43, от Становова Тракта 13, число дворов 22, число жителей мужского пола - 56, женского - 47». Проходивший недалеко от Платоновки Екатерининский тракт связывал её с Арженкой. Земли между Платоновкой и Арженкой выкупил воронежский купец Жданов для сыновей – Алексея, Петра и Павла (Нижнеспасское земельное общество).

Наигрыш «Кирсановского», или «Кирсанёнок», явился в живой среде рабочих-железнодорожников и быстро распространился в прижелезнодорожных сёлах и городах. «Кирсанёнок» являлся эстетическим центром уличных гуляний, жёстко не привязанных к сезону. Наигрыш интенсивно выражает символическое значение уличных гуляний, приуроченных к праздникам корпоративной среды. «Кирсанёнок» открывает уличное гуляние, это первый наигрыш, под который группы идут от домов гармониста до «пяточка» (целевого места назначения – ярмарочная площадь, парк, станция, место проведения корпоративного и семейного гуляния).

Хотя наигрыш называется «Кирсанёнок», он жестко не привязан к месту. Максимально знаковую роль выполняет в уличных гуляниях праздничного корпоративного цикла: дни села, дни города, день железнодорожников, ярмарочные дни (Тихвинская икона Божией Матери, Воздвижение Креста Господня). Он также используется в праздничном и повседневном быту. Хотя он не привязан к сезону, пик активности приходится на уличные гуляния - июль – сентябрь.

Исполнение гармонного наигрыша «Кирсановского» с припевками и приплясом (инструментально-вокально-хореографическая композиция) во время уличного шествия к месту уличного гуляния приурочено к праздничному календарю работников железнодорожного транспорта по ветке «Тамбов – Кирсанов – Умет». Праздники корпорации железнодорожников и жителей г. Кирсанова: 1. День железнодорожника – первое воскресенье августа; 2. Празднование

«Тихвинской иконы Божией Матери» (Одигитрия) - 26 июня (9 июля) (период основной ярмарки г. Кирсанова); 3. Празднование Воздвижения Креста Господня – 14 (27) сентября; 4. День г. Кирсанова – 12 сентября; 5. День именин Николая I, основателя железнодорожного дела в Российской Империи – 25 июня (6 июля); 6. Открытие пути Тамбов-Саратов; на участке «Козлов-Умет» прошел первый поезд - 9 августа (1870); 7. День рождения станции Платоновка – 9 августа (1870).

Инструментальный гармонный наигрыш «Кирсановского» является собой яркий своеобразный локальный объект народной культуры, хронологически и семантически связанный с периодом становления и укрепления городской культуры в земледельческом сельскохозяйственном регионе. Наигрыш несет в себе культурную информацию, характеризующую мужской социум – рабочих, обслуживающих нужды железнодорожного транспорта, развитие которого в Тамбовской губернии совпадает с моментом широкого распространения гармошки и её триумфальным шествием нога в ногу с процессами модернизации, индустриализации, демократизации, революционизации.

Состав текстового материала припевок, сопутствующих наигрышу, актуализирует темы рабочего быта, воинского призыва, взаимоотношений с близкими и пр. Главный герой припевок – молодой человек, ищущий определения в жизни. Усложненная структура гармонного наигрыша требует и развитого навыка гармониста и продолжительного опыта взаимодействия гармониста и поющего.

Зафиксированные формы сохранения и продвижения объекта показывают, что основным является наличие особой креативной среды, которую нельзя создать случайным образом, но лишь в результате длительного совместного взаимодействия. Следовательно, создание фольклорной этнокультурной площадки является главным условием и лучшим способом сохранения объекта.

Происхождение наигрыша «Кирсановского» непосредственно связано с появлением нового музыкального инструмента – гармоника, которая пришла в Россию в середине XIX века. В тамбовской фольклорной среде гармонь быстро распространилась и обрела морфологическую многоликость и всеобщее народное признание. Многообразные видовые конструкции инструмента, ввозимые из других регионов, с интересом осваиваются местным населением. Из числа тамбовских ремесленников и крестьян выдвигались народные умельцы, способные, при необходимости, производить не только ремонт инструмента, но и, копируя известные конструкции, создавать собственные, не уступающие по качеству оригиналам, гармони.

Непосредственно тамбовский «эксклюзивный» вид гармонии в регионе не утвердился, однако в начале XX века здесь изготавливались гармони: «немецкая», «вологодская» 21*12, «черепашка» (данные три вида – единично), «русская», «саратовская», «рояльная», «хромка» 23*12 и 25*25.

Как показывает историко-культурный анализ, проведенный Л.Ю. Евтихией, наигрыш «Кирсановского» и сама гармошка стали широко распространяться с подготовки (1865-67 гг., момента строительства (1868 г.) и ввода в эксплуатацию (1870 г.) железнодорожной линии «Тамбов-Саратов», на церемонии открытия которой присутствовал епископ Тамбовский и Шацкий Феодосий II (Шаповаленко). Развитие железнодорожного транспорта повысило уровень жизни занятого в этой сфере населения. Так, например, уже через два десятка лет после открытия станции в деревне Платоновка все дома были покрыты железом, а в деревне Знаменка крытых железом домов более 50. Крестьяне к этому времени забыли про лапти и онучи, а в их домах появилась хорошая мебель. Изменились и сами жилища. Дома стали строить на каменном фундаменте, на месте изб появились пятистенки, шестистенки и крестовые дома. Вместо лучин, сальных и восковых свечей для освещения жилищ стали использовать керосиновые лампы. Из помещичьего быта в быт крестьян постепенно переходят атрибуты внутреннего убранства жилищ: шторы на окнах, занавеси и пологи над кроватями, резная мебель, изготовленная местными умельцами, - буфеты, комоды, шкафы, диваны. В домах появляются механические, пружинные и гиревые часы, самовары, металлическая и фаянсовая посуда вместо глиняной и деревянной. Тогда же, и в тех же условиях, появляются и гармоники.

Закономерно, что первыми гармониками Кирсанова были «Саратовские», представляющие собой разновидность русской гармонии (с колокольчиками), которые стали изготавливаться гармонными артелями в Саратове с 1855-56 гг. Распространены были и «Тульские» близкая по морфологии «Саратовской». Гармоники русского строя изготавливали и самодельные мастера прижелезнодорожных сел.

Можно предположить, что первые гармонисты Кирсановского уезда опирались на местный опыт инструментального исполнительства на балалайках, в плясовых наигрышах которой часто использовались двустрочные припевки, например, под «Барыню». Это предположение подтверждается анализом характера исполнения наигрыша гармонистом и мастером гармонных дел - А.Ф. Прохоровым (г. Кирсанов). Творческий потенциал ремесленной среды способствовал становлению традиции местного изготовления гармоник, что видно на примере семьи

Агафоновых. (г. Тамбов; родоначальник династии – родом из с. Платоновка).

Среди особенностей наигрыша «Кирсановского» - ведущая роль мужчины, тогда как в традиции исполнения «Матани», «Страданий» и пр. ведущая роль принадлежит женщине, которая ведет игровое действо за своим опытом сочинительницы, импровизатора и исполнительницы. Другой особенностью является нарочито усложненная структура текста наигрыша, служившего идентификатором принадлежности к особому социуму прижелезнодорожных сел, выходцы из которых были уже более рабочими, чем крестьянами.

Т.о., наигрыш «Кирсановского» является частью уличного гуляния. В праздничный день вокруг гармониста, традиционно юного или молодого, собираются близкие по социальному статусу, корпорации и родству люди. Под «Кирсановского» играют припевки, в большинстве случаев опознаваемые как мужские. По ходу шествия к центру празднования (станции, мастерской, конторы, ярмарочной площади и пр.) к группе молодых людей присоединяются стар и мал, мужчины и женщины. Каждый имеет право припеть под гармошку. Иногда поют одновременно под разные гармошки разные группы людей. Иногда наигрыш звучит в ансамбле двух, трех и более гармошек, а также – в ансамбле гармошки и балалайки. Конец действия обозначается началом следующего наигрыша, сменяющего первый. В настоящее время используется гармонь «хромка», «тульская», «шуйская», пришедшие на смену «венке», «саратовской», «елецкой», «русской» и др.

К концу XIX века, как показывают материалы музейных фондов (Краеведческий музей г. Кирсанова, музей ТВРЗ г. Тамбова, музей с. Черняное Тамбовского района) и данные опросов, в ареале распространения наигрыша «Кирсановского» бытовали гармоники: «Русская», «Саратовская», «Елецкая», «Тульская» (хромка). К началу XX века хромка стала основным инструментом, кустарные мастера Бондарского и Кирсановского районов изготавливают «хромки». Наигрыш мог исполняться в две гармошки, в три и более. Наиболее творческий вариант кустарного тамбовского производства принадлежит мастерам г. Тамбова: Агафонов, Клинков, Мирошкин. См. Приложение «Фотоальбом», приложение «Тексты».

Известно, что гармошка «подвинула» в конце XIX века традиционный инструментарий, став лидером народной инструментальной культуры. Однако наряду с гармошкой и совместно с ней продолжала существовать балалайка, на которой также исполняли наигрыш «Кирсановского». Балалайка могла быть самодостаточным инструментом для исполнения наигрыша «Кирсановского» в уличном

гулянии и на праздничном застолье, посиделках и пр., а также использовалась для составления ансамбля с гармошкой. Исполнение наигрыша «Кирсановского» на балалайке и использование балалайки в уличном шествии этот наигрыш встречаются редко, гораздо реже, чем гармонный наигрыш «Кирсановского».

Форма рабочего железной дороги: рубаха из черной х/б ткани, подпоясанная ремнем с пряжкой; пиджак на форменных пуговицах, брюки, фуражка, сапоги (или ботинки).

Уличные гуляния рабочих-железнодорожников, как вообще уличные гуляния, требовали соответствующего праздничного вида гуляющих, так как одежда здесь также выступала формой и способом социальной идентификации. Сохранившиеся в фонде музея ТВРЗ (Тамбов) и Кирсановском краеведческом музее фотографии рабочих железнодорожной службы подтверждают сказанное.

В сельской среде гулящие под «Кирсанёнка» также носили уже не крестьянский, а мещанский костюм: рубаха-косоворотка, вышитая по вороту и низу рукава и подолу рубахи черными (иногда цветными) нитками; брюки; пиджак, фуражка, сапоги (лапти).

Вариантов исполнения наигрыша «Кирсановского» зафиксировано множество: «игра с перебором» с припевками, с приплясом; в одну гармошку; в две гармошки; на пару с балалайкой.

Характерная черта наигрыша – простая строфическая двухчастная форма; «запев» - эпизод напевно-песенного склада излагается в размере 3/4, а припев – эпизод в стиле плясового проигрыша в размере 2/4. Но это лишь общая схема: в процессе исполнения не принципиально равнозначное количественное соотношение эпизодов, и «припевный» эпизод может проводиться после двух-трех лирических «запевных». Общая «режиссура» композиции, т.е. комбинация следования эпизодов, целиком определяется инициативой гармониста, исполнителям же куплетов предоставляется прекрасная возможность продемонстрировать свою музыкально-певческую мобильность. В то же время, когда куплет зазвучал, доминирующая функция в формировании настроения композиции всецело переходит на долю вокалиста, гармонист в этом случае играет аккомпанирующую, сопутствующую роль.

В инструментально-вокально-хореографической композиции «Кирсановского» широкая удаль удивительным образом сочетается с тонким лирическим личным компонентом, и более чем где-либо в других наигрышах прослеживается взаимосвязь между солистом и аккомпанементом. «Кирсанёнок» характеризуется свободой построения композиционной формы, отличается внутренней пластичностью: по ходу развития наигрыша предполагается изменение размера и допускается

изменение темпа. Гармонист и солист настолько чутко взаимодействуют в процессе совместного звукотворчества, что подчас возникает ощущение репетированного концертного номера.

Изысканные особенности музыкальной речи, свойственные фиксируемой инструментальной традиции, синкретичность презентации (игра, пение, припляс), включенность в локальный и универсальный процесс крос-культурной интерференции, хорошая сохранность традиции, зафиксированной в многочисленных импровизационных вариантах – все это делает объект исключительно ценным, уникальным явлением в нематериально-культурном наследии России.

Исследователь С.А. Москвичева характеризует наигрыш «Кирсановского», исходя из системного анализа общерусского и регионального инструментального исполнительства. Изучая природу многочисленных музыкально-хореографических композиций Тамбовского края, обозначим, что некоторые из них имеют более сложную структурную форму, что, очевидно, является признаком позднего происхождения, заимствованным от песен запевно-припевной конструкции. Степень распространенности двухчастных, «запевно-припевных» композиций в регионе не высока, они не столь многочисленны по части названий и локальны по ареалу бытования. Возможно, их неширокая распространенность в настоящее время объясняется общей тенденцией угасания традиции бытового фольклорного музицирования. Тем не менее, зафиксированные наигрыши являют собой замечательные образцы народно-исполнительского искусства, представляют безусловный музыкальный и научный интерес, являясь неотъемлемой частью музыкальной традиции региона. Так двухчастной формой обладает наигрыш «Кирсановского».

«Кирсановского» или «Кирсанёнок» (наиболее частое, обиходное у гармонистов наименование наигрыша), распространен в восточных районах Тамбовской области: Бондарском, Гавриловском, Кирсановском, Рассказовском, Умётском. Своё название наигрыш получил от местечка Кирсанов (ныне город). В Кирсанове, находящемся на значительном удалении от крупных населённых пунктов, долгое время сохранялись собственные самобытные песенные и инструментальные традиции. Интересно, что в самом Кирсанове можно услышать еще одно наименование наигрыша: «играть Разливного». Вероятно, это название указывает на «широкий» характер звукоподачи, раскрывает особенные колористические свойства. Популярность «Кирсановского» в вышеперечисленных районах весьма велика, некоторые гармонисты исполняют по несколько вариантов наигрыша.

«Непредсказуемость» для солиста порядка следования эпизодов, вероятно, явилась причиной, определяющей своеобразие формы вокальных куплетов «Кирсановского»: помимо традиционных четырёхстрочных куплетов, в композиции вполне органично звучат двух- и трёхстрочные куплеты. Как показывает анализ вариантов, четырёхстрочные куплеты исполняются певцами при ощущении слуховой уверенности в структурной стабильности в следовании определённого эпизода, можно сказать стабильной «впетости» певцом данной структуры. В других случаях (2-х и 3-х строчные текстовые формы) мы имеем возможность наблюдать процесс импровизационного взаимодействия вокального и инструментального начал в ансамбле. Вокалист, предвосхищая возможную смену «инструментального настроения», задерживает момент начала куплета и начинает его исполнение со второй фразы первого предложения от начала звучания инструментального эпизода.

Основной характеристикой вокальных куплетов «Кирсановского», какой бы текстовой форме они не принадлежали, является их напевность, лиричность, даже исполняемый на фоне плясового «припевного» эпизода напев сохраняет распевно-протяжные свойства. Обычно в народной практике тексты частушечных куплетов не имеют фиксированной принадлежности к определённому наигрышу и могут звучать в различных метроритмических вариантах, на разнообразные мелодические напевы. Наигрыш «Кирсановского» в этом отношении не исключение, хотя в рамках данной композиции существует определённая текстовая «фильтрация». Смысловая направленность куплетов тематически ориентирована на лирический «душевный» колорит общего настроения наигрыша. Куплеты «Кирсановского» представлены текстами любовно-лирического содержания, а, как показывают наблюдения, насмешливые, саркастически колкие куплеты, характерные, скажем, для «Матани» и «Подгорной», в данной композиции не встречаются. Любовно-лирическая тематика текстов «Кирсановского» во многом предопределяет ещё одну композиционную особенность – исполнение парой: предполагаемые парень и девушка (исполнители в настоящее время – это люди в основном пожилого возраста) поют куплеты поочередно, на своё усмотрение «отдавая» время на инструментальные проигрыши. Следует отметить, что роль парня в лирическом дуэте охотно исполняют сами гармонисты.

Напевы куплетов различных по объёму могут иметь различия и в мелодическом отношении, определяя характерные черты мелодики куплетов «Кирсановского» напева уместно привести наблюдение Е.В. Гиппиуса: «Напев частушки образуется на скрещивании

музыкального образа, данного в инструментальной импровизации гармониста, и поэтического образа, «сказываемого» певцом, на основании инструментального наигрыша...». В большинстве зафиксированных от народных исполнителей вариантов композиций «Кирсановского» частушечные куплеты исполняются певцами на фоне инструментального сопровождения, соответствующего лирическому эпизоду. В куплетах, соответствующих лирическому эпизоду наигрыша, обычно звучащих широко, нараспев, может наблюдаться эффект исполнения «поперёк». С явлением исполнения куплетов с нарочитым нарушением метра инструментального наигрыша мы встречались, анализируя стилистику композиции «Канарейки», где певицы осмысленно поют начало фразы либо с некоторым отставанием, либо чуть опережая метрическую долю. В «Кирсанёнке» дисбаланс между метрикой в инструментальной и вокальной частях возникает на ином уровне, а именно из-за несоответствия сильных долей музыкального и поэтического текстов.

*Пример: 3/4 Вы сы-грай-| те ох, | «Кир-са-нён-| ку», |
по- ды- ми- |тя |на- ца- нён- |ка. |2/4*

В припевной части (в размере 2/4), звучащей оживлённо, с чертами речитативности, метрические несоответствия не возникают. В напеве В.В. Котова лирическая часть, исполняемая в трёхдольном размере, интонационно опирается на тот же мотив. Но назвать его формульным, было бы не точно, т.к. данный интонационный ориентир прослушивается в инструментальных наигрышах лишь отдаленно, в виде нисходящего мелодического движения, и чрезвычайно редко цитируется гармонистами «буквально». Цитирование может наблюдаться в тех случаях, когда гармонист, по просьбе, исполняет наигрыш отдельно, без солиста.

Часто у гармонистов лирические эпизоды мыслятся «двухслойно», в партии правой руки имитируется переключка голосов верхнего и нижнего регистров. Долгому по длительности фоновому звуку в одном из голосов, противостоит мелодическое движение другого голоса. Сопоставление может быть представлено мелодическими попевками поступенного вида, либо призывной ритмической фигурацией.

Все имеющиеся записи композиции начинаются с «припевной» части, выполняющей функцию своеобразной настройки, варианты начала игры «с разгоном» единичны. Данный эпизод оживлённого танцевального характера представлен вариативным развитием, по стилю и звучанию напоминающим наигрыши «Волжских припевок» (часто их характерный стилистический колорит дополняет приём тремоло мехом). Эта особенность интересна и, возможно, имеет своё историческое

объяснение. Ещё в XX веке в Кирсановском, Гавриловском и Умётском районах существовала традиция игры на саратовской гармонике. Традиция была весьма распространена и популярна, и до настоящего времени сельские жители помнят и называют имена гармонистов, игравших на «саратовках»: Прокофий Платонович Фомичев (1920 г.р.), Николай Павлович Баксаков (1930 г.р.), Александр Фёдорович Судоргин (1931 г.р.) Судя по возрасту гармонистов, традиция игры на саратовской гармонии в регионе была жива ещё относительно недавно и память местных жителей, определённо, хранит впечатления, оставленные звучанием этого инструмента. Вероятно, колоритная природа саратовской гармоники, стиль исполняемых на ней наигрышей, так или иначе, проецировались на наигрыши местных гармонистов, исполнителей на инструментах других конструкций.

Как сообщалось выше, в единичных случаях гармонисты мыслят начало игры (плясовой «припевный» эпизод) в духе общего лирического настроения и исполняют его, начиная с относительно медленного темпа, с последующим ускорением до основного. Вокалист на таком темповом «реверансе» может исполнить куплет распевно, с глиссандированными подъёмами голоса к нужному звуку, и подчёркнуто растягивая первую строку частушки, создавая эффект исполнения «с выходом». В этой связи интересно наблюдение И.В. Мациевского о том, что народным исполнителям свойственна «тенденция к пониманию творческого процесса, приводящая к осознанию и развитию музыкальной формы, вплоть до умения манипулировать этой формой, сохраняя структурный стереотип». Так в рамках структурного стереотипа умелые частушечники, «манипулируя» возможностями вокальной партией, театрально передают смысловой образ куплета, сохраняя при этом единство общей формы композиции. Как правило, в подобных случаях поются куплеты трёх- или двустрочные, возможно из-за темповой перестройки, а может быть в качестве особой чувственной «изюминки».

При сопоставлении тематического «зерна» «Матани» и мотива запева «Кирсановского» определяется их идентичность по звуковому составу (собственно, разница только в размере). Сравнительный анализ сопровождения наигрышей также подтверждает их функциональную близость. Так гармоническая схема S-II-D-T (типичная для гармонического сопровождения «Матани»), определяющая аккомпанемент лирического эпизода «Кирсановского», свойственна наигрышам исполнителей, проживающих или родившихся в Бондарском, Рассказовском, Тамбовском районах. Гармонисты Кирсановского, Гавриловского, Умётского районов в приведённой гармонической последовательности вместо субдоминантовой функции применяют

VI ступень, таким образом, схема выглядит так: VI-II-D-T. Гармоническая составляющая «припевного» эпизода однозначна в изложении каждого, исполняющего данный наигрыш гармониста, и представлена функциями: S-T-D-T.

В процессе экспедиционной работы удалось зафиксировать свыше полутора десятков вариантов наигрыша «Кирсановского» в чисто инструментальном исполнении и лишь четыре варианта совместного исполнения гармониста и солиста. Как показали наблюдения, наигрыш «Кирсановского» – композиция исполнителей близкого жизненного общения. В качестве состоявшихся дуэтов выступали муж и жена, сын и мать, а также близкие соседи, чей «дружеский» стаж исчисляется десятилетиями. Напев «Кирсановского» или «Кирсанёнок», как любовно называют его сельские информанты, композиция не массовая по своей природе. Она, скорее, призвана свидетельствовать об определенном уровне творческого потенциала конкретных исполнителей. Из рассказов супругов Коноваловых, жителей села Змеевка Гавриловского района, можно заключить, что «Кирсановский напев» – своего рода форма домашнего музицирования в крестьянской среде.

В итоге, характеризуя наигрыши «Кирсановского» можно с уверенностью констатировать, что они, как и модифицированные «Страдания», относятся, к позднему историческому периоду, о чём свидетельствует своеобразие композиционной формы, идущей от куплетной формы городской лирической песни. Гармоническое сопровождение обеих наигрышей представлено «современными» функциями, навеянными песенным творчеством профессиональных композиторов. Но если композиция «Кирсановского», по сути, являет собой крестьянский вариант лирической песни XX века, то композиция «Шарлотского» продолжает традицию исполнения куплетов «под пляску» по «новому» интонационно-гармоническому типу.

Таким образом, традиционные наигрыши гармонистов Тамбовского региона, имеют аккомпанирующую функциональную природу. Их априорная предназначенность – сопровождение куплетов частушечного типа, имеющих разнообразные варианты хореографического воплощения. В ряде разноимённых композиций наблюдается факт очевидного музыкального родства. Интонационное сходство объясняется самим процессом становления народных композиций, опирающимся на вековые традиции, связанные с эстетическими представлениями многих поколений. Различные трудовые занятия людей, воспитание с малых лет, общественный образ жизни, природа, среди которой люди и их предки выросли, - всё это участвует в процессе формирования местных характерологических свойств, определяет образ художественного

мышления, формирует устойчивый музыкальный стиль. И как люди, живущие в одной местности, имеют общее историко-культурное начало, ментальное сходство, предсказуемость и стереотипность поведения, так же близки конструктивно и родственны мелодически композиции, создаваемые представителями данного географического ареала. О Тамбовских синкретических композициях можно заключить следующее: несмотря на определённые различия в их образно-тематическом содержании, все они отличаются позитивом, искренностью, душевной широтой - качествами, исторически присущими русской нации. О роли окружающей природы в формировании национальной психологической составляющей читаем у Гумилева: «В XX веке учёные пришли к выводу, что каждый древний народ жил своим ландшафтом и, меняя его, народ менял себя»¹⁹⁷.

Сохранность творческого социума гармонистов, территориально и духовно объединённых фольклорной традицией, манифестацией которой и является наигрыш «Кирсановского», даёт основное условие популяризации этой формы народной культуры. Благодаря тому, что традицию уличных гуляний с наигрышем «Кирсанёнок» удалось передать новому поколению гармонистов образцового детско-юношеского коллектива «Пчёлка» филиала Рассказовского Дома культуры в п. Платоновка (руководители коллектива – Н.В. Яблокова, С.Н. Яблоков), наигрыш находится в живом бытовании и используется в современной практике самоорганизации праздничного и повседневного досуга, сохраняется популярность формы в среде сёл, прилегающих к железнодорожной ветке «Тамбов – Саратов». В годы советской власти традиция продолжала активно развиваться до 80-х годов, пока процесс массового оттока населения в города, резкое старение населения и профессионализация инструментально-исполнительской традиции не нанесли урона глубинным формам преемственности народной культуры. Подтверждением сказанного служит возраст носителей традиции, чьи навыки исполнения наигрыша «Кирсановского» приходится, в подавляющем большинстве на конец сороковых – начало шестидесятых годов XX века. Наиболее часто гармонисты исполняют наигрыш на гармониках «тульских», «шуйских» и «елецких», хотя тамбовская традиция знает и нередкие примеры местного изготовления гармоник.

Как показывают данные опросов, наигрыш активно продолжает использоваться в праздничном и повседневном быту, но его знаковая природа, служившая культурной идентификации на основе локальных

---

¹⁹⁷ Гумилёв Л.Н. Искусство стран Востока / Под ред. Р.С.Василевского. М., 1986. – С 13-14.

особенностей социума, угасает. В связи с сокращением числа народных музыкантов, владеющих аутентичной манерой инструментального исполнительства, традиция может быть утеряна.

Важнейшей формой сохранности объекта является консолидированный мужской социум гармонистов, как правило, знакомых между собой и общающихся на местном этно-музыкальном языке. Второй формой является – семья и семейно-родственные связи, когда исполнительские навыки передаются из поколения в поколение, как например, в семьях Агафоновых, Прохоровых, Ларионовых, Пышкиных, Петровых, Семешовых, Толстых, Крутицких, Рыковых, Ситниковых, Комаровых, Аполлоновых, Бельковых, Клинковых и др.

Формой сохранения и презентации объекта являются праздники и фестивали, организуемые в районных и областной системах культуры. Органичной средой поддержания и продвижения объекта является образцовый детский фольклорный коллектив «Пчелка» (руководители - С.Н. Яблоков, Н.В. Яблокова) МБОУ «Платоновская СОШ» Рассказовского района.

Возрождение этно-музыкальной инструментальной исполнительской традиции на примере популяризации объекта нематериального культурного наследия «Кирсановского»; создание корпоративной креативной среды, возникшей на железнодорожной линии «Тамбов – Умёт». Формирование брендового продукта, способствующего творческой активности населения и развитию событийного туризма.

Сохранность живой формы народной культуры – «улишное гуляние с наигрышем «Кирсанёнок» образует богатый ресурс для включения традиции в масштабную этнокультурную деятельность. Этнокультурная площадка на базе фольклорного ансамбля «Пчёлка» является местом организации народных праздников и фестивалей, центром подготовки и переподготовки кадров для работы в области возрождения и продвижения народной культуры. Традиция может использоваться и как ресурс въездного туризма. В этом качестве «улишное гуляние под «Кирсанёнка» интерпретируется как форма традиционного мещанско-купеческого быта, что особенно привлекательно в свете сохранности архитектурного образа купеческого города – Кирсанова, а также Кирсанова как города православного. Эта перспектива аргументируется расположением на автобусной трассе «Тамбов – Пенза», делающей доступными такие музейные объекты, как: дом-усадьба Асеевых, музей-усадьба В.Г. Белинского и музей М.Ю. Лермонтова «Тарханы». Собор Тихвино-Богородичного монастыря, кладбищенская Козьмодемьяновская церковь (росписи

художника А.Д. Надеждина). Сохранились также Торговые ряды (1838-41), здания земской больницы. Купеческого клуба и пр. Неразрывно связаны с Кирсановом и кирсановским уездом: Б.Н. Чичерин (Караул), Е.А. Боратынский (Мара), А.М. Жемчужников (Ильиновка), Н.И. Кривцов (ЛЮбичи), декабристы Вадковские (Гавриловка), певица Н.А. Обухова (Мара) и др.

Тексты припевок, записанные от носителей традиции

Рассказовский р-н, с. Рождественское. Аполлонов Виктор Аркадьевич, Ольга Васильевна Аполлонова (родственница).

*Сыграй милай, а я падпаю,
А мы радня да будим с табою.
Ах ана мая из Кукуя
Ни пьёт водку никакую.
Ана миня в грудь талкая:
Вставай, милай, рассвятая.*

Рассказовский р-н, с. Коптево. Толстых Владимир Анатольевич.

*Ты гуляй, гуляй, головка, пока не забрится.
Ты играй, играй, гармошка, пока тихья заря.
Пызади далёка слышна: «Працай, милья моя».*

Рассказовский р-н, с. Платоновка. Уймёнов Артём

*А я скучилси на бани,
Как на роднай на мамани
Ох, как забрали, ох, маво братца.
И да миня, ох, хатяць дабраца.
Ох, ни любитья, девки, яво,
Да он картёжник, да пьёт вино.
Ох, сыграй, Митя, «Кирсанёнкя».
Ох, ты патешь миня, пацанёнкя.*

Рассказовский р-н, с. Платоновка. Камаров Юрий Иванович, Валентина Александровна (супруга).

*Ох, залётка, залёт, залёт,
Сам уехал Меня завёт.
Ох, ана мая, шьёт и краит,*

*А абрезки, Ох, в карман пхаит.
Ох, залётка, залятуха,
Приляти ка мне, как муха.
Ох, залётка, где ж ты тама?
Ни письма, ни тилиграммы.
Она миня пыдманула, а иё пыдвяла.
Она миня из кадушки, а я иё из вядра.*

**Тексты припевок под «Кирсанёнка»,
записанные от гармонистов и солисток Рассказовского
и Кирсановского районов**

Кирсановский р-н, с. Шиновка. Ларионов Алексей Егорович.

*По деревне «Кирсанца» и – та,
Гулять будем да канца и- та.
Голосочек мой, раздайся.
А ты, милай, догадайся.
Так и думал, что женюсь.
Девки в озере купались, увидал - теперь боюсь.
Вспомни, вспомни, как гуляли.
Ночкой темной мы стояли.
А, я вспомню и зальюся,
С какой кралеј расстаюся.
А мы с милым расставались,
Разов двадцать целовались.
Светит месяц и луна. Девки любят колдуна,
Перед этим колдуном девки ходят табуном.*

Кирсановский р-н, с. Шиновка. Прохоров Александр Федорович.

*Кирсанца ты, кирсанца!
ХотИшь меня пацанца.
Откровенно говорю:
У тебя изба плохая, разбегусь и повалю.
Не пляшите, кобели.
Я не сам сюда пришел, меня девки довели.
Меня в армию возьмут, а жену ее куда?
Во дворе стоит колодец, головой иё туда.
Какой мороз, какие кочки!
А мы ходили, по всёй ночке.*

Какой ветер (пауза) разгоняет облака.
Наши девки наливают, скор дождемся молока.
Настоящие бойцы
Три километра бежали, от комолой, от овцы.
Мои ноги на пороге, голова моя в кусту.
Восемь лет сидел в остроге, за лохматую лису.
Ох, (пауза) как бывало:
Ножки зябнуть, ты стояла.
Гармонь - синиш мехи.
Я жанюся на монашке, она отмолит все грехи.
Ой, ты милая моя, я тебя уважу:
Куплю куль сомолы, рот тебе замажу.
Летят гуси табуном.
Доведу тебя до дому, помешаешься умом.
По деревне с ветярком.
Расходитесь, девки-бабы. Начинаю матерком.
Я в амбарчик крадился.
Дед бабке спину тер, я мешок муки упер.
Все вы тут собрались,
А моей холявы нету - знать сороконожки завялись.
Лаквый туфли на ногах.
А видали мы таких, в своих кирзвых сапогах.
А мы с миленькой ходили по зелено клеверу.
Оба были без штанов, привыкали к северу.
Черна юбочка на ней.
В лесу много комарей, не пойду я больше к ей.
А, я сшил себе штаны из березовой коры.
Чтобы ж.... не потела, не кусали комары.
Был у матери один.
Рубашку белую носил, всегда чистенький ходил.
Был у матери один, в пастухи нанялся.
Всех коров я перебил, а быка боялся.
Уяжжяю я от вас числа двадцать пятава.
Уж оставайся, горд Кирсанов и любовь проклятая.
По деревне с ветерком.
Разойдитесь девки бабы, начинаю матерком.
За границей, я работал и оттуда вшей привез.
Отец думал, что пшеница, и на мельницу отвез.
Перестройка - мать родная, спекулянтов развела.
Они сели нам на шею и раздели догола.

Записи Надежды Яблоковой и Артёма Уймёнова

Рассказовский р-н, с. Платоновка. Ю. И. Комаров. Первый вариант «Кирсановского».

*Ой, залётка, залятуха
Ой, приляти ко мне как муха.
Ой, залётка, ой, залёт, залёт
Ой, сам уехал, ой, меня зовёт.
Ой, она моя, ох шьёт и краить
Ох, обрезки, ох в карман пхаить.*

Рассказовский р-н, с. Рождественское. В. А. Апполонов. Третий вариант «Кирсановского».

*А я тебя не забуду:
Как любил, эх, так и буду.
Ох, как забрели маво братца
И до меня хотят добраться.
Она меня в грудь талкаить,
Пойдём, милай, рассвятаить.
Она моя, заливная,
Черепушка обливная.*

Г. Кирсанов. А. Ф. Прохоров. Четвёртый вариант «Кирсановского».

*Летят гуси табуном...
Провожу тебя дома, помешаешься умом.
Что наделали с тобой...
Все печали на грудь пали, тебе девчонке боевой.
Хочу бросить я тебе...
Ты зачем в аптеку ходишь, отравить хочишь мене?
Чёрна юбочка на ней...
Чрез забор полез-убился, не пойду я больше к ней.
Какой холод! Какой мороз!
А я к милке ползком полоз!
На высоких каблуках...
Скоро маленький кудрявенький заплачет на руках.
Разошлись все по крыльцам...
А нам делать нечего. мы пошли по огурцам.
Все мы тута собрались
А моёй халяви нет, знать сороконожки завелись.*

Нотные расшифровки С.А. Москвичевой
Гавриловский р-н, с. 2-е Пересыпкино. Н. И. Моторин

Эх. мо я ро — за. ох.

я не про тив при петь то жа. ох!

This musical score is for a piece by S.A. Moskvichyeva. It consists of two systems. Each system has a vocal line in bass clef and a piano accompaniment in grand staff (treble and bass clefs). The key signature is one flat (B-flat) and the time signature is 3/4. The lyrics are: "Эх. мо я ро — за. ох." and "я не про тив при петь то жа. ох!".

Гавриловский р-н, с. 2-е Пересыпкино. В. В. Котов

Вы сы-грай-те, ох Кир-са-нён-ку, по-ды-ми-тя па-ца-нён-ка.

ка. три де_рев-ни два се-ла. им по пе сси кс тог-да Дев-ки влес и

я за ни - ми дев - ки ся - дут, и я сни ми.

This musical score is for a piece by V.V. Kotov. It consists of three systems. Each system has a vocal line in bass clef and a piano accompaniment in grand staff. The key signature is one flat (B-flat) and the time signature is 3/4. The lyrics are: "Вы сы-грай-те, ох Кир-са-нён-ку, по-ды-ми-тя па-ца-нён-ка.", "ка. три де_рев-ни два се-ла. им по пе сси кс тог-да Дев-ки влес и", and "я за ни - ми дев - ки ся - дут, и я сни ми."

Гавриловский р-н, с. 2-е Пересыпкино. Н. И. Моторин,
солистка Н. С. Косова

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает вокальную партию (верхняя линия) и фортепианное сопровождение (нижняя линия). Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 2/4 такта. В первой системе вокальная партия имеет ноты: полуприма, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная. Под ней — русские слова: «На цы ган ку по хо жа». Вокальная партия второй системы имеет ноты: две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная. Под ней — русские слова: «двух то ва ри шей лю би ла до шло де ло до но жа». Фортепианное сопровождение в обеих системах состоит из ритмичной мелодии в правой руке и аккордовой основы в левой руке.

Гавриловский р-н, с. 2-е Пересыпкино. Н. И. Моторин

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает вокальную партию (верхняя линия) и фортепианное сопровождение (нижняя линия). Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 3/4 такта. В первой системе вокальная партия имеет ноты: две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная. Под ней — русские слова: «Эх, мо я ро — за он». Вокальная партия второй системы имеет ноты: две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная, две восьмые, четвертная. Под ней — русские слова: «я не про тив при петь то жа он!». Темп обозначен как $\text{♩} = 96$. Фортепианное сопровождение в обеих системах состоит из ритмичной мелодии в правой руке и аккордовой основы в левой руке.

Фотоматериалы

На фестивале гармонистов (с. Платоновка Рассказовского района)

Старинная открытка – г. Кирсанов периода Первой Балканской войны (1912- 1913)

*Прохоров Александр Фёдорович, носитель традиции, гармонист,
мастер гармонных дел*

*Уличное гуляние под «Кирсановского». Фольклорный коллектив
«Пчёлка»*

**ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ И
ФОЛЬКЛОРА ТАМБОВСКОГО КРАЯ**

**Каталог фольклорных форм традиционной региональной
культуры**

Рецензент:
Ю. А. Мизис

Авторы-составители:
Л. Ю. Евтихиева
Р. М. ЖИТИН

Под общей редакцией
М. И. Семёнова, Л. Ю. Евтихиевой

Издательство Першина Р.В.,
392002, Тамбов, ул. Советская, 21, а/я 7.
email: pershin.tambov@gmail.com, тел. +7 909 2328101.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать электрографическая. Гарнитура Times.
Объем – 9,3 усл. печ. л. Тираж 100 экз.